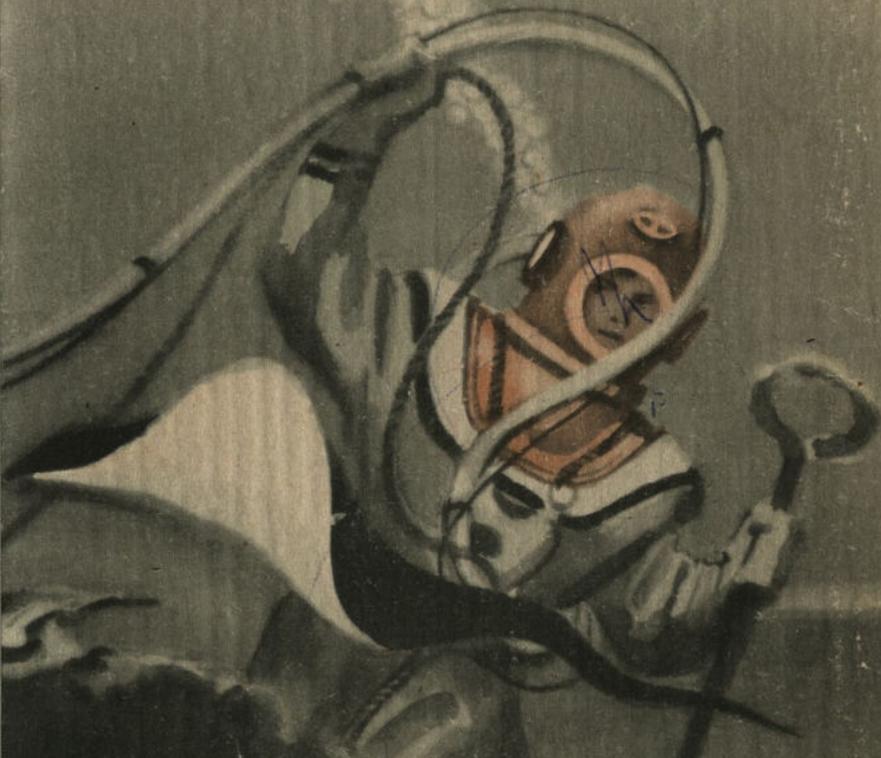

К. ЗОЛотовский

ПОДВОДНЫЕ
МАСТЕРА

ДЕТГИЗ · 1958

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

К. ЗОЛотовский

ПОДВОДНЫЕ МАСТЕРА

Рисунки И. Харкевича

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАД 1958

Эта книга о труде советских водолазов в период войны и в дни мирного строительства. Автор—сам в прошлом водолаз—рассказывает о различных случаях из жизни «подводных мастеров», иной раз смешных, а порою и трагических. Где только не приходится работать водолазам— и на дне морском, и в городских колодцах, и в нефтяных озерах! О том, какие приключения бывают под водой, с какими опасностями связан благородный труд водолазов, вы и узнаете из этой книги.

1

Что делает водолаз?

Вы думаете, с осьминогами сражается, добывает жемчуг и кораллы в океане, вылавливает погибших капитанов с ядром, привязанным к ноге?

Про таких водолазов я и сам читал, когда мне было лет десять — одиннадцать.

До сих пор помню картинку: каюта затонувшего корабля, посредине каюты стол, за столом скелеты в морской офицерской форме, у одного даже трубка в зубах. Над столом рыбки гуляют, а в дверях живой водолаз стоит, за медную голову руками держится, оттого, наверно, что сроду не видал, как мертвецы курят.

А теперь я водолазное дело знаю не по рассказам. Сам был водолазом глубоководником.

2

Что же делает водолаз?

У нас на водолазном судне висит особая карта. На этой карте точками обозначены корабли, затонувшие в Черном, Азовском, Каспийском и Белом морях.

Много точек зачеркнули водолазы на этой карте — значит, подняли корабли.

Одни подняли целиком, отремонтировали, и они опять ходят по морям, с других кораблей сняли все ценные части, а корпуса разрезали на куски и переплавили на заводах.

Тысячи тонн черного, сотни тонн цветного металла, украденного морем, добывают водолазы для нашей промышленности.

1*

3

На постройке больших гидростанций водолазы роют котлованы, укрепляют под водой основы шлюзов и плотин.

На Днепрострое во время работ была поставлена поперек реки огромная железная перемычка. Днепр повалил ее. Попробуй, подыми-ка такую махину. Ее никакие краны не возьмут. Решено было разрезать перемычку на куски автогеном. За это дело взялись водолазы.

Привезли на берег баллоны с кислородом и водородом. От баллонов тянулись тонкие трубки. Трубки кончались горелкой. Водолазный старшина поднес спичку к носку горелки, — газ с треском вспыхнул, вырвалось из горелки пламя. С огнем в руках погрузился водолаз в воду.

Вот на дне железная ферма. Водолаз приставил к ней огонь горелки и стал водить, как алмазом по стеклу. Где прошел огонь, там разрезано железо.

Работа с автогеном под водой опасна. Спустились на днепровское дно водолазы Серенко и Титов. Мутная была вода, и течение быстрое. Огромная корча — корневище дерева — налетела на водолазов и опрокинула их. Падая, Титов успел закрыть вентиля горелки, а Серенко не успел. Вывернулась у него в руках горелка и прожгла его огнем. Обоих подняли на баркас: Серенко мертвого, а Титова без памяти.

В годы Великой Отечественной войны фашисты разрушили ДнепрогЭС; пострадала при этом и значительная часть плотины. Весь советский народ восстанавливал своего любимца. Пришли на стройку и водолазы.

В ледяной днепровской воде расчищали они дно от обломков бетона и развороченного металла, шаг за шагом осматривали плотину, рискуя быть затянутыми сильным течением в трещины.

Сотни мешков с цементом уложили они, заделывая огромные отверстия в нижней части плотины.

3

Всюду, где на карте синими пятнами обозначены моря, а синими линиями — реки и каналы, работают водолазы — подводный цех.

4

Они — каменщики, кузнецы, слесаря, землекопы, автогенщики, электросварщики, подрывники, бетонщики, исследователи.

Водолазы — участники грандиозных строек наших дней — сооружения Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, Сталинградской, Куйбышевской и Каховской гидроэлектростанций.

По дну многих рек, озер и водоемов прокладывали водолазы трубы мощных газопроводов Саратов — Москва и Кохтла-Ярве — Ленинград.

То, что делают на земле сухопутные рабочие, под водой делают водолазы.

Строится, скажем, пристань. Верхнюю часть строят плотники, а нижнюю — мы, водолазы.

В порту корабли разгружают грузчики. А корабль, который не дошел до порта и затонул, приходится разгружать нам, водолазам.

Помню, как разгружали «Буревестник». Это было большое океанское судно. На нем во время первой мировой войны везли из Англии много закупленного там ценного груза.

«Буревестник» шел дальним путем через Ледовитый океан, напоролся там на камни и погиб.

Дно было неровное — откос. Лег «Буревестник» носом на 34 метра глубины, а кормой — на 56.

Всё добро осталось на корабле в трюмах: самолеты, автомобили, машины, винтовки, боеприпасы, инструмент, каучук, нитки, обмундирование, воск.

Водолазные баркасы в Мурманске получили распоряжение поднять груз.

Ну и поработали же тогда водолазы! Днем и ночью, ночью и днем. Многотонные грузы — машины и ящики с боеприпасами — надо сначала застропить, а потом тянуть. Тяжело скрипели лебедки, разгружая подводный склад.

А легкие ящики с каучуком, воском сами вылетали наверх.

Шевельнет водолаз в трюме ящик с воском, а он — прыг под самую палубу. За ним другой, третий, четвертый.

Тут водолаз наберет в рубаху побольше воздуха, поднимется и давай подгонять ящики к открытому люку.

5

Один за другим выскакивают ящики из люка и всплывают на поверхность, — успевай только ловить с баркаса.

Вот как работают водолазы — подводные грузчики.

Они же и подводные электромонтеры.

По дну рек и озер тянутся длинные электрические кабели. Кто проложил их? Водолазы.

Они же и водопроводчики.

Каменщики и бетонщики ставят на берегу водонапорную башню, а водолазы прокладывают в реке трубы, чтобы гнать на башню воду.

Засорится ли заводской колодец, испортится ли фильтр на водонапорной башне — кого зовут? Водолазов.

Кто расчищает дно рек и водоемов, добывает редких морских животных и растения, заделывает скважины в нефтяных амбарах? Опять мы, водолазы.

4

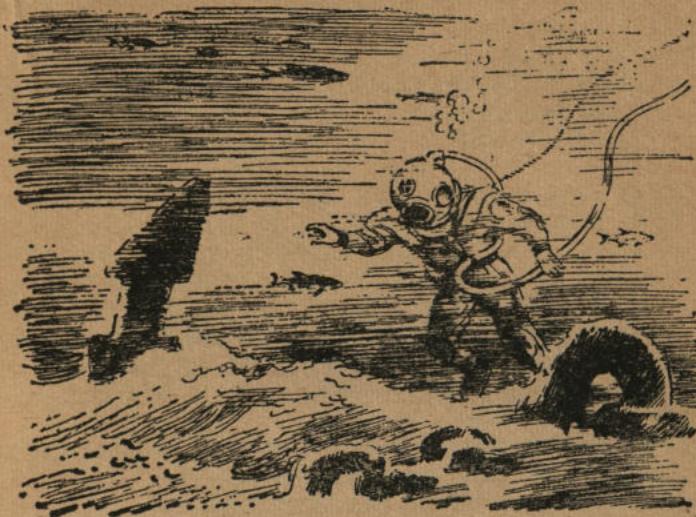
А может ли сухопутный рабочий заменить подводного?

Не может. Ему даже подводную «прозодежду» не надеть. Он и ходить по дну не сумеет.

Носить водолазный костюм — скафандр — и ходить по грунту мы долго учимся в водолазной школе.

Во время войны у водолазов тоже много дела: работать на минных полях и заграждениях, ходить в море за торпедами, следить за исправностью подводных частей корабля, чинить пробойны.

И в войну трудимся вместе со всеми рабочими так же, как и в дни мира: они — на суше и на воде, а мы — под водой.

ПЕРВЫЙ СПУСК

Приплыл наш баркас и стал посреди гавани. Первый спуск в воду, первый в жизни.

Нужно найти оборвавшийся с миноносца якорь.

Глубина шесть метров.

Нам не по себе, но виду мы не подаем. Учитель Рымов знает это и говорит:

— Помни заповедь водолаза: «Не дергайся зря!»

— Вацько, одеваться! Рубаху!

— Есть!

— Сигнал!

— Есть!

— Манишку, грузá!

— Есть!

— Водолаз, на калоши!

— Есть!

— Водолаз, направо на трап!

7

— Есть!

Вацько загромыхал по палубе. Он весил теперь килограммов сто с лишним.

— Двое на помпу! Качать! — скомандовал Рымков.

— Есть качать!

— Надеть шлем!

— Есть!

Навинтили медный шлем, завернули гайками.

— Воздух идет? — спрашивают.

— Идет, — говорит Вацько через круглое отверстие.

Ввинтили в отверстие стекло. Шлепнули по шлему ладонью — ступай, мол, к рыбам!

Зашагал Вацько по ступенькам. Мотнул медной головой — и в воду.

Через две минуты дергает за сигнал: «На дне. Чувствую себя хорошо».

Прошло минут пять. Ждем. Прыгают и лопаются на воде пузырьки. Вдруг как забурлит...

Выскочили из воды ноги. Ахнули мы все.

Потянули сигнальную веревку — исчезли ноги, выскочила голова.

— Здорово, — кричим, — здорово, Вацько!

А он ухватился за трап и карабкается на баркас.

Отвернули иллюминатор.

— Помпа, стоп качать!

— Есть!

— Ну как? — спрашиваем.

— Да так, — говорит. — Встал я на дно ногами, осмотрелся и хотел было пройтись. Да только шагнул раза два, — плохо выходит. Думал, камни мешают. Нагнулся посмотреть, а воздух у меня весь в ноги ушел — и рраз на попа. Так и поехал вверх ногами.

— А золотник нажимал?

— Вот про золотник-то я и забыл на дне.

— Ну и вышло дышло, — сказал Рымков. — Знаешь, как у нас говорится: чтобы водолазом быть, надо по дну походить... Золотовский!

— Есть!

Моя очередь. Влез я в костюм. Калоши надел. Надели на меня груза, нож привесили. Привинтили шлем. Зашипело в шлеме.

Стал я тяжелым. И, бухая по железным ступенькам

свинцовыми подметками пудовых калош, спустился в воду. Трап кончился. Медленно иду ко дну. Всё легче и легче делаюсь. Взглянул через стекло вверх. Вижу — тянутся, как две змеи, резиновый шланг и сигнальная веревка. Конец трапа висит. Рыжий киль баркаса над самой головой. А водяной потолок чуть рябит, как поцарапанное мутное стекло.

Немного спустя опять взглянул вверх — уже не видеть ничего. Вниз взглянул — там что-то темнеет. Грунт, наверно. И вдруг в ушах — хлоп-хлоп — пискнуло и кольнуло. Ноги стукнулись обо что-то. Дно.

Посмотрел я через стекло. Свет какой-то белесый кругом, тусклый. Тихо очень. Вижу — впереди рыбка. Плышет ко мне. Остановилась, смотрит на меня и шевелит красными перышками-плавниками. Я шагнул, — рыбка мелькнула тенью над головой.

Нужно найти якорь. Стал я шагать, как меня учили. Нажимаю головой пуговку золотника, иду. Остановился опять, оглядел дно. Обрывок цепи, шлак, песок желтый, а из песка торчит коряга, вся облепленная ракушками точно изюмом. Шагаю дальше. Правым плечом вперед, — так легче раздвигать воду. Ноги по колено в ил уходить стали. Вытащишь одну ногу с таким сапожищем — вторая вязнет. Как в тесте. Плюнул я со злости, а плевков под самым носом на стекле остался. Вот ведь как! Хотел я с досады затылок почесать... Что такое? Не слышу своих пальцев на затылке. Сообразил, что скребу я медную голову.

Больше не чесал я затылка и не плевался.

С трудом пробираюсь по дну и смотрю в стекла. Из ила чугунная лапа выглядывает. Ага, вот он, якорь-то!

Обрадовался я. Первый раз на дне, а сразу нашел. Нагнулся над якорем, придумываю, как бы лучше его привязать. А головой нечаянно всё жму да жму на золотник. Последний воздух буль-буль — и вышел. Отнял я голову от золотника да за сигнал — дерг, дерг, дерг, дерг: дайте воздуху! А сигнал четыре раза, — значит, наоборот — тише качай. Услышали наверху — ну и стали качать тише. Не помня себя, я опять четыре раза дернул. Чуть-чуть качают наверху.

Стал я задыхаться и повалился на якорь. Метнулись искры из глаз. Затошнило, перехватило горло, глаза по-

лезли на лоб. Чувствую, как вылезают. Большой красный круг перед глазами поплыл, потом желтый — еще больше, синий — совсем огромный, поплыл, разорвался, и всё пропало. Еле помню, как подняли меня, как на палубе стащили рубаху.

Два дня после того я опомниться не мог.

А когда пришел в себя, первым делом вызубрил таблицу водолазных сигналов, которую уж, наверно, не забуду до самой смерти.

„ПАМЯТЬ АЗОВА“

На затонувший корабль спустился я в первый раз осенью, в конце водолазного лета.

На дне Кронштадтской гавани лежал старый крейсер «Память Азова». Начали водолазы поднимать его.

— Пластырь сегодня «Азову» на ранку наложим, — сказал водолаз Вася Чехонин.

А ранка в борту крейсера не маленькая — трамвай проскочит. Ну, и пластырь на нее тоже не маленький нуаж — с ворота большого дома.

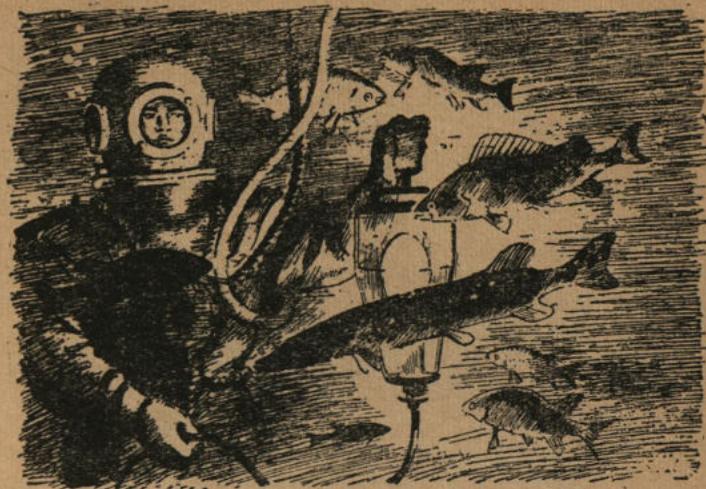
Опустили водолазы такой пластырек на пробойну, приложили поплотнее и обтянули через весь борт цепями. Торопились кончать: на Балтике в эту пору штормы начинались. Поэтому водолазы и в ночную работали.

Было двенадцать часов ночи. Вышла на работу наша смена, смена водолазов-учеников. Нужно было осмотреть, как приложен пластырь к пробойне, и измерить зазоры.

Одели меня. Взял я в руку электрический фонарь и спустился в самое нутро корабля. Пробираюсь осторожно, главное — электрический шнур берегу, стараюсь не задеть его и не обрезать обо что острое. Если погаснет фонарь, — не выбраться мне из этой чернильной темноты.

Иду мимо железных погнутых переборок. Тронешь переборку, а она вся мохнатая — зеленью обросла. Всё тут заросло — гайки, трубы, бронзовые ручки машин.

Вхожу в бортовой отсек, здесь начинается пластырь. Протянул руку с фонарем вперед — разглядеть пла-

стырь — и вдруг вижу рыбину. Стоит возле фонаря, шевелит плавниками, смотрит сонно на меня и не трогается с места.

Не видал я раньше сонных рыб, шагнул вплотную к ней. Гляжу — у фонаря вторая рыба. Как же я не заметил ее? Только я это подумал, как откуда-то сбоку подплыла третья, за ней четвертая... И поплыли изо всех темных углов корабля на свет рыбы, рыбешки. Мордами в мой фонарь тычутся.

Щуки, плотва, окуни со всех сторон меня окружили. Так их много, что через стекла глядеть мешают. Махнул я фонарем. Которые в сторону подались, а которые только лениво повернулись на другой бок.

Полез я к пластырю. Посвечиваю фонарем. Где плотно пластырь прилег, а где зазоры, вмятины. Метром обмеряю. А записать не на чем, запоминаю так. Обшарил пластырь кругом, стал на палубу и посветил фонарем вбок. В зеленоватом бутылочном свете какие-то палки и чурки висят без подвески.

Пододвинул фонарь ближе. Палки и чурки зашевелили плавниками, крутят глазами, в упор глядят. Только не видят ничего. Спит рыба команда.

Пошел я назад. Тихо иду, без шума, осторожно ступаю пудовыми калошами. Скрипнуть боюсь. И вдруг задел за что-то. Вздрыгнул. Гляжу,— а это рыба. Кувырнулась она — и вбок от меня, как угорелая. Тут только я подумал: и чего это я крадусь, как вор! Хозяев круглоглазых разбудить боюсь, что ли? Загрохотал я по палубе всей подошвой. Подошел к спусковому концу. Дернул три раза сигнал и стал выходить.

Утром ребяташки выехали на лодке удить рыбу. Закинули червяка как раз туда, где «Память Азова» лежал. Они-то не знали, конечно, куда закидывают и много ли рыбы в этом месте. А я знаю.

УДАВКА

У Новороссийска в море лежал корабль. Корабль был старый, и решили водолазы разделить его на куски, а машины, по возможности, достать целиком.

Стали мы рвать корабль толлом. Тол — это взрывчатое вещество. Он сильнее динамита и в воде не мокнет. А на вид — самое безобидное желтое мыло в жестяной коробке.

Оторвали мы палубу и подняли наверх. Принялись за внутренность корабля.

Мне было поручено оторвать машину — донку. Взял я в руки заряды в жестяных коробках.

Сошел с баркасного трапа и погрузился под воду. Бережно держу коробки, будто это не заряды, а тонкие фарфоровые чашечки, которые чуть надавишь — и хрустнут. Собственно говоря, жестяные коробочки с толлом можно давить сколько угодно, да в них положены медные капсулы, а в этих капсулах капризная гремучая ртуть. Того и гляди зацепишь электрический шнур, который тянется от капсулей вверх на баркас, ну и взорвешься вместе с зарядом, разлетишься на мелкие кусочки. А зацепиться легко. Ведь, кроме шнура от зарядов, тянутся за мной с баркаса еще телефонный провод, шланг и сигнальная веревка. За всем этим наблюдать надо.

Осторожно спустился я на корабль, не взглянул ни разу на рыбешек и медуз, которые суетились вокруг. Всё время вверх смотрел, чтобы не перепутались мои провода да шланги.

А когда взглянул вниз, себе под ноги,— увидел, что вишу я над самым кораблем. Станным показался мне этот корабль без палубы. Будто вырвали у него стальной живот, оголили ребра, а внутрь накидали железо помятое, как бумага.

И всё это наделали коробочки тола,— вот такие, как у меня в руках.

Опустился я внутрь корабля, осторожно пробрался в машинное отделение и увидел донку.

Это небольшая машина, которая сосет воду для кочегарных котлов.

Давно уже не работала донка. Въелись в нее мелкие водоросли, а кое-где — ракушки и зелень.

Принялся я за работу. В местах крепления донки заложил коробки тола. Говорю в телефон: «Заряды заложены».

Сверху отвечают: «Хорошо, выходи наверх».

Поднялся я на баркас. Снял шлем, а костюм не снимаю: после взрыва надо мне опять под воду спускаться.

Отошел наш баркас от опасного места. И тут старшина Киндинов соединил электрические шнуры от моих зарядов со взрывательной машинкой.

— Товсь!

Все так и замерли на своих местах.

Киндинов крутнул ручку «адской машины». Под водой глухо рывкнуло.

А через полминуты над морем взлетел водяной столб и разбился в стеклянные орешки. Долго ходили круги по воде.

Потом баркас опять привели на старое место — над взорванным кораблем. Я снова спустился на дно, но уже без зарядов.

Над кораблем медленно расплывалась ржавая муть от взрыва.

Донка лежала на боку. Заряды отстригли ее от креплений будто ножницами. Я осматрел ее и сказал наверх:

— Донка оторвана, спускайте строп!

Спустили. Конец стропа улегся у самых моих ног. Затянул я им донку и кричу в телефон:

— Застроплена, поднимайте!

Сверху ответили:

— Есть! — и начали поднимать донку.

Ржавая муть еще не разошлась, мешает смотреть в стекла, а рваное железо путается под ногами. Шагнул я в сторону, чтобы меня донкой при подъеме не задело, и куда-то левой ногой провалился. Дергаю ногу, а нога не вылезает.

Я нагнулся, разгреб железный мусор и увидел: попала моя нога в узенькую дорожку междудонного отсека. Только я это сообразил и начал ногу вытаскивать, как меня дернули и потащили кверху.

«Зачем тянут? Ведь я же не давал сигнала!»

Взглянул я наверх, а донка уже высоко надо мной поднялась, и сразу всё понял: зацепился мой сигнал за донку. «Как же это я про него забыл!»

А донка всё поднимается, всё тянет меня за сигнал. Тянусь я, как резиновый, а проклятая нога засела в дыре. Поднялся бы я на сигнале вслед за донкой, да своя же нога не дает.

Что тут делать!

Начал сигнал на мне затягиваться всё туже и туже. Удавкой меня стиснул.

Кричу в телефон:

— Стоп поднимать донку! Стоп! Трави обратно!

Не отвечают сверху, — тянут. Не расслышали, что ли?

Прохрипел я из последних сил.

— Стоп поднимать!

Прижимаю ухо к телефону. Молчат наверху.

А я уже и ноги своей не чувствую, — скрутила меня удавка и душит.

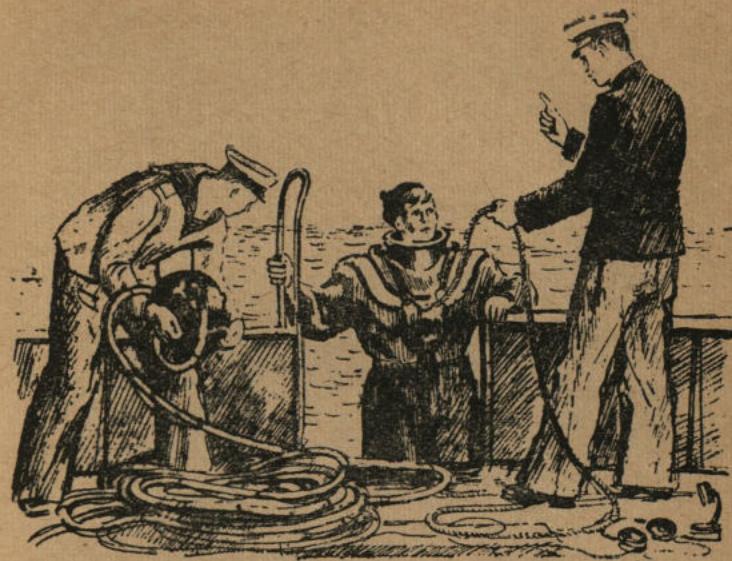
Одно у меня в голове: сейчас либо пополам перережут, либо ногу оторвут.

«Лучше бы уж ногу», — думаю. И вдруг над ухом явственно:

— Ты что спрашивал?

— Трави донку обратно! — кричу в телефон и сам своего голоса не слышу.

Сразу ослабел на мне сигнал, перевел я дух. Гляжу: донку обратно спускают всё ниже и ниже. Протянул

я руку, сорвал с нее сигнал и распустил петлю на поясе. Вот когда вздохнул я свободно. Отдышался и вытащил ногу из железной дыры. А нога будто не своя, даже мурашки по ней не бегают.

Говорю в телефон: «Выхожу, поднимайте!»

Когда сняли с меня шлем на баркасе, я первым делом спросил у ребят:

— Почему не отвечали, когда кричал?

— Телефон у нас что-то разладился, — говорит Киндинов. — Минуты три чинили.

Три минуты! А мне показалось, что три часа меня веревкой резали. . .

— Как же это так? — спрашиваю. — Что вы за телефоном своим не смотрите? Меня из-за него чуть на две половины не перерезало.

А Киндинов отвечает:

— А ты чего за сигналом своим не смотришь? Знаешь, у нас, старых водолазов, поговорка есть: «На телефон надейся, а сигнала не забывай!»

„САДКО“

Ни в Черном море, ни в Азовском, ни в Каспии не встречал я цветных медуз. Все были прозрачные, студенистые и молочные. Яркая, цветная медуза водится на Севере.

Когда мы плыли Белым морем на подъем затонувшего ледокола «Садко», увидел я с борта, как поднимается из синей глубины яркий комок. Так и переливается огненно-красным светом.

— Гляди, какие тут медузы занятные,— сказал мне товарищ.

Одна, другая, третья... Я смотрел на них и оторваться не мог. А потом привык. За Полярным кругом, где мы работали, таких медуз великое множество.

Да что медузы!

В первый раз, когда я спустился с баркаса на ледокол, показалось мне, что подо мной не дно морское, а настоящий сад.

Прозрачная вода в глубине моря увеличивает всё, что кругом видишь,— листья у растений огромные и качаются будто перед самым твоим иллюминатором.

Ухватился я рукой за никелированный поручень капитанского мостика, стравил золотником воздух и опустился на палубу.

Со времен первой мировой войны лежит здесь «Садко». Пятнадцать лет никто не тревожил старый ледокол, пока мы, советские водолазы, не получили распоряжение начать судоподъем.

Каждый день спускаемся для подготовки водолазных работ. Сегодня моя очередь. Шагаю я по палубе ледокола. Легко шагать, так и понесся бы вперед, если бы не шланг и сигнал. Того и гляди зацепятся они за что-нибудь, а ты потом возвращайся и распутывай.

Перелетаю через огромное зияющее отверстие трюма одним прыжком,— воздуха вдоволь дает моторный компрессор с баркаса, умей только распорядиться им для дыхания, для ходьбы, для работы.

По всей палубе, на капитанском мостике, на медных, позеленевших поручнях, на раструбах вентиляторов — везде рассыпаны морские звезды, крупные, мелкие, крас-

К стр. 25.

ные, желтые, коричневые. С дверей капитанской каюты снял я прилипшую к косяку большую розовую звезду. Она медленно повела своими лучами и спустилась на морскую лилию. Плохие пловцы звезды. Потому и налипли везде, где только можно уцепиться.

У трюма росли лапчатые лилии в мой рост, пышная морская капуста, пучковые водоросли, водоросли вроде гороха.

Позже я узнал, что этот морской горох зовут «тура», им кормят с подболткой муки свиней в рыбацких поселках Белого моря.

Сорвал я подводный виноград, но это не настоящий виноград, а йодное растение. Так сказал мне наш водолазный врач.

Часто мелькали мимо меня маленькие рыбки с большими, похожими на крылья, плавниками.

У бортов распустились губки, как огромные маки. Но только дотронулся я до одной, чтобы сорвать, — она сжалась в комок.

Я шел по заросшему зеленым мхом трапу. Давно по этим ступеням не ступали матросские сапоги.

Из чащи водорослей прямо на меня глянула острая мордочка длинной рыбки. Я, как ручную, вытащил ее за хвост, а она выскользнула и юркнула снова в чащу. Водорослевая рыбка.

Так шел я среди диковинных губок, звезд, лилий будто по тропическому лесу; а было это на дне холодного, полярного моря. Вижу — дверь каюты на правом борту.

Взялся я за ручку двери, потянул... медная круглая ручка так у меня в кулаке и осталась. Набухла деревянная дверь, не удалось мне попасть в каюту.

В другой каюте дверь была приоткрыта. Я нагнулся и протиснулся внутрь. Там было темно, едва пропускали подводный свет заросшие иллюминаторы. Я содрал со стекол мох, одно окошко открылось совсем, и в каюте стало чуть-чуть светлее.

У стенок я увидел большие ящики. Для чего они?

Никак я не мог припомнить, что за каюта должна быть на правом борту.

Открыл один из ящиков и залез рукой в его темное нутро. На ладони у меня загорелась целая пригоршня огоньков. Рассыпались огоньки из ящика по всей каюте. Я снова пошарил и снова вытащил с десятков огней. Так набрал горстей пять. Больше огоньков в ящике не было, будто почернел ящик.

Вечером на берегу спросил я у водолазов, что это за огоньки такие.

Наш водолазный инструктор рассказал мне, что есть в море такие мелкие подводные животные, вроде черноморских ночесветок. Светятся они в темноте потому, что в них много фосфора.

Выбрался я из каюты и пошел дальше. И вдруг попал в целую заросль лилий. Смотрю — одна коричневая лилия будто движется. Я нагнулся, схватил ее рукой, а это морской кот запрятался в лилиях. Он широкий такой, и хвост у него длинный, верткий, с колючкой посередине вроде ножика.

Резанул он меня по пальцу своей колючкой. Я посмотрел на руку через стекло, а из пальца, будто темно-красный дым, кровь курится.

Рядом стояло заржавленное ведро. Я рассердился и стал запихивать в него морского кота. Он два раза вырвался и мутил воду, а всё-таки я его туда загнал.

Сверху бросил губку, звезду и до самых краев набил ведро лилиями. Не удержит теперь морской разбойник.

Ведро привязал я к концу, спущенному с баркаса. А когда кончил работу на корабле и поднялся на баркас, вслед за мной и ведро подняли.

— Ну,— говорю товарищам,— посмотрите, кого я на корабле поймал.

Вытащил из ведра охапку помятых лилий, потом звезду, потом губку, а морского кота в ведре не оказалось.

Удрал по дороге, наверное.

ОКОЛО „КРУГЛОЙ СМЕРТИ“

Работали мы на море с тральщиками. Два тральщика — небольшие военные суда — тянули по дну трал. Это такая веревка с грузиками, которой шарят по грунту, когда вылавливают мины. Как только трал зацепится за что-нибудь на дне, посылают нас, водолазов, проверить, что там такое — коряга, камень или в самом деле мина?

Спустились мы как-то и видим: лежит на дне баржа. А над нею, как детские воздушные шарики на привязи, качаются на разной глубине круглые серые мины с огромную тыкву величиной.

Наткнется корабль на такую тыкву — и на куски. Плохая штука! За это моряки и зовут ее «круглой смертью».

Сообразили мы, в чем дело, — и скорей уходить.

Доложили командиру. Он — в порт. А оттуда к нам катер несется и баркас на буксире.

На катере начальство, а на баркасе портовые водолазы.

— В самом срочном порядке,— говорит начальство,— поднять баржу.

Никто из нас не знал, чем эта баржа загружена. Одно было ясно: баржу с кирпичом так минами не заставят. Нужно было осмотреть баржу, очистить ее от мин, завести под нее стальные веревки — стропы.

— Я сам знаю, товарищи,— обратился к нам начальник порта,— что это дело нелегкое. Бароном Врангелем

при отступлении было затоплено здесь ценное имущество. Поднять его — это значит оказать услугу Родине. К тому же, как вы сами понимаете, мины представляют серьезную опасность для наших судов. Есть ли среди вас охотники?

— Я полезу,— сказал Шульга. Он был у нас старшиной. Дельный парень, только слишком горячий.

— Ну и я за компанию,— спокойно сказал Вацько, мой товарищ по водолазной школе, шутник, увалень.

— Этому, пожалуй, лезть не стоит,— говорит начальник порта,— молод еще, не справится.

А Вацько будто не расслышал, готовится к спуску.

Первым, конечно, спустился Шульга.

А мины болтались над баржей на тонких стальных веревочках, минрепах,— ну совсем детские воздушные шарики. Только не мальчуган держит их, а минные якоря на дне. С первого же шага зацепился Шульга шлемовым рожком за такую веревочку и замер. Стоит, не шевелится, даже воздуха золотником не травит, сигнала не подает. Шутка ли, за самую «круглую смерть» зацепиться! А сверху всё накачивают и накачивают воздух.

Раздуло Шульгу, как мыльный пузырь, перевернуло вверх ногами и вынесло. А мина только покачнулась.

Повезло Шульге: ведь от него бы и клочка не осталось, если бы он посильнее дернулся, когда вверх ногами висел.

Спустили потом Вацько. Этот и на суше никогда не суетился, а тут и подавно не торопится: подойдет к стальной веревочке и перережет ее большими водолазными ножницами, подойдет к другой и опять перережет. Мины, свободные от веревочек, так и подсакаивают вверх.

А наверху мину загребут тихонько сеткой, отведут в море и выстрелят в нее. Она только грохнет и никакого вреда ни кораблям, ни людям не причинит.

Глубоко по мутному илу пробирается Вацько к самой барже.

Вдруг что-то погладило его по плечу. Вацько потрогал и сразу отдернул руку.

Зацепилась мина! Вот-вот рванет. Стоит Вацько, ждет конца. Поставил свою жизнь на кон: пан или пропал. Минуту ждет, две... ну, значит, проживем еще!

Перевел Вацько дыхание и пошел потихоньку дальше вдоль борта баржи.

Внимательно осмотрел, как лежит баржа и где еще прячутся около нее баронские шарики. А потом опять стал спокойно, не торопясь отстригать стальные веревочки. Будто в саду ветки стрижет. Кончил дело и докладывает наверх по телефону:

— Мин больше нет, начинайте подъем.

Через несколько дней подняли баржу со всем грузом.

За это дело Реввоенсовет наградил Вацько и Шульгу. А потом приказ о благодарности разослал по СССР, чтобы все знали о том, как смелые советские водолазы подняли баржу с ценным имуществом.

ПОД МИНОНОСЦЕМ

В Черном море у Кавказского побережья с 1919 года лежал на дне миноносец со всеми торпедами и орудиями. Водолазы долго разыскивали его. И наконец нашли.

Глубина сорок метров. Первым спускается Кравцов. На баркасе с далекого дна услышали мы в телефон:

— Я на миноносце.

Отвечаем:

— Осмотри, попробуй грунт. Посылаем лом и лопату.

Одели меня. Взял я лопату и лом, намотал на руку конец веревки от буйка.

В поле отмечают места вешками, а в море — буйками. Это поплавки такие. Когда доберусь до миноносца, привяжу к нему конец, чтобы по буйку легко было найти корабль.

Медленно погрузился я в воду. Под мышкой у меня лом и лопата. Над головой вьется веревка от буйка, а рядом змеится воздушный шланг и сигнал. Шагах в десяти в белесом тумане тянутся кверху такой же шланг и сигнал Кравцова. Сам он где-то далеко подо мной. А со всех сторон — и вверху над головой, и внизу под ногами — колышутся волнистые медузы, бледные и рыхлые, как студень. То сжимаются, то разжимаются.

Скоро ли грунт? Что это: скала или туша морского животного? Да это миноносец! Какой он длинный! Перевернут вверх днищем. Киль гребнем стоит от носа до кормы. А над миноносцем носятся головастые бычки, красноперые ерши и пляшут всё те же молочные медузы.

Стукнули мои подошвы о стальной киль корабля. Я ухватился за корпус. Большой краб, жесткий и серый, пополз от меня вниз по ржавой обшивке.

Скользят мои руки, сдирают на лету мох и ракушки с крутого бока миноносца. Бычки за мной так и кидаются, — это я им ракушек давлею, а они лакомятся.

Вдруг лом и лопата вырвались у меня из-под мышки, прозвенели по борту и стукнулись о грунт. За ними и сам я до грунта добрался. Ищу лом и лопату, а найти не могу.

Поднялась со дна сизая муть, встала перед круглыми стеклами, будто я ослеп. А когда муть осела и вокруг прояснилось, увидел я шагах в пяти Кравцова. Идет он ко мне. Прислонили мы шлем к шлему. Через медные стенки голос мой как в пустом доме гремит:

— Ваня, назначаю тебя командиром миноносца. Переверни и командуй.

Кравцов грохочет в ответ. Это он смеется.

— Сам попробуй переверни. Я тебя за это старшим коком назначу. А пока что давай-ка лом.

Я нагнулся и поднял лом, а мимо нас и между нами рыбы стада проходят — кузовки с поросячьими мордами, длинные рыбы вроде кочерги и маленькие, с булавку. Не только не боятся нас, а даже внимания не обращают.

Подошли мы с Кравцовым к миноносцу. Я привязываю к медному клапану веревку от буйка, а Кравцов рядом грунт пробует. Но лом его только гудит, а не роет. Песок с глиной сбился в крепкий цемент.

Бросил Кравцов лом.

— Крепкий здесь грунт, — говорит, — целого года на долбежку не хватит.

В это время дернулся у него сигнал, — наверх его позвали.

— Счастливо оставаться! — говорит Кравцов. Взял он лом и лопату под мышку и стал медленно подниматься.

Видно было, как он перебирает ногами, будто пляшет на лету. Вот, думаю, и я такой же, если на меня снизу глядеть.

Выше и выше улетает Кравцов. Я голову поднял. Вижу — далеко, как в тумане, уплывают свинцовые подметки его калош.

Ну, думаю, сейчас и меня потянут.

И верно. Слышу в телефон:

— Выходи.

Стал я подниматься так же, как и Кравцов. Только смотрели на меня одни бычки да крабы. Поднялся я на поверхность, взошел на баркас. Смотрю, Кравцов уже докладывает инженеру, а тот записывает, чертит, подсчитывает.

— Ну, товарищи, я уже поднял миноносец... пока что, понятно, на бумаге, — говорит инженер и показывает водолазам чертеж. — Видите? Пророем под миноносцем три тоннеля насквозь, пропустим через них стальные полотенца, а к полотенцам прикрепим понтоны. Понтоны всплывут и вздернут миноносец кверху. Рыть тоннель, конечно, будем не лопатой, не ломом, а машиной — центробежкой.

На завтрашний день принялись мы за работу.

Среди моря покачивается круглый рыжий буюк — наша водолазная заметка над миноносцем. Рядом стоит

вспомогательное судно. На борту у него машины, каждая с двумя толстыми шлангами.

Вот они у нас и заработали. Разогнали на дне всех рыб и крабов. Одним шлангом с железной решеткой на конце машина песок сосет, другим, с медным наконечником, гонит воду на дно. А там стоит водолаз и направляет шланг с наконечником под миноносец, роет твердой струей тоннель. Глубже и глубже подкапывается под корпус миноносца.

Работаем мы по очереди несколько дней подряд. Уже промыли тоннель метров в двадцать.

Пришла моя очередь в воду идти. Спустился я на дно, а водолаз, что до меня на грунте был, наверх вышел.

Вижу — темное отверстие в песке под миноносцем. Это и есть тоннель. У отверстия вьется, осаживаясь, серо-желтая муть. Подождал я, пока муть осела, и нашел два толстых шланга от центробежки. Они уходили в тоннель.

Я согнулся и стал пробираться под миноносцем. Рукой нащупал палубный люк и стальной выступ торпедного аппарата. Верх моего шлема звякнул о дуло пушки. Еще шаг — и я уперся в глухую стену грунта. До этого места, значит, прорыли, а мне дальше прорывать.

Взял я шланг с наконечником, а шланг с решеткой оставил позади. «Промою метра два, — думаю, — а потом другой шланг возьму и буду отсасывать песок».

Кричу в телефон:

— Дайте воду в шланг!

На баркасе сидит Кравцов с телефонными наушниками. Он отвечает:

— Сейчас дадим.

Стою я в тоннеле, согнувшись, держу в руках шланг, как винтовку, и жду. Пока полная тишина, только шикает воздух у меня в шлеме. Но вот трянуло в руках шланг, и ударила из него струя. Зашумел песок. Зашуршали ракушки. Шаг за шагом подвигаюсь вперед. Еще метра три пройти — и выберусь на ту сторону миноносца.

Бьет струя, шуршит песок, трещат ракушки. Я зарываюсь всё глубже. Работаю. А песок обваливается и обваливается. Стало мне тесно в моей норе. Пора остановиться и отсосать песок другим шлангом. А то, чего доброго, засыплет.

Бросил шланг, а из него струя так и бьет. Шагнул

назад и остановился. Прохода нет. Завалило. Кругом завалило.

Хочу пробиться обратно, а шланг и сигнал меня крепко держат, не дают шагу ступить. Придавило их грунтом.

Кричу в телефон:

— Перестаньте гнать воду! Отсасывайте песок!

Прикладываю ухо к холодному кружку телефона.

Слушаю, — не отвечают.

Снова кричу сильно и громко, — нет ответа. Только струя из наконечника как живая по дну хлещет.

Понял я: где-то в тоннеле мой телефонный провод задел за что-то острое, — выступ торпедный или крышку люка, — мало ли там железа торчит? Порвался мой телефон. А песок всё забивает проход, заваливает мне ноги. Не вырваться никуда из песка.

Сел я и подумал: «Ох, и далеко же я забрался. Сижу в песчаной норе, под ржавой тысячепудовой мышеловкой, а сверху надо мной всё Черное море. И куда только человека не занесет? Сам в могилу залез, под железный памятник».

И вдруг совсем тихо стало.

Перестал шипеть в шлеме воздух. Что это, — качать бросили или шланг песком придавило? Вот сейчас задыхаться начну. Стало душно, как в сундуке. Сам слышу, как легкие мои хрипят.

Откопали меня товарищи. Вернее сказать, отмыли. Хоть и был я от них в сорока метрах под водой, под миноносцем, а они все-таки вовремя узнали, что мне дышать нечем. На манометр взглянули и говорят:

— Стрелка прыгнула на 55; а нужно только 45. Ясно, с водолазом несчастье. Остановить центробежку. Привернуть два запасных шланга! Кравцов и Трудов — в воду!

Спустились водолазы под миноносец. Видят — тоннель завален. Сообразили, что я внутри похоронен. Принялись с двух сторон штурмовать шлангами. Скоро разрыли мою могилу и меня наверх вытащили.

А через месяц и железный мой памятник — миноносец — со дна подняли.

Отремонтировали и его и меня. Он больше на дно не садился, а я опять по дну топаю.

В ЧЕРЕМЕНЕЦКОМ

Черемнецкое озеро находится в Ленинградской области — у Луги.

Приехали туда водолазы, погрузили костюмы на телегу и двинулись по дороге к Черемнецкому озеру.

Встретился им мальчишка из Черемнецкого совхоза, увидел водолазов — и бегом домой.

Кричит-надрывается:

— Едут дяденьки с головами и зеленые дяденьки без голов!

Зеленые дяденьки без голов — это резиновые костюмы.

Навстречу мальчишке шли летчики. Услыхали они, что мальчишка кричит, и обрадовались.

— А, водолазы, — говорят, — это они к нам едут!

Подъехали водолазы к самому Черемнецкому. Тут их летчики встретили и повели через парк к себе на базу. У них в столовой на столе два ведра молока и большая буханка хлеба.

— Мы ждали по крайней мере человек десять водолазов, — говорят летчики, — а вас только трое.

— Ничего, — говорит Зубарь, — мы и втроем справимся.

Действительно, справились — два ведра молока выпили и буханку хлеба съели.

— Ого-о-о, — смеются хозяйева, — вы, и вправду, за десятерых работаете.

— Таков наш водолазный аппетит — всё, кроме жареных гвоздей, едим, — говорит Третьяков и встает из-за стола.

* — Ну, теперь к делу перейдем, — говорит Фадеев. — Расскажите, как потонула ваша стрекоза.

— На учебном полете, — отвечают летчики. — Пилот и механик молодые, не управились с мотором. Он у них — бряк-бряк — и прямо в озеро.

— И давно это произошло?

— Третьего дня.

— Ничего, выудим вашу стрекозу.

Вышли водолазы в парк, оглядываются. Кругом зелень, беседки, столетние липы вершинами шущукаются.

— Чей парк?

— Был когда-то монастырский, теперь совхозный.

Похлопал Третьяков огромную толстокожую липу

— Э, старуха какая! Небось, старых хозяев помнишь? Забудь, а то срубим.

Проспали водолазы ночь, а наутро на катерах выплыли на середину озера.

Интересно летчикам посмотреть на водолазную работу. Стали они помпу качать. А водолазы принялись за дело. Одели Зубаря. Фадеев на сигнал становится. Третьяков на шланг.

А Зубарь шагнул с борта и сразу на дно. Ребята на берегу так и завизжали от радости.

Долго бродил по всем направлениям Зубарь. Это видно было по пузырькам. Наконец вышел — да в каком виде! Весь в иле, зеленая паутина на плечах, на манишке, даже на шлеме.

— Ничего там нет, одна только грязь!

Отплыл катер в другое место озера. Снова походил под водой Зубарь. Вылез, как лягушка зеленый.

— Нет ничего, только каша непролазная, — говорит.

— Хватит на сегодня?

— Хватит.

— Ну, так раздевайся.

Одели Фадеева. Отплыл катер еще немного вбок. Спустился Фадеев. Несколькими часами под водой ходил, искал. Вылез и говорит:

— Нет там самолета — ручаюсь.

— Может, его рыбы съели? — смеется Зубарь.

— А вернее, его совсем и не было, — говорит Фадеев.

Тут на берег вышел живой свидетель крушения самолета, молодой летчик, весь забинтованный.

— Давайте, — говорит, — еще в этой стороне пошарим.

Отплыли. На этот раз оделся и спустился в воду Третьяков. Прошло минут десять. Ничего со дна не сообщает. Водолазы уже приуныли, а про летчиков и говорить нечего. «Вот, — думают, — увяз в грязи водолаз!»

Вдруг — сигнал:

— Нашел! Спускайте трос!

Загалдели на берегу, спускают на дно толстый трос. Вот сейчас застроят самолет и вытянут на берег.

Только как его вытянешь?

На озере ни подъемного плавучего крана, ни лебедки в то время не было. Был только деревянный ворот.

Положили его на борту двух катеров и начали веревку наматывать.

А ветром относит катера всё дальше от берега.

Никак на месте не удержаться.

Остановили ворот. Как же быть?

Тут Третьяков повернулся к берегу и, показав на монастырские липы, сказал:

— А вот наматываем на них канат и заставим тянуть.

— А ведь верно! Ай да изобретатель!

Перенесли конец каната с ворота на липу. А другой конец к самолету привязали.

А липы могучие — глыбу каменную выдержат. Обернули летчики канат вокруг ствола, схватились и потянули. Тянут дружно все вместе — и водолазы и летчики. Третьяков — тот даже раздеться не успел — как из воды вылез, так за канат и ухватился. Только шлем сняли с него.

— Тяни, подхватывай!

Дрожит канат, ползет, укорачивается.

— На-а-жми-и-и-и-и!

Булькнула вода, запузырилась вдруг муть в осоке, и на берег, точно зеленый крокодил, выполз самолет.

— Ура-а-а-а! — закричали с катеров и с берега.

Спасенному утопленнику прежде всего устроили душ. Окатили из шланга — всю тину смыли.

Потом осмотрели. Вся передняя часть цела, даже пропеллер. Мотор, кажется, не слишком покалечен — надо испытать. Только вот крылья помяты. Но это беда поправимая.

Повеселели все и стали на радостях над пострадавшим летчиком подшучивать.

— Что же это вы, товарищи, — спрашивает Зубарь, — у нас хлеб отбиваете? Нырять на самолете вздумали! Мы же к вам под облака не залетаем. У каждого своя специальность!

— А ты, Зубарь, товарища летчика не разыгрывай, — говорит Третьяков. — Бывает, что и мы с тобой летаем, даже вверх ногами.

Летчики смеются.

— Летаете? — спрашивают. — Как же это так?

— А вот наберешь в рубаху слишком много воздуха, нагнешься — ну, и полетишь вверх ногами!

„ШОРОХ“

Осень. По Неве скользят льдины. К нам звонят с водопроводной станции:

— Вышлите ваших водолазов на водопроводную станцию.

— Есть.

Сказано — сделано. Мы берем с собой помпу, груза, шлемы, калоши, шланги и едем.

В залах станции стучат машины, жужжат электрические моторы, а посредине — колодец. Мы оглядываемся по сторонам и соображаем: где же тут поставить помпу?

А инженер зовет нас дальше, наверх. Рабочие под-

хватили наш водолазный багаж и тащат по высокой лестнице с площадки на площадку.

Вот мы и на третьем этаже.

И здесь тоже, как в нижних этажах, на самой середине — широкий колодец.

Зачем этот колодец в доме? Во всех трех этажах колодцы, понятно, не для купанья. Это фабрика чистой воды. В каждом из колодцев — фильтр.

Невскую воду, которая попадает на водопроводную станцию по трубам, здесь три раза чистят, процеживают, фильтруют.

Из последнего колодца вода бежит уже совсем чистая. Бежит на заводы, в столовые, в квартиры.

Вот почему в этих колодцах настоящий водоворот. Вода в них ни на секунду не успокаивается, крутится, клокочет не переставая, будто в колодце волчок запустили. Это работают фильтры.

А сейчас вода спокойна, неподвижна. На дне какая-то неисправность. Надо посмотреть, в чем дело, и починить повреждение. Мы с Зубарем одеваем Орлова, а здешние рабочие принимаются качать помпу.

Одевать водолаза для нас дело привычное. Одевали мы товарищей и на баркасе, и на берегу, и на льду, а вот в комнате, да еще в третьем этаже, — не приходилось.

— Эй ты, глубоководник, ныряй в первый этаж! — говорим мы Орлову и шлепаем его по макушке шлема.

Орлов спускается в колодец. Вот он уже стучит ключом и кувалдочкой на дне. Проходит минут двадцать.

Вдруг тихо внизу стало — ключ больше не брякает. Значит, кончил работу Орлов. Так и есть: вылезает он по лесенке, кивает инженеру головой — исправил, дескать. А с самого вода так и льет струями на асфальтовый пол. Шагает водолаз по комнате, а по всему зданию гул стоит от его свинцовых подошв.

Начинаем собирать снаряжение, чтобы домой ехать, а инженер говорит нам:

— Погодите, товарищи, еще для вас дело есть: насос в Неве не работает, проверить надо.

— Есть!

Спустились мы в нижний этаж, а оттуда перенесли помпу на берег.

По Неве скользят льдины. А у берега уже метров десять затянуло тонкой коркой льда.

Оделся я. Взял в руки лом.

— Бери и другой, — говорит Орлов.

— Зачем? — спрашиваю.

— Пригодится.

Взял я и второй лом.

Начали качать помпу рабочие. Посвечивают мне с берега фонарями. Стекла моего иллюминатора сразу запотели от дыхания. Протер я их носом и спустился по лесенке. Тонкий лед так и разошелся, расплылся подо мной, и я погрузился в воду. Наверху уже сумерки, часов семь вечера, а здесь совсем ночь. Плавать надо мной лед, будто салфеткой меня покрывает.

Шагнул я по дну раза два и наступил на трубу. Брякнула она у меня под калошей. Я нагнулся, ухватился за трубу и пополз вдоль нее, перебирая руками, в глубь реки.

Валит меня течением, так и норовит отбросить от трубы. А мимо иллюминатора моего белые льдинки так и проносятся.

Мимо — это бы еще ничего, — а то они и по рукам меня колотят, и по спине, и по плечам, и по шлему барабанят.

Этот мелкий плавучий лед называется «шорох». Он всегда появляется перед замерзанием Невы.

Надоел мне проклятый «шорох». Будь у меня руки свободны, я бы кое-как отбивался от него, отгребал бы его прочь от себя. А что поделаешь, когда в руках у меня ломы?

Лезу на ощупь по трубе, лезу, лезу, лезу, — конца краю не видать.

И вдруг нащупал руками насос. Кончилась, значит, труба.

Ну и толчея же на этом месте! Бесится вода, бегает вокруг насоса, как голодная кошка вокруг мышеловки, так и шуршит льдом.

Приподнялся я и потрогал рукавицей решетку насоса, а на решетке целая ледяная подушка выросла.

Понял я теперь, почему через эту трубу вода на водопроводную станцию не идет. Сжал в руке лом да изо всей силы как стукну по ледяной крышке. Раз, еще раз!

И вдруг меня дернуло и потянуло вместе с ломом к насосу. Это в насос вода помчала. Сам-то я успел вовремя назад податься, а лом у меня из руки вырвало и унесло в трубу. Потянулся я за ним, чуть руку к решетке не припечатало.

А лед еще не весь был сколот. Хорошо, что у меня другой лом про запас оказался. Счистил я всю ледяную корку с решетки — и скорей к берегу. А то минуто или две я бы еще, пожалуй, продержался, а потом стукнуло бы меня головой о решетку, и присосался бы я к насосу, как пиявка. Так бы приклеился, что никакими веревками меня не оторвать.

Назад к берегу лез я по старому пути — по трубе. Только в руках у меня было теперь уже не два лома, а один. У берега дал я сигнал:

— Выбирайте!

Потянули меня вверх. Пробил я шлемом тонкую ледяную скорлупу и вылупился, как двенадцатипудовый цыпленок.

Сквозь стекла ударили мне в глаза красные лучи фонарей с трапа. Вылез я и отдал товарищу лом.

— Спасибо, — говорю, — пригодился.

— А у нас уж вода полным ходом идет, — говорит инженер. — Быстро вы дело сделали!

Киваю я ему головой, а потом осторожно спрашиваю:

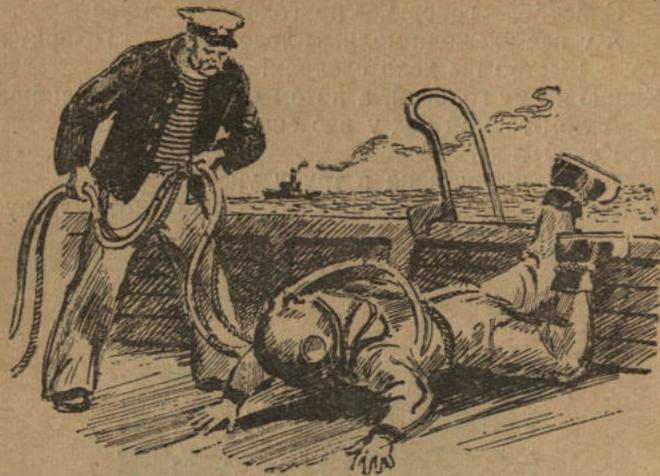
— А лом-то мой бед у вас еще не натворил?

— Какой лом?

— А тот, что у меня в трубу унесло.

— Ничего, — говорит инженер, — мы его отфильтруем!

БЕШЕНАЯ АКУЛА

Еще совсем молодым водолазом впервые встретил я настоящую, крупную акулу в Белом море.

Правда, не под водой. Ее поймал тральщик. Пришел я посмотреть.

Огромная акула лежала на палубе и, выгибаясь, била упругим хвостом. Вокруг толпилась команда. Маленькие злые глазки акулы поблескивали, она пыталась перевернуться вверх брюхом и укусить кого-нибудь. Один матрос протянул ей конец палки. Акула изловчилась, цапнула протянутую палку и перекусила ее, как спичку.

Маленький черноглазый кок тральщика поднял с палубы откушенный конец палки толщиной с его руку и удивленно почмокал губами.

Когда акулу утащили в трюм, я зашел в каюту к тралмейстеру — руководителю лова. Это был человек богатырского роста, белокурый и степенный. Мы были с ним уже немного знакомы и разговорились. Тралмейстер рассказал мне, как он впервые ловил акул:

«Был я тогда матросом на китобойном судне. Судно

это было целый завод. Впервые испробовали мы наши гарпуны в Великом океане — поймали кита. Накинули ему петлю из цепей на хвост, потому что в хвосте у него страшная сила. Потом подошли на шлюпке и рыбными ножами отсекли ему плавники хвоста. В это время из глубины вышли акулы. Вода прозрачней слезы. Глядим: как вопьются они зубами в кита, так целая яма, полтонны недочет. Разрешили нам наказать акул. Загнули мы в мастерской большие стальные крючки, поджарили тюленя, нацепили на удочки по пуду пахучего мяса и кинули.

Браз одна съела и попалась. А другая час около крючка кружилась, наконец замутилась у ней голова от запаха, она и хапнула. Вытянули и эту. Разрезали ей брюхо. Из огромного желудка акулы вытащили непрожеванную швабру, полмешка картошки, матросские парусиновые штаны, ножку козленка с шерстью и копытцем. Мы все были удивлены невиданной прожорливостью акулы.

А еще в ее брюхе нашли полупрожеванный кусок колбасы, краба с обломанными ногами и облепленный жиром висячий амбарный замок.

Ну, мясо акул нехорошее. Вырезали пасть, а зубы у нее белые, защелкиваются, как замки. Из плавников акульих клей сварили, жир ее растопили для какого-то лекарства. А кожу отдали одному матросу, специалисту по этому делу. Из акульей кожи добрые сапоги выходят, сумочки, пояса, чемоданы.

Пока мы стояли, подобралось акул к нашему судну не знаю сколько. Чуют они запах за три километра. Нюх прямо удивительный у них! Вода растворяет запахи, а морские течения разносят их далеко под водой.

Целую неделю акулы за нами шли с разинутыми пастьями и глотали всякий мусор с судна.

Им что ни кинь! Бросали пустые консервные банки; жиром смажем — и за борт, а акула хап! — и проглотит.

Я после был в плавании у Филиппинских островов. Туземцы там, ныряльщики, добывают губки и раковины, тем и живут. Ну и калек среди них: у кого руки нет — одна культяпка, у другого ноги — на палке подпрыгивает.

В тех местах из-за акул и не купались, на палубе душ устраивали.

А вот водолазов в костюме, я слышал, акулы совсем не трогают. Или запах резины им не нравится, или стесняются.

Да и где водолаза схватить: с головы — медь, с ног — свинец, а остальное — резина».

Давно рассказывал мне это бравый тралмейстер. А теперь я и сам, поработав в дальневосточных морях, убедился в том, что акулы хватают купальщиков, но никогда не нападают на водолазов. Они жадны, нахальны, любопытны, но трусливы. Из любопытства подходят совсем близко к водолазу, но только пусти в них золотником пузырь — они и бежать.

Необычайный случай, о котором я хочу рассказать, произошел с тремя моими приятелями-водолазами.

Работали водолазы на затонувшем судне «Тайга».

Спускались под воду с двух новеньких моторных самоходных баркасов.

Меж баркасов стояла баржа. Водолазы на дне стропили груз, а баржа длинным кранболом тянула его наверх и опускала в свои просторные трюмы.

Груз был ценный: оборудование для нефтяных промыслов. Соленая вода быстро портила его, и поэтому водолазы непрерывно работали, днем и ночью.

Лучше всех работал баркас старшины Криволапова с водолазами Авдеевым и Глобусом.

По ночам водолазы спускались в трюмы затонувшего корабля с электрическими лампами.

А над судном мелькали маленькие зеленые огоньки: то были глаза акул. Водолазы давно привыкли к акулам и не обращали на них внимания, будто это комнатные мухи.

Груз с «Тайги» был поднят.

Теперь надо было до штормов поднять судно.

Но случилась где-то авария: пассажирский пароход напоролся на камни. Первый баркас с водолазами спешно послали на аварию. А для работ на «Тайге» оставили Криволапова с Авдеевым и Глобусом.

Забрали у них моторный самоходный баркас, а вместо него привели старый рабочий кунгас. Кунгас был грязный, на палубе его виднелись лужицы рыбьей крови, растоптанные пузыри и жир.

Старшина Криволапов, коренастый, немного сутулый

водолаз с седеющими, как у моржа, усами, с широкой волосатой грудью под расстегнутой фланелевкой, поскользнулся на рыбьем жире и сказал:

— Это, птички-воробушки, не дело, надо сперва палубу помыть!

— Тогда весь день пропадет, — ответил Авдеев, долговязый, жилистый водолаз. — Погода не ждет, сегодня тихо, а завтра, глядишь, штормы; надо нам скорее стропы подрезать, а палубу помыть и после успеем.

— Верно, давайте скорее судно поднимать, — поддержал Авдеева молодой подвижной водолаз Глобус, известный шутник и певец.

И Глобус стал натягивать на себя водолазную рубаху, чтобы идти под воду.

— Не люблю грязную палубу, — проворчал Криволапов, но махнул рукой и крикнул на буксир, чтобы приготовили для подрезки под судно стальной трехдюймовый трос.

Качальщики взялись за ручки маховиков водолазной помпы и стали качать воздух, а на одетого уже и стоявшего на трапе Глобуса надели груза и закрепили гайками шлем. Ходили в воду без оттяжки. Оттяжка — веревка; один конец ее привязывают к баркасу, другой, на дне, — к затонувшему судну, чтобы водолаз придерживался за нее в темной воде или на быстром течении. Но здесь видимость под водой была хорошая, течения, которое бы относило водолаза в сторону, не замечалось, а глубина была всего 20 метров.

Глобус взглянул на буюк и быстро спустился под воду. На грунте он по обыкновению пел.

Напевая флотский марш, подошел он к разгруженному судну, взял в руки трос и перенес его к форштевню. Тут ему показалось, что сегодня вокруг него слишком много акул.

Глобус удивился, поднял голову и, протерев носом туманенное от дыхания стекло, посмотрел вверх. Почти над самой его головой, чертя острыми плавниками большие круги, плавало целое стадо белобрюхих акул.

«Откуда это их поналезло столько? — подумал Глобус. — А ну-ка пугну я их!»

Он нажал головой на золотник. Из шлема вырвалась вверх рокошущая цепь пузырей.

Акулы бросились в стороны, но через каких-нибудь полминуты вернулись назад, еще ближе к водолазу. Глобус перестал петь.

— Пузыри не помогли,— сказал он и поднял с грунта увесистую кувалду.

Он стукнул несколько раз по корпусу судна. Удары в воде громче, чем в воздухе. Акулы разбежались. Глобус принялся за прерванную работу, а минут через пять снова увидел сквозь стекло очень большую акулу, которая шла к нему. Глобус ждал, что она свернет. Но она не сворачивала. Тогда он решил сам уступить ей дорогу и отошел шага на три. Акула круто повернула за ним. Тогда Глобус подобрал сигнал и шланг и всплыл на палубу затонувшего судна. Акула метнулась за ним.

Глобус дал сигнал: «Поднимай вверх!» Его стали поднимать. Акула повернулась вверх брюхом, чтобы схватить его.

Глобус дернул сигнал «тревога» и стремительно понесся вверх. Акула гналась по пятам.

Еще секунда — и Глобус на трапе, но акула догнала его и сильно рванула за ногу. Глобус выскочил на самые верхние ступеньки трапа и с грохотом повалился на кунгас. С водолаза сняли шлем. Феска у него сбилась на мокрый лоб, и лицо было в красных пятнах. Когда сняли груза, Криволапов спросил:

— Ты чего выскочил?

Глобус не ответил.

Он поднял ногу и посмотрел на нее — цела. Поднял другую, а на калоше нет свинцовой подметки.

— Это как же, птички-воробушки? — удивился Криволапов.

— Акула откусила.

— Свинцовую-то подметку? — улыбнулся Авдеев.— С каких это пор акулы свинец едят?

— Честное слово, откусила! — сказал Глобус.

— Может, для смеха отрезал? — спросил Криволапов и строго взглянул сперва на водолазный нож у пояса в медном футляре, а потом на самого водолаза.

— Не отрезал я,— обиделся Глобус,— и в воду больше не пойду — опять схватит.

— Ладно, после разберем, как на работе шутки шутить,— строгим голосом произнес Криволапов.

— Авдеев!

— Есть! — отозвался Авдеев.— Уже одеваюсь.

Авдеев шагнул на трап; на него надели шлем, он улыбнулся за стеклом и быстро ушел под воду.

Не прошло и трех минут, как сигнальная веревка затрепетала в руках у Криволапова, и весь кунгас вдруг вздрогнул от удара о днище. У трапа, среди kloкочущих пузырей, выскочили из воды ноги. Водолазы быстро подобрали шланг и сигнал, ноги кувырнулись обратно под воду, а вынырнул помятый шлем. Авдеев схватился за трап, вскарабкался по ступенькам и так быстро перебросил ноги на кунгас, будто на них были не пудовые калоши, а обыкновенные ботинки.

Сняли шлем.

Авдеев отдышаться не может.

— Акула... едва убежал!..

— Вот я же говорил,— сказал Глобус,— я же говорил!

— Что ты говорил? — накинулся на него Криволапов.— Да где это видано, чтобы акула гналась за водолазом? Что она — тигр? — Криволапов подергал седеющие усы.— Я здесь двадцать пять лет работаю, ни одна не трогала. Птички-воробушки! Тьфу! — Старшина утер усы.— Засмеют ведь, если рассказать!..

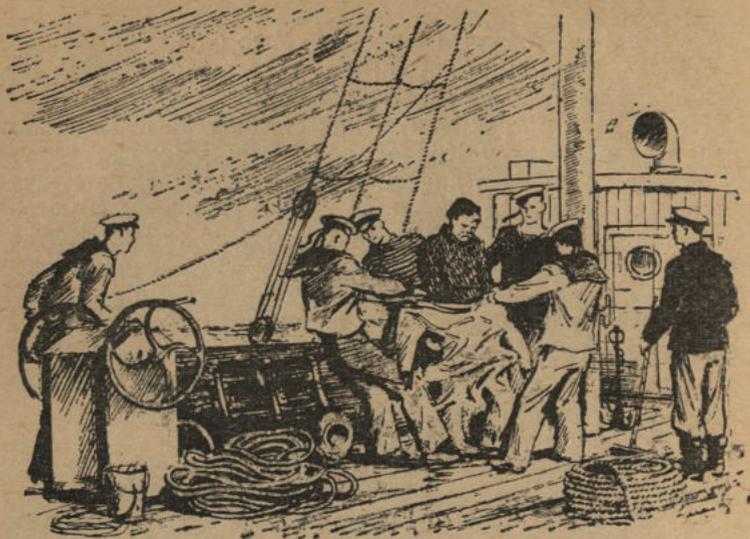
— Давай рубаху! — сказал он качальщику.

Качальщик вынес из рубки водолазную рубаху. Криволапов сел к борту и, сердито отдуваясь, начал одеваться.

Авдеев и Глобус взяли за упругий фланец рубахи, натянули ее на Криволапова и надели манишку. Потом застегнули ремнями калоши, и Криволапов, ступая по ошметкам жира на палубе, прошел на корму и встал на трап. За стеклом иллюминатора лицо его было сердитым. Моржовые усы шевелились. Криволапов, качая широкими плечами, шагнул вниз по гулким ступенькам и скрылся под водой.

Авдеев и Глобус тревожно стояли со шлангом и сигналом в руках.

«И с чего она на меня набросилась? — думал Глобус.— Может, оттого, что я пел? Так я всегда под водой пою; что я вежливо уступил ей дорогу, а она подумала: молодой, мол, неопытный, струсил. Но Авдеев старше

меня, а тоже накинулась. Неужели и на Криволапова бросится? Уж он-то старый водолаз и опытный. . .»

И только подумал это Глобус, как из воды, подпрыгнув на метр, вылетел Криволапов. Взмахнув руками, он ухватился за трап. Выходить из воды в шестипудовом снаряжении не просто: на плечах у водолаза будто два человека сидят. Но старшина захохотал по трапу так тяжело и скоро, что водолазы даже сигнал и шланг подобрать не успели.

А Криволапов поджал под себя ноги и грохнулся на палубу. Сняли с него шлем. Старшина облегченно вздохнул всей грудью и смахнул с лица крупные капли пота.

— Ну что? Я же говорил! — сказал Глобус.

— Снимай груза! — сердито ответил ему Криволапов. Сняли с него груза, манишку и стянули рубаху.

Криволапов не любил сидеть без дела ни минуты. Он схватил фуражку, пнул ногой рыбий пузырь и сказал качальщикам:

— Прибирай палубу!

Качальщики взялись за швабры, резинки и совки.

— А как же с работой быть? — спросил Авдеев.

— Нельзя, — ответил Криволапов, — взбесилась акула. — Он недовольно дернул себя за ус. — А с чего она бешеная, не знаю.

— Нам и не узнать, — сказал Авдеев, — а вот на рыбной станции есть ученый рыбовод, старик Холодеев, тот бы нам сразу сказал.

— Сказать-то бы сказал, — согласился Криволапов, — да стоит ли гнать 30 километров на станцию.

— Давай соняю! — весело вызвался Глобус. — В момент Холодеева на кунгас доставлю.

И он, напевая, полез за веслами и уключинами.

Качальщики старательно лопатили палубу, а совками подхватывали жирную грязь и бросали за борт.

Криволапов свернул папироску и подошел к борту закурить. Брошенная из совка грязь медленно расплывалась в воде, меняла очертания. Радужные блестки жира всплывали кверху.

И тут Криволапов увидел, как из прозрачной глубины вышли две акулы, перевернулись вверх брюхом и жадно глотнули кинутую из совка жирную грязь. Криволапов даже пальцы обжег.

— Птички-воробушки! — вырвалось у него.

Он быстро поднял с палубы водолазную калошу, погрузил ее в воду и стал соскабливать с подметки грязный жир.

Акулы так и метнулись к подметке: еще миг — и схватили бы ее вместе с руками.

Но Криволапов моментально выдернул калошу из воды и довольно усмехнулся в усы.

— Ну, птички-воробушки, теперь нам и Холодеева не надо.

В это время Глобус, скрипнув уключинами, оттолкнулся от кунгаса и крикнул на прощанье:

— Ну, я пошел!

— Стой! — остановил его Криволапов. — Выходи на кунгас мыть палубу.

Глобус удивленно пробормотал: «Есть!» Затем выбрался из шлюпки на кунгас, снял новенькую, пахнущую одеколоном фланелевку, снял новые ботинки и, надев болотные сапоги, стал помогать старшине, который, засучив рукава, со всего маху окатывал палубу из ведра.

Потом Криволапов забрал на шлюпку все водолаз-

ные рубахи, груза и калоши, отплыл от кунгаса и долго тер всё это песком, отскабливал, мыл мылом и полоскал. Потом вылез из шлюпки, сложил рубахи, груза, калоши на вымытую палубу и пошел по кунгасу, внимательно его осматривая. Там, где он замечал пятна, проводил пальцем, потом нюхал его.

После этого сел и стал надевать водолазный костюм.

— Под воду? — удивились водолазы.

— Ну да.

— Цапнет, — в один голос сказали Авдеев и Глобус.

— Нет, — ухмыльнулся Криволапов, — теперь с палубы жир счистили.

— А при чем тут жир на палубе? — спросил Глобус. — Ведь акула взбесилась. Я сам видел, какие у нее глаза бешеные.

— Не бешеная она, а голодная, птички-воробушки! — сказал Криволапов. — Акула-то чуткая?

— Чуткая! — ответил Глобус.

— Любит жир?

— Очень даже.

— Ты на палубе жир калошами растаптывал?

— Растаптывал.

— Ну вот, ты первый акуле на подметке жир с кунгаса и поднес, а слизывать не дал.

Глобус рассмеялся:

— Правильно, значит: она меня за подметку цапнула, а я-то думал...

Но хотя всё и понятно стало, а когда Криволапов спустился под воду, водолазы еще тревожились за него и часто дергали сигнал.

Криволапов отвечал им на сигналы и спокойно работал целых два часа.

Когда он вышел, спустился под воду Авдеев, а за Авдеевым — Глобус. И никакая акула больше не трогала их.

Вечером, после работы, кунгас снова помыли и старательно протерли палубу сухой шваброй.

— Ну, теперь не тронет, — сказал Глобус.

— Всё равно палубу будем два раза в день мыть, — ответил хозяйственно Криволапов, — чтобы всё блестело, а то, птички-воробушки, — он взглянул на Глобуса, — на вас подметок свинцовых не напасешься.

Молодого балтийского водолаза Захарова товарищи прозвали рыбоведом.

Захаров интересовался рыбами. Без них он скучал на дне серого Финского залива. Радовался, когда подплывала даже самая захудалая салака. Садился на корточки и следил, как ползет улитка, оставляя за собой на подводном песке извилистую приметную дорожку. И если случайно давил тяжелой водолазной калошей неосторожного рака, то поднимал его с грунта и нес на баркас в свою коллекцию.

В каюте Захарова всегда стояли банки с водой, где в морской траве возились плотички, окуни, а по стенам висели прибитые булавками рыбы скелеты и позвоночник гребнезубой акулы-людоедки, подаренный ему одним знакомым водолазом-дальневосточником.

Науки о рыбах Захаров не знал. До водолазной школы кончил лишь ФЗУ, а специальных книг о рыбах ему не попадалось.

Для своих подвижных чешуйчатых любимцев придумывал он имена, какие приходили в голову. Если рыбка имела большие острые зубы, называл ее зубариком, если была прожорлива, называл ненаедом, очень подвижную — вертушкой, драчливую — забиякой, иную — тихоней, другую — пучеглазкой, шваброй, а то так и просто метлой.

Кормил он их, строго придерживаясь корабельного расписания. Завтракали они в половине восьмого, обедали в двенадцать, ужинали в четыре, а вечером, перед сном, когда команда садилась пить чай, он приносил своим водяным питомцам что-нибудь легкое, диетическое, уже не черный хлеб и не давленных ракушек, а каких-нибудь сухопутных жучков, тараканов, личинок или червячков.

После работы и в выходной день он не ходил на берег, не интересовался кино и прочими развлечениями. Целыми вечерами он смотрел не отрываясь, как едят, роются в песке, резвятся, спят, перебирают перышками и рулят хвостиками рыбки.

И его одолевали бесчисленные вопросы. Почему са-

лака устроена не как пескарь? Как узнать, сколько рыбе лет? Можно ли плотичку вырастить величиной с акулу, если ее кормить особенным, специально приготовленным кормом? Как узнать, что этот окунек родился в Балтийском море, а не приплыл из другого? Бывают ли у рыб свои пути и тронинки, по которым они плавают? Почему рыбы собираются в стаи, похожие на птичьи? Все ли рыбы отдыхают в ямах на дне? Чем болеют рыбы и как их лечить? Можно ли изнеженную тропическую рыбу Индийского океана приучить жить в холодном Ладожском или Онежском озерах? Почему миногу считают рыбой, когда она совсем на рыбу не похожа: плавает вроде тряпки, присасывается ко всему, чешуи нет, челюстей нет, рот как у отрезной колбасы, вместо жабр семь круглых дырочек, как у свистульки, ноздря только одна, а язык предлинный, вроде поршня, то выталкивает наружу, то втягивает весь в себя?

Товарищи по работе смеялись:

— Рыба — ведь не картина, чтобы на стену вешать да разглядывать. Захотел ухи — взял и наловил. А не клюет — пошел в магазин и наловил «на серебряную удочку».

Или же спрашивали у него:

— А ну-ка, рыбовед, скажи нам, что вкусней: карась или минога?

— Минога не рыба, — отвечал Захаров.

— Не рыба? Ну, значит, морковка или ветчина, — смеялись приятели.

Захаров обиженно хмурил белесые брови и уходил от водолазов — большой, широкоплечий и нескладный.

Из-за любимых рыб иногда терпел Захаров неприятности и в работе.

Случилось так.

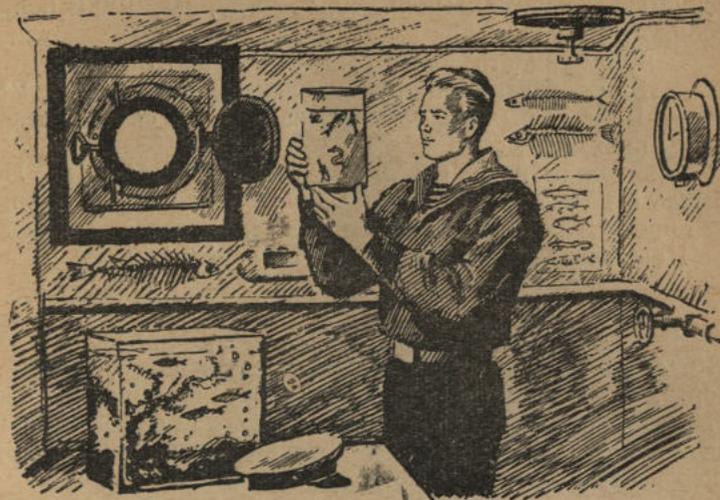
Откачивали полузатоленную баржу-брандвахту. Пробойны в ней Захаров забил чепами, обернутыми в просаленную паклю.

Прошло часа три, помпы всю работу, а воды и на сантиметр не убыло.

— Рыбовед, может, ты вовсе и не затыкал пробойн?

— С какой стати я буду вас обманывать? — обиделся он.

— А ну, проверь.

Захаров спустился под воду — пробойны и впрямь пустые. Посмотрел вниз, а его просаленную паклю щиплют со всех сторон табуны рыб.

— Вытянули прожорливые, сала им захотелось, — рассердился Захаров. — Мало я вам хлеба и ракушек скармлил?

Захаров поднялся на баркас и принялся тесать для пробойн деревянные пробки. При этом он молча и стойко выдерживал насмешливые взгляды и шуточки товарищей.

Его утешала одна тайная, заветная мысль. Давно мечтал он найти особенную рыбу, какой еще не знал никто: ни водолазы, ни рыбаки, ни ученые. Он и сам не знал, какая она будет, эта необыкновенная рыба, но был твердо уверен, что она существует. Что плавает она где-то в других морях, более богатых рыбою, чем Балтийское, — в Черном, Баренцевом или Охотском. Там и найти ее легче, потому что вода прозрачна.

Захаров подал заявление с просьбой перевести его на другое море. Но водолазный инструктор сказал:

— Нет, товарищ Захаров, на другое море не переводим. Вы нам и здесь нужны. Работник вы хороший, к ус-

ловиям Балтики привыкли. Ну, скажите, зачем вам понадобилось другое море?

— Хочу увидеть новых рыб,— объяснил Захаров.

— Зря,— сказал инструктор,— рыбы вам только мешают. Бросьте вы их и оставайтесь. Мы вас скоро в старшины произведем.

Захаров остался. Он любил водолазную работу. Но мысль о необыкновенной рыбе стала одолевать его сильнее прежнего. Он подал новое заявление.

Наконец ему разрешили уехать на Черное море.

Захаров прибыл на спасательное черноморское судно «Красный моряк». В первый же день он долго стоял на борту, слушал бойкий говор черноморцев и щурил глаза от необычно яркого солнца. Черный баклан сидел на крашенном буйке и, свесив клюв, хищно высматривал рыбу сквозь изумрудно-зеленую воду.

Скоро Захаров впервые в жизни спустился на дно южного моря.

Он стропил, затягивая стальной петлей ржавые котлы, донки и куски железного борта старого, рваного корабля. Лебедка на барже тянула груз на поверхность. Шланг и сигнал змеились сквозь прозрачную толщу воды, и вдали было видно, как гоняет скумбрию резвый дельфин. На просторе колыхались медузы в забавных шляпках с синими и оранжевыми каемками и в кружевах из тонкого шелковистого студня. А между ними, как стрелы, выпущенные из тугого лука, быстро и бесшумно пролетали длинные, странные рыбы-иглы.

Дно было солнечное — то в бурых и багровых водорослях, то покрытое красным илом. От этого и бычки, и камбалы, и зеленухи, и коньки, и барабульки тоже казались розово-багровыми.

Облепленный черными ракушками и мхом, заспанный, волосатый краб лениво волочил по грунту свой большой, будто привязанный живот.

— Ну и страшилище,— засмеялся Захаров и взял краба в руки.

Вечером после работы Захаров сидел в шумном кубрике корабля, думал о крабе, посаженном в банку, и о пище для морских коньков. Слушал, как веселый таке-

лажник Гераськин, аккомпанируя себе на гитаре, пел старую морскую песню «Залив Донегал»:

Бурно плещут волны,
Страшен Донегал.
Много рифов в море
И подводных скал.
Моряки там знают,
Что придет черед —
Кто-нибудь из них
На дно пойдет...

Песню заглушала игра в домино, азартное хлопанье о стол костяшками.

— Дупель два! Аврал! Бито! Считай рыбу!

Но снова и снова, как звенящая галька из-под прибоя, вырывался голос Гераськина.

К Захарову подошел пожилой черноморец, старшина Якубенко, и предложил сыграть в шашки.

С ним Захарову сегодня пришлось работать на одном баркасе.

— Сразимся, что ль?

— Идет.

Якубенко засучил рукава на своих больших, сплошь покрытых татуировкой руках и выдвинул на стол шашечную доску.

Захаров еще у балтийцев видел немало замысловатых татуировок. И все же один рисунок на руке Якубенко его удивил.

— Что это у тебя наколото?

— А разве сам не видишь?

Захаров еще раз всмотрелся в этот неясный синий рисунок, изображавший не то зверя, не то павлина.

— Не знаю,— сознался Захаров.

— Эх ты, чубук от трубки! Да ведь это морская лисица,— объяснил Якубенко.

— Морская?

Захаров заволновался. Он знал обыкновенных пушистых лесных лисичек. Еще мальчишкой он промышлял с отцом-охотником в тайге.

— Да разве бывают морские?

— Отчего же им не бывать? Конечно, бывают,— усмехнулся Якубенко.— Я одну даже голыми руками поймал.

— Поймал? — воскликнул Захаров.

— Поймал.

Якубенко расправил жесткие усы и подмигнул Захарову.

— Интересуешься? Могу рассказать.

Захаров поспешно отодвинул шашечную доску, облокотился и приготовился слушать.

— Дело-то было давно, — начал Якубенко, — лет восемь назад. Стояли мы как раз — где вот сейчас стоим. Лежала там железная баржа с очень ценным грузом. Ее еще в двадцатом году врангелевцы утопили. Ну, мы ее разгрузили, а потом искали упавшие с ее палубы на грунт и засосанные песком токарные, фрезерные станки и чушки — сплав цветного металла.

Я ходил со щупом, проверял грунт. Щуп у меня был добрый, как полагается, — железная трость с большим кольцом на ручке и насечками-ершами к концу.

Шарю это я, значит, ищу чушки и вижу: на песке лежит камбала, только что-то очень большая. Поглядел еще: похожа, да не камбала. Подошел, а это — мать честная! — шип, морская лисица. Была она больше медной водолазной манишки, в общем, на всю грудь, а хвост сантиметров на сто и усыпан острыми, как бритва, колючками.

Ткнул я ее щупом и попал в плавник. Как подпрыгнет она да как ударит хвостом, — аж ракушки взлетели. И завертелась колесом, вот-вот срубит меня. Да хорошо успел наступить ей на хвост калошей — и держу. Ладно. Нагнулся, подсунул под нее ладонь, захватил за плавники и быстро выдернул щуп на другую сторону: лиса и скатилась к кольцу, — так и поволок.

Поднимаюсь кверху, а лиса-то вырывается, хвостом бьет по калошам.

Наконец на баркасе сбросил ее со щупа и поместил в обрез — корабельную лохань.

Два дня для интереса держали. Молотит хвостом, воду расплескивает, посуда для нее мала, а большей не имели. Подойти воду налить ей опасно — хвостом зарубит, хуже крокодила.

Надоела она всем, и выбросили мы ее за борт. А она лежит на воде и не двигается.

— Издохла, — говорю я. А лисица шевельнулась бо-

ком, вроде проверила, не в лохани ли она, и вдруг бац хвостом, водой нас окатила и... была такова.

Захаров вытер пот и вздохнул.

— А дальше?

— Что дальше?

— Не встречал?

— Не встречал, — сказал Якубенко, — а если бы и встретил, то все равно бы ее не узнал, — все морские лисицы рыжие, и та была обыкновенная, рыжая. Зато вот вчера на грунте мимо меня мелькнула вся как есть черная и в белых пятнах, будто молоком обрызгана. Такую, признаюсь, я прежде не замечал. Редкостная лисица. Ну, да разве за всеми усмотришь!

— Ну, ходи, — зевнул Якубенко, — а то этак с тобой и до вечернего сигнала партию не кончишь.

Но Захарову было уже не до шашек.

Всю ночь он не спал, ворочался и думал: «Два дня только прошло, как ее увидел Якубенко. Неужели успела заплыть неизвестно куда? А может, опустилась тут же и легла на дне. Ушла или опустилась? Ушла или опустилась?»

Утром Захаров захватил на баркас мешок, веревку и щуп.

— Это зачем? — спросил Якубенко.

— Для лисицы, — сказал Захаров решительно. — Хочу изловить.

— Ха, смотри-ка, так она там и дожидается, глупей тебя, — сказал Якубенко. — Брось ты пустяками заниматься.

Но Захаров погрузился в воду со своими ловецкими принадлежностями и спрятал их на дне под камень.

Целый день он работал возле разбитого судна и настороженно озирался. Осматривал каждый камень, каждую палку. Вздрагивал, чуть зашевелится водоросль, но то оказывалась просто какая-нибудь рыбешка или морской конек. Он даже отказался от смены, чтобы подольше остаться под водой.

Но напрасно — лисица не показалась и на другой день, и на третий, и на пятый, и на десятый.

Захаров нервничал. Его не утешали даже новые черноморские рыбки, страшилище краб и морские коньки, жившие в каюте. Он не спал и не ел, отвечал невпопад,

и часто, когда он проходил по палубе, товарищи сочувственно смотрели ему вслед.

Работа заканчивалась, и наутро судно «Красный моряк» должно было уйти в Севастополь. Старшина Якубенко сообщил Захарову по телефону на дно, чтобы он застропил напоследок лежащую в стороне заилленную железную бортовину.

Захаров уже было ответил: «Есть!», как вдруг крупная тень упала впереди на грунт.

— Ах, сатана! — вырвалось у Захарова.

— Что? — спросил Якубенко.

— Дрянь ты такая!

— Что-о?! — закричал Якубенко.

— Довольно я с тобой помучился. погоди, расправлюсь, — прохрипел Захаров и, жадно прильнув к стеклу иллюминатора, бросился вперед.

Красный от гнева, Якубенко смотрел на Захарова, когда тот взбирался по трапу с мешком, где ворочалось что-то и валило водолаза со ступенек.

— Как ты смеешь так старшину обзывать?! — гневно спросил Якубенко, как только снял с Захарова шлем и груза.

Тот только промычал что-то и загородил мешок.

— Это еще что ты приволок?

Якубенко брезгливо поморщился и шагнул к мешку.

Но Захаров не ответил, он быстро сбросил с ног водолазные калоши, схватил ношу и побежал на судно. За его плечами из мешковины торчал наружу какой-то зубчатый сучок.

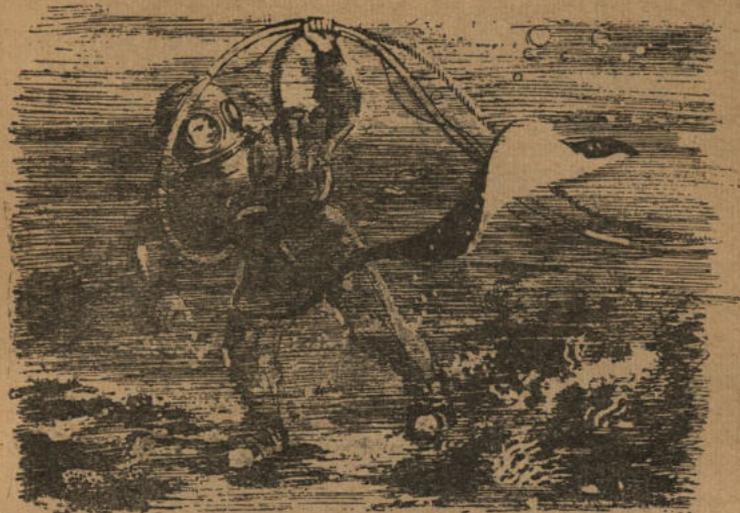
— Сумасшедший, рубаху скинь! — крикнул ему Якубенко.

Но Захаров еще быстрее побежал, оставляя на палубе мокрые большие следы, похожие на медвежьи.

Вечером Захаров не пришел в кубрик. Он сидел в своей каюте и, когда Якубенко постучал к нему, даже не отозвался.

А рано утром, еще до снятия судна с якоря, Захаров стал носить с берега ракушки, песок и водоросли. Много раз он черпал морскую воду, стараясь заодно поддеть ведром медуз и рыбьих мальков.

А во время обеда он вдруг попросил у кока, вместо жареной, сырую рыбу и унес ее в каюту.

— Зачем ему сырая? — удивились в кубрике.

Из каюты Захарова слышался громкий плеск и укоризненный голос:

— Ну, ну, не привередничай!

— Кого ты там купаешь? — спросил Гераськин.

Захаров не ответил. И плеска больше не стало, его заглушило треньканье Захарова на балалайке.

— Нет, ребята, — сказал Гераськин, — тут дело не чисто. Пойду узнаю, кого он там прячет.

Захаров был в каюте. Гераськин постучал, но ответа не последовало. Гераськин умел подражать чужим голосам. Он снова постучал и басом строго, как командир судна, сказал:

— Товарищ Захаров, немедленно откройте мне!

— Есть! — ответил Захаров и открыл.

Через несколько минут Гераськин выскочил из каюты и взлохмаченный влетел в кубрик.

— Ну что, узнал?

— Факт! — засмеялся Гераськин. — Он, правда, меня из каюты вытолкал, но все-таки я кое-что успел разглядеть.

— А что? — спросили товарищи.

Гераськин оглянулся по сторонам и страшным голо- сом сказал:

— Понимаешь, гляжу, а на его кровати кто-то лежит, одеялом накрыт, и плещется. А на подушке зеленые во- лосы раскиданы.

— Водоросли, — сказал один из команды.

— Так. А под одеялом?

— Русалка.

— Откуда же русалка? — насмешливо сказал боц- ман. — Насколько мне известно из сказок, русалки в море не живут, они в реках водятся.

— Так она с Днепра приплыла, — засмеялся Герась- кин.

— Говори уж.

Судно «Красный моряк» прибыло в Севастополь.

Команда была отпущена на берег.

Захаров самым последним сошел с корабля. На плече он нес железный обрез — корабельную лохань. Она была покрыта брезентом. И никто, кроме вахтенного и коман- дира, не видел, что у него спрятано в лохани и куда он с нею направился.

А Захаров вышел на площадь, спросил, где находится институт рыбоведения, и сел в трамвай. В лохани что-то хлюпало, вода расплескивалась, растекалась по полу, подмачивая летние туфли пассажиров. Пассажиры запро- тествовали, и кондуктор высадил Захарова из вагона.

Он вышел, опустил лоханку на мостовую и поднял брезент.

Воды оставалось на доньшке. Всю расплескала при- вередливая пленница.

Захаров заторопился и сел в следующий трамвай.

Кондуктор прокричал: «Институт рыбоведения!» — и Захаров уже хотел поднять лохань на плечо, когда сосед его, маленький благообразный старичок с черным зонти- ком, приподнял шляпу и сказал:

— Извиняюсь, молодой человек, что вы изволите вез- ти в вашем железном сосуде?

— Лисицу, — проворчал Захаров.

— Лисичку? — заинтересовался старичок. — Чрезвы- чайно любопытно, чрезвычайно. Разрешите взглянуть.

Старичок сунул зонтик под мышку, надел пенсне, на- клонился и приподнял краешек брезента, но брезентовая покрывка вдруг вырвалась из его рук, взметнулась кверху и ударила старичка по носу. Пенсне упало на пол и разлетелось в кусочки.

Старичок вскрикнул и схватился за осиротевшую пе- реносицу.

— В этой лохани, — сказал Захаров, — находится ред- кий морской рыбозверь. Я должен немедленно отнести его в институт.

— Если этот зверь действительно представляет науч- ную ценность, — сказал старичок, — то несите его в ин- ститут. И я пойду с вами.

— Пожалуйста, — сказал Захаров.

В это время из аллеи соседнего сада донеслись звуки гитары и песни «Залив Донегал».

Захаров узнал и песню и голос. Поспешно взвалив на плечи лохань, он сказал старичку:

— Ну, пошли.

Песня оборвалась. Гераськин, Якубенко и еще не- сколько водолазов вышли из сада и, увидев Захарова, закричали:

— Эй ты, рыбовед, куда отправился?!

Захарову отступить было некуда, и он ответил:

— В научный институт.

— А что за научная диковинка в обрезе?

— Морская черная лисица.

— Черных как будто бы не бывает, — сказал Ге- раськин.

— Не бывает? — усмехнулся Захаров. — А я вот, представьте, поймал.

— Тьфу, чудак человек, что ж ты от меня-то скры- вал? — сказал Якубенко. — А ну, покажи.

Захаров поставил лохань на дорожку аллеи и осто- рожно приподнял брезент. В обрезе барахтались что-то плоское, черное с зеленым отливом, усыпанное молочно- белыми пятнами, с единственной, но большой колючкой на длинном и скользком хвосте. Водолазы расхохотались.

Захаров тоже улыбался, не понимая, над чем же сме- ются товарищи.

Старичок отошел в сторону и, близоруко прищури- вшись, издали разглядывал рыбозверя.

Кончив смеяться, Якубенко похлопал Захарова по плечу и сказал:

— Слушай, парень, так ведь это не лиса.

— А кто же это?

— Да самый обыкновенный морской котик, уж я-то знаю их. Они мне не одну резиновую рубашу своими колючками прорезали.

— Вот тебе и на! — упавшим голосом сказал Захаров. — А может быть, это лиса, ребята, ведь у нее тоже хвост с колючками?

— Колючки и на шиповнике бывают.

Захаров снял фуражку и провел рукой по волосам.

— Нет, парень, — сказал Гераськин, — твоя лисица — обыкновенный морской кот. И в институт ты с ним лучше и не показывайся. Там их и без твоего хватает.

Якубенко носком ботинка пошевелил кота и сказал:

— Ишь, ведь пятистый. Надо же, какой хвостик отрастил. — Он нагнулся и хотел потрогать кота за хвост.

— Оставь! — сказал Захаров.

— Давай тащи его без разговора на набережную.

— Зачем? — удивился Гераськин.

— В бухту его!

Лохань с котом понесли на набережную. Старичок ковылял сзади.

На набережной было немного публики. Лоханку поставили на каменный парапет. Кот забарахтался, словно почувствовал близость воды.

Захаров отошел в сторону, а Якубенко осторожно, двумя руками приподнял кота, но живот у кота был скользкий и мягкий, рука Якубенко скользнула под хвост, к концам малых плавников, и вдруг наткнулась на что-то холодное и твердое.

— Эй, стой, погоди! — сказал Якубенко и перевернул кота на спину.

— Видал?

Гераськин хоть и нагнулся, но ничего интересного не заметил.

— Долго вы там? — закричал Захаров.

— А ну-ка иди сюда, — сказал Якубенко, — посмотри, какое ты чудо поймал.

Захаров подошел, нагнулся, но тоже ничего особенного не разглядел.

— Да посмотри ты хорошенько, — сказал Якубенко и показал пальцем: — Видишь?

У самого основания хвоста, сквозь нижний малый плавник было продето маленькое плоское серебряное колечко.

— Ого! — сказал Гераськин. — Котыга-то с сережкой!

— Н-да, — засмеялся Якубенко, — такую серьгу только старому цыгану впору носить.

— Эх вы, — сказал Захаров, — разве это серьга? Это же маленькому ребенку ясно. Миграционная путевка это!

— Путевка? Ми-миграционная? Это вроде чего же?

Придерживая беспокойного кота, Захаров носовым платком тщательно и торопливо вытирал колечко.

— Так это же, — объяснял он, — вроде паспорта у рыб. Понимаете, выпускают такую зверюшку где-нибудь в Батуми или в Одессе. . .

— Кто выпускает? — перебил Захарова Гераськин.

— Ну мало ли кто! Ученые. . . Институт какой-нибудь. Биологическая станция. . . Выпустят — и до свиданья. Плыви куда хочешь. Хочешь — в Херсон, хочешь — в Севастополь. А чтобы он не заблудился, не потерялся, ему вот такое кольцо и нацепляют под жабры или под хвост. Ну и, конечно, на колечке пишут. Кто он, откуда, какого возраста. . .

— Значит, и тут написано? — спросил Гераськин.

— Определенно написано, — сказал Захаров. — А ну, посмотрите.

Все наклонились, но прочитать надпись никому не удалось. Буквы, которые были высечены на маленьком серебряном колечке, им приходилось встречать только на бортах иностранных пароходов в плавании или на затонувших кораблях на дне моря.

— Эге, — засмеялся Гераськин, — да наш кот никак иностранец.

Старичок, который до сих пор стоял в стороне и прислушивался к разговору, подошел ближе и сказал:

— Разрешите, товарищи, я прочитаю. Я знаю французский язык.

Но прочитать и ему не удалось.

— Нет, без очков не могу, — сказал он.

— Давай, Захаров, — сказал Якубенко, — неси своего кота в институт.

Строгий швейцар не пропустил в институт ни Гераськина, ни Якубенко. Проскользнуть в ворота с Захаровым удалось только одному старичку. В институтском дворе Захарова встретил высокий человек в белом халате. Это был известный профессор-ихтиолог, директор института. Захаров, волнуясь, рассказал ему, в чем дело.

— Отлично сделали, что поймали нам меченого кота, — сказал профессор. Тут он увидел колечко и пальцем даже щелкнул:

— Батюшки, метка-то конца прошлого столетия! Давно уже метят рыб серебряными пластинками на проволочках, а этот кот плавает себе преспокойно со старинным кольцом.

— Ну, товарищ водолаз, — обратился профессор к Захарову, — должен вас поздравить: по колечку мы теперь узнаем возраст кота, неизвестный до сих пор науке. Рыбьи года узнавались обычно по костям, но у морских котов, лисиц и акул вместо костей хрящи, и узнать их лета было невозможно. Несите вашего путешественника в помещение, там мы узнаем, чей он и откуда.

Кота принесли в лабораторию. Профессор вооружился лупой и блестящим острым ланцетом ловко одним ударом отделил колечко от перепонки плавника.

— А паспорт-то у вашего кота русский, — сказал профессор и прочитал на колечке короткую надпись по-латыни: «Владивосток № 547».

Не говоря больше ни слова, он достал с полки старые, пожелтевшие газеты и начал их перелистывать, искать что-то.

— Нашел! — сказал он наконец, ткнув пальцем в пожелтевшую страницу. — «Объявление», — прочитал он и, с улыбкой посмотрев на Захарова, стал читать дальше: «Лицо, обнаружившее морского кота № 547, выпущенного биологической станцией, просим сообщить по указанному на кольце адресу в город Владивосток с обозначением времени поимки и прочих данных, указав при этом свой точный адрес, по которому биологическая станция вышлет вознаграждение».

Захаров рассказал профессору все свои злоключения и как по ошибке он принял этого кота за морскую лисицу.

В эту минуту, уговорив после долгого спора упрямого швейцара, в лабораторию ворвались Якубенко и Гераськин.

— Тише вы! — сказал Захаров и представил профессору своих товарищей.

— Вы что, тоже рыбами интересуетесь? — спросил профессор, пожимая их большие обветренные руки.

— Нет, — сказал Якубенко.

— Это Захаров рыбовед у нас, — сказал Гераськин. — Все рыбками увлекается, не пьет, не ест, на берег не ходит. А тут вот еще вместо лисицы кота поймал.

— А разве это плохо? — сказал профессор. — Ведь ваш товарищ — самый настоящий энтузиаст. Человек, который увлекается, фантазирует, ошибается, но учится даже на ошибках... Вы знаете, Владимир Ильич говорил, что фантазия есть качество величайшей ценности. Энтузиасты, товарищи, нам нужны. И у нас их, по счастью, немало. А вот за границей это племя, надо прямо сказать, вымирает.

Вот еще пять — шесть лет назад выпустили мы таким же образом несколько опытных рыб, и серебряные пластинки на спинные плавники привязали, и на всех европейских языках надписи сделали. И хоть бы что! Представьте себе: только один-единственный ершик домой

вернулся. Да и того выловили где-то возле сардинских берегов моряки с нашего советского угольщика.

Профессор повернулся к Захарову и крепко пожал ему руку.

— Разрешите, товарищ Захаров, горячо поблагодарить вас от имени нашей советской науки. С сегодняшнего дня мы считаем вас нашим постоянным корреспондентом. Продолжайте в том же духе. Изучайте морское дно, ловите всё, что вам покажется интересным, и сачком, и сетями, и голыми руками. . .

— Вы ему, товарищ профессор, потрудней что-нибудь задавайте, — сказал Гераськин, — в случае чего мы с Якубенко поможем.

ВОДОЛАЗ ЗЫБКОВ

Была осень — лучшее время для ловли трепангов.

Водолазный баркас зашел в самую глухую бухту моря и бросил якорь.

Двое качальщиков водолазной помпы быстро начали перетаскивать к трапу водолазные принадлежности: шлем, груза, манишку, сигнал. Водолазы Дудыкин и Коваленко с ключами в руках присоединяли к помпе длинный резиновый шланг, а водолаз Зыбков сидел в рубке и готовился к спуску под воду.

Натягивая на себя вязаное шерстяное белье, он всё время поглядывал на вешалку. Там висели старые водолазные костюмы, ободранные, выцветшие, в сплошных заплатках. Но Зыбков глядел не на них. Он любовался новеньким костюмом, который висел с краю. По зеленому тифтику костюма растянулась во всю грудь несмываемая надпись крупными ярко-красными буквами:

К. Ф. ЗЫБКОВУ ЗА ДОЛГОЛЕТНЮЮ РАБОТУ

Вчера на торжественном собрании директор рыбоконсервного завода вызвал Зыбкова на трибуну и вручил ему этот костюм.

— Довольно, — сказал он, — товарищ Зыбков, ходить тебе под воду в старье. Примерь-ка новый костюм, — как он на тебе сидит.

— Под водой примерю, — ответил Зыбков, поблагодарил и, взяв костюм, сошел с трибуны под громкие аплодисменты.

В старом костюме Зыбков проработал семь лет, — на четыре года больше, чем полагается. Столько пронести костюм мог только очень опытный водолаз. Но теперь со старым костюмом можно было расстаться.

Зыбков поднялся с банки, снял с вешалки новый костюм и крикнул водолазам:

— А ну, подходи, наряжай в обновку!

Водолазы и качальщики натянули на него костюм, надели манишку, калоши и опоясали толстым кожаным ремнем, на котором висел в медном футляре большой водолазный нож.

Зыбков важно прошелся в обновке по палубе баркаса.

— Ой, Константин Федорович, ты теперь красавец писаный, на тебя же все медузы сбегутся глядеть! — сказал Дудыкин.

— А вот притащи зеркало, посмотрю, в самом ли деле я красавец! — сказал Зыбков.

Качальщик принес из рубки осколок зеркала.

— Может, одеколону с берега доставить? — засмеялись водолазы.

— Без всякого одеколону пахнет, — ответил Зыбков.

И верно: от нового костюма шел острый запах свежего каучука и эластичного тифтика. Запах близкий и родной водолазам.

Дудыкин надел Зыбкову груза, прицепил к поясу сетку для трепангов и крикнул качальщикам:

— Качай помпу!

Качальщики схватились за маховики. А Дудыкин надел на Зыбкова старый медный шлем, весь в царапинах и вмятинах.

— Хоть бы почистили шлем: срам ведь надевать такой на новую рубаху, — глухо сказал Зыбков уже за стеклом шлема и грузно шагнул по ступенькам в воду.

Постепенно вода закрыла слова на тифтике «За долготную работу», закрыла груза, манишку и всколыхнулась на широких плечах водолаза. Зыбков стравил воздух в шлеме и стал погружаться.

На дне ему показалось вначале темновато — будто кофе размешали в воде. Он на минуту зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел кругом густые, косматые водоросли. Среди них, у самых ног водолаза копошились мирные бугристые трепанги.

«Ну и сила же их тут, — подумал Зыбков. — Наверно, лет десять не пуганы».

И он принялся хватать обеими руками огромных, толстых червяков и засовывать их к себе в сетку.

Вдруг что-то скользкое и гибкое, как плетка, по локоть обвило ему руку. Зыбков поднял глаза и вздрогнул: перед ним в густых водорослях распластался огромный океанский осьминог. Обхватил он правую руку Зыбкова щупальцем и смотрит на него круглыми желтыми глазами. От неожиданности чуть было не попробовал Зыбков свои глаза протереть. Уж не померещилось ли? Как раз на днях пришлось прочитать одну смешную, мало похожую на правду историю о спрутах. Но тут уж не до смеха — рука точно обручем всё туже перетягивается.

Дернул водолаз руку изо всей силы, осьминог заворочался и выпустил из себя какую-то черную жидкость. Заволокло этой слизью иллюминаторы, и стало Зыбкову

темно. А осьминогу только того и надо. Огромные его щупальца разом захлестнули водолазу руки и ноги. Обидно Зыбкову стало: «Загадит мразь противная костюм новый».

Кое-как дотянулся он пальцами левой руки до ножа. А нож ввинчен в футляр на шесть поворотов. Стиснув зубы, водолаз стал вывинчивать нож. В это время с баркаса задергали сигнальную веревку. «Что с тобой?» — спрашивают.

А как ответить Зыбкову, когда он связан по рукам и по ногам! Вывинчивает Зыбков нож, считает про себя: один поворот, два поворота, три поворота, четыре, пять...

Вплотную навалился на водолаза осьминог. Облепил шлем и глазами в самый иллюминатор заглядывает.

Но тут как раз Зыбков вытянул нож из футляра и ударил осьминога.

Пляшет наверху, на баркасе, сигнальная веревка.

— Случилось что-то, надо поднимать, — говорят водолазы. Схватились за веревку и шланг, а поднимать тяжело, будто не водолаза тянут, а свинцовую глыбу.

Вот забурлила вода около баркаса, и вместо Зыбкова показался из воды какой-то огромный серый ком, весь в красных бородавках.

— Осьминог! — крикнул качальщик, схватил с палубы топор и побежал вниз по лесенке.

— Куда ты с топором! — закричал на него Дудыкин. — Ведь там водолаз!

Качальщик застыл с топором в руке, не зная, что делать.

Но бородавчатый ком вдруг разжался и соскользнул в воду, а из-под него вынырнул Зыбков.

— Выбирай водолаза! — скомандовал Дудыкин.

Все разом схватились за шланг и сигнал, а Зыбков вдруг опрокинулся на бок, стукнув калошами о железный трап.

Положили водолаза на палубу, торопливо сняли с него шлем, стащили груза, отвинтили манишку.

Всё снимали.

Но вот как костюм снимешь? Нет у водолазного костюма пуговиц. Кабы держался еще Зыбков на ногах, тогда бы за фланец стянули. Но он лежит, и лицо у него

бледное, как папиросная бумага. Полез Дудыкин в карман, достал перочинный нож и наклонился к Зыбкову.

— Резать будешь? — спросил Коваленко.

— А как же иначе? — ответил Дудыкин и воткнул нож во фланец.

Захрустел под ножом тифтик, дернул Дудыкин рукой и разрезал костюм от фланца до самого низа. Ярко-красная надпись разъехалась надвое: буквы «К. Ф.» — в одну сторону, «Зыбкову» — в другую.

Вдруг Зыбков открыл глаза, приподнялся, огляделся, сжал кулаки да как начнет ругать водолазов:

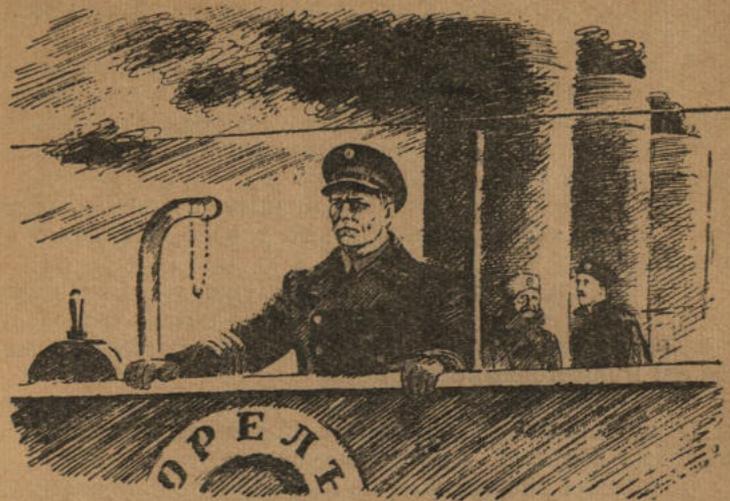
— Черти! Кочерыжки! Дубины!

— С чего это он вдруг так! — растерялись водолазы. — Уж не бредит ли?

— Полежи, — говорят, — Костя. Сейчас мы тебе помощь окажем.

— Полежи! — закричал Зыбков на весь баркас. — Сами полежите, медные головы. Меня, может, на сто лет хватит, а костюм уже располосовали! Постарались вы на мою шею...

Зыбков провел пальцами по разрезу костюма и чуть не заплакал.

КАПИТАН ЛАЦЕ

I

Много затонувших кораблей нашли и подняли водолазы.

Корабли эти лежали на дне темных и светлых озер, в зеленых глубинах морей, далеко за Полярным кругом в Ледовитом океане, в песчаных, ракушечных устьях рек и в морских заливах среди густых разноцветных водорослей.

Одни из них были так исковерканы минами, что водолазы, пробираясь в темноте среди обломков острого железа и стали, каждую минуту рисковали разрезать свою резиновую рубаху или запутать сигнал.

Другие были почти целы, но лежали опрокинутые вверх килем, и, чтобы поднять такой корабль, водолазам приходилось сначала «ставить его на ровный киль», то

есть, попросту говоря, ставить так, как кораблю и полагается стоять.

А иные корабли до того влезли в засасывающий ил, что водолазы вначале должны были копать дно, прорывать под ними тоннели, а потом уже выдирать корабли из грунта наверх цилиндрическими большими понтонами на длинных стальных полотенцах.

Много затонувших кораблей нашли советские водолазы. А вот «Орла» искали очень упорно, но долго не могли найти.

«Орел» пропал без вести давно, еще в гражданскую войну. Был это вместительный, совсем новый транспорт, с сильными машинами, высокой рубкой, острым форштевнем и просторными трюмами.

После окончания гражданской войны стали выяснять, куда же девался транспорт. Перерыли все документы в портовых конторах, — ничего не нашли.

Запросили иностранные порты, не регистрировался ли у них транспорт «Орел» постройки 1912 года, водоизмещение 6300 тонн, мощность машин 2×1100 HP (лошадиных сил), регистровый № 1340.

Порты ответили: не было у них такого, не регистрировался. Ну, значит, «Орла» надо искать на дне.

Начались розыски.

Но «Орел» будто сквозь дно провалился вместе с трубами и мачтами. Бывают и такие случаи. Вот, например, в Азовском море, около Бердянска, хотели водолазы поднять одно судно, да задержались из-за штормов, потом спустились — глядь, а корабля уже нет. Только верхушки мачт из грунта торчат.

Два дна у Азовского моря: одно верхнее — грязевое, обманчивое, а под ним второе — уже настоящее, крепкое. Может, и «Орел», пока его искали, провалился на какое-нибудь второе дно.

Только нет, в северных морях двойного дна как будто не бывает.

Лежит он где-нибудь на обыкновенном дне, покрытый ржавчиной и ракушками, но где лежит, — не угадаешь: море ведь большое.

Объявили крупную премию тому, кто укажет место гибели «Орла». В газетах об этом напечатали и во всех судовых конторах объявления вывесили.

Ни один человек на водолазную базу не пришел и на объявления не отозвался.

Верно, те, кто знал про судьбу «Орла», сами лежали с ним на морском дне.

Из всего экипажа транспорта разыскали только боцмана Груздева, Михаила Терентьевича.

Его-то найти было не трудно: он уже пять лет служил на судне «Камбала».

Но и боцман не знал точно, куда ушел «Орел» и что с ним приключилось. А не знал потому, что отстал он когда-то от своего судна по простой случайности.

В ту штормовую ночь, когда «Орла» в последний раз видели в порту, боцман Груздев лежал в больничном бараке на берегу. Время переживали тяжелое, бараки были набиты битком больными. Лежал боцман где-то в углу у заклеенного бумагой окна, и навещали его из всех знакомых только капитан «Орла» Август Генрихович Лаце да изредка корабельный фельдшер Яковенко.

Неизменно через день, ровно в четыре часа тридцать минут, приходил капитан в барак и садился на табуретку возле койки боцмана. Если в этот день Михаилу Терентьевичу было не до разговора, капитан только смотрел на клетчатый лист, где была записана температура больного, качал головой и, посидев пять — десять минут, уходил. А если боцману было полегче, капитан просиживал возле него целых полчаса.

— Ну, как живем, боцман? — спрашивал он, похлопывая по одеялу большой костлявой рукой. — Когда плавать будем?

Больше капитан ничего не говорил.

А ровно через полчаса он вынимал из кармана морские часы — хронометр со светящимся циферблатом — и неторопливым шагом проходил через всю палату. Когда, чуть нагнувшись в дверях, чтобы не удариться головой о косяк, он исчезал в коридоре, соседи боцмана, кивая головой на дверь, говорили:

— Ничего, видать, у вас капитан. Аккуратный человек, спокойный.

— Море любой камешек обточит,— отвечал боцман.— А он весь век на море.

— Из простых, верно? — спрашивали соседи.

— Да, не из дворян. Отец у него, рассказывают, рыбак был, латыш, и сам он с малых лет на корабле медяшку драил.

— Это и видно,— говорили соседи.— Только чего же он царскую медаль носит?

— Это за спасение на водах...

— Ну, хоть и за спасение, а всё равно старый режим.

Да уж что и говорить, коли человек выслужился, так он со своими чинами да орденами сам не расстанется, отнимать будешь — и то не даст.

Боцман на это ничего не отвечал. Он-то знал, что у капитана Лаце два сына в Красной Армии, где-то на фронте, да говорить об этом в палате не решался. Хоть кругом лежал свой народ — матросы, грузчики, рабочие с лесопилки,— но для вольных разговоров время было неподходящее. В городе хозяйничали белогвардейцы и англичане. Правда, поговаривали уже, что вот-вот им конец придет, но они, как мухи осенью, становились с каждым днем всё злее. За одно слово можно было либо пулю в голову, либо веревку на шею заработать.

Единственный раз за всё время капитан Лаце пришел в барак часом позже, чем обычно. Лицо у него было в красных пятнах, и пахло от него как будто спиртом. Боцман даже носу своему не поверил: капитан был человек непьющий.

Только он ушел из барака, к боцману явился с корабля другой сослуживец — фельдшер Яковенко.

— Ну что, капитан-то был сегодня? — спросил он.

— Был. А что?

— А ты ничего не заметил?

— Это насчет спиртного?

— Да нет, не то,— сказал Яковенко и, присев на кровать, зашептал Груздеву на ухо: — Понимаешь, сижу я утром у себя в каюте, мензурки перетираю. Вдруг он входит и говорит: «Дай-ка мне, Яковенко, спирту». — Для чего? — спрашиваю. — «Пить буду». Ну, налил я ему сто кубиков, а он двести попросил. Опрокинул разом, а потом достал из кармана письмо и говорит: «Вот, Яковенко, мне один человек новость привез. Было у меня два сына, а те-

перь ни одного нет. Младшего прошлый месяц убили, а старший еще зимой погиб,— я и не знал». Повернулся и ушел к себе. Я к нему в каюту стучался, стучался,— не отзывается... Ну, не думал я, что нынче он к тебе придет...

Боцман долго лежал в жару — тиф у него был самый тягучий и упорный. Доктора говорили — «возвратный».

Фельдшер Яковенко давно уже перестал навещать Михаила Терентьевича, а капитан всё ходил и ходил.

И вдруг не пришел.

«Что же это случилось? — подумал боцман.— Уж если в тот раз, когда письмо получил, всё-таки пришел, то, значит, нынче важное дело его задержало».

Еле дождался боцман следующего дня. Вот и четыре часа тридцать минут, а капитана всё нет.

И тут принес кто-то в барак новость. Ушли из города англичане и французы, а вместе с ними и кое-кто из белогвардейцев. Говорят, что иностранцы не слишком-то хотели брать с собой за границу своих белых союзников. Собрались они как-то незаметно, в одну ночь. Теперь в городе остались единственными хозяевами белогвардейцы. Да тоже, должно быть, ненадолго.

Весть переполошила весь барак. Кто мог ходить, вставал украдкой с койки и заглядывал в полузаклеенные окошки. Кто не мог двигаться, то и дело спрашивал у ходячих: «Ну, что там? Ну что?»

И в самом деле, даже из окошек барака можно было заметить, что в городе произошли перемены.

Перестали разгуливать по улицам английские офицеры во френчах и широких блестящих ремнях, французы в голубовато-серых пелеринах, шотландцы в клетчатых юбочках.

Зато нарядились в английские френчи, буцы и обмотки белые вояки. Видно, успели уже разграбить брошенные иностранцами склады.

Город был весь какой-то пьяный, шумный и отчаянный. Должно быть, кутили белые всю напоследок, перед своим концом.

«Уж не прикончили ли моего капитана? — тревожно

думал Михаил Терентьевич.— Пронюхали как-нибудь, что у него сыновья в Красной Армии, и ухлопали. Очень просто. . .»

Но ничего толком не мог узнать боцман, пока лежал на больничной койке. И вот, наконец, выписали его из тифозного барака.

Первым делом побежал он в порт.

Смотрит — нет «Орла». Начал он останавливать и расспрашивать людей — и узнал от них, что в ту осеннюю ночь, когда англичане убрались восвояси, увели они и «Орла». Вернее сказать, захватили его те белогвардейцы, которые с ними ушли. А куда угнали, — неизвестно.

Боцман разыскал даже одного старичка, который видел всю ночную погрузку.

Старичок рассказал заикаясь, что белые всю команду загнали на палубу и к каждому приставили часового с ружьем. Шестерых, которые вздумали сбежать на берег, тут же у схода расстреляли — сигнальщика, машиниста и четырех матросов.

— А капитан?

— Капитан что? Стоял наверху и командовал.

— Командовал? Вот оно как. . .

Боцман не стал больше расспрашивать — повернулся и зашагал в город.

Шел он, пошатываясь и сам не знал, отчего шатается: оттого ли, что во время тифа разучился ходить, или от огорчения.

Жаль ему было товарищей — и тех, которых прикончили белые, и тех, которых они силой угнали неизвестно куда, мыкаться по чужим портам. А сильнее жалости была досада и растерянность.

— Что ж, это, выходит, такое? — говорил сам с собой боцман, останавливаясь посреди улицы и разводя руками.— Что ж это с капитаном?.. Десять лет вместе проплавали — шесть на «Шарлотте» и четыре на «Орле». За десять лет можно узнать человека!.. А получается, что в бараке-то правду говорили: царская медаль к старому тянет. . . Уж лучше бы расстреляли его, как сигнальщика и машиниста. По крайней мере было бы за что жалеть. . . Интересно, что же он теперь за границей делать будет. Капитанствовать, что ли, на том же «Орле»? Как «Орел» по-английски называется?..

Боцман знал много английских слов, а названий корабельных еще больше. Он припомнил, что в одном северном порту он видел несколько лет назад английский траулер, который назывался «Игл». Это значит «Орел». . .

Однако дня через три — четыре узнал боцман Груздев от рыбаков того поселка, где он жил, выйдя из барака, что капитану Лаце не придется, пожалуй, служить у англичан.

В ту самую ночь, когда ушел «Орел», рыбаки, которые промышляли далеко в море, слышали на рассвете глухие взрывы. В море часто в те времена грохали мины, сорвавшиеся с якорей. Много их бродило около берегов, в губах, заливах и далеко в открытом море. Поэтому на взрыв никто не обратил бы и внимания, если бы вскоре после этого не выловили в море большой спасательный круг с надписью «Орел». Спасательный круг повесили на гвоздь в конторе порта. Этим дело и кончилось. Тогда у нас еще не занимались поисками и подъемом затонувших судов — не до того было.

Да и прежде всего надо было выяснить: в самом ли деле потонул «Орел» или он просто потерял в наших водах спасательный круг?

II

Было раннее утро, когда «Камбала» отвалила от берега и тихим ходом вышла в море.

Море в это утро лежало до того синее и спокойное, что так и хотелось свеситься с борта и погладить его ладошкой.

«Камбала» шла вперед не прямо, как ходит обычно судно. Шла зигзагами, оставляя за кормой изогнутый след, будто хлестнули по воде длинным, извивающимся кнутом.

Почти все водолазы собрались на корме «Камбалы», у прибора металлоискателя, который помогает водолазам обнаруживать корабли. Вышел сюда и машинист в промасленной синей спецовке и кочегар Жуков в черной от угля брезентовой робе, — оба они только что сменились.

Тут же, на корме, стоял и боцман Михаил Терентье-

вич Груздев в высоких болотных сапогах, в порыве морской фуражке с медной эмблемой.

А из дверей камбуза, где, точно серебряные, блестели на полках подносы, ложки, тарелки, ножи, вилки, чумички и кастрюли, то и дело высовывался кок Василий Никифорович Бородулин в высоком, как башня, белом колпаке и в белом переднике. Ему тоже сегодня не сиделось на месте.

Толпятся водолазы около прибора металлоискателя, поглядывают на рыжий ящичек и ждут, когда дернется там стрелка на циферблате и зазвенит рядом с ящичком электрический звонок. А двинется стрелка и зазвенит звонок тогда, когда медный плетеный, толщиной с палец, хвост металлоискателя заденет на дне за железный борт затонувшего судна или за какой-нибудь другой железный предмет.

Этот медный хвост тянется за кормой «Камбалы» по дну, длинный-предлинный. Куда «Камбала», туда и хвост. «Камбала» идет, виляет, и хвост извивается по дну, как змея.

Водолазы стоят на корме и беседуют.

— Михаил Терентьевич,— спрашивает боцмана молодой водолаз Яцько,— наверное, много у тебя вещей на «Орле» осталось?

— Ясно, остались. Да я про них и думать забыл,— отвечает боцман.— Сапоги там у меня были хорошие, хромовые, так они давно сгнили, гвоздики и те, верно, ржавчина съела... Выходная пара, бушлат — об этом и говорить нечего. Вот разве только сундук... Сундука мне, признаться, было жалко.

— А что в нем? — спросил Яцько.

— Да ничего особенного.

— Чего же ты о нем жалеешь?

— Сам по себе хорош был... Делал его один хитроделатель-сундучник, Филимонов Осип Сергеевич, который знал на это свои секреты. Сундук был у меня из чистого ореха, с потайным дном и с музыкой. Только два сундука таких и было во всем флоте — у меня да у шкипера на «Ростиславе». Полированы они были так тонко, что в крышку можно было смотреться, точно в зеркало. А открывался сундук с трех поворотов ключа. Захочешь открыть, поверни ключ в замке один раз,— сундук за-

играет побудку, в точности как на горне, только приятней. Повернешь ключ второй раз — играет обед, повернешь в третий — сыграет сундук «восемь палок», проветрит палубу,— и откроется. Без музыки не открывался. Восемь лет с лишним проплавал я с ним. Вместе с ним и в отпуск ходил.

Один раз, помню, ехал я из отпуска. На станции Горемыки поезда пришлось ждать долго: целых шесть часов. В третьем классе было душно, народу пропасть. Вышел я на свежий воздух, прилег возле вокзала на травку, да и заснул. Вдруг слышу во сне — побудку горнист играет. Я на корабельные сигналы чуткий, враз вскочил. Гляжу — два жулика мой сундук отмыкают. Сундук был тяжеловат, унести его трудно,— вот они и задумали выпотрошить его. Подобрали отмычку — и щелк. А сундук мне побудку и сыграл.

У нас на «Орле» все знали про мой сундук. Музыка приходили слушать. Только, бывало, и просят: поверни ключ да поверни. А я им говорю: «Это вам не шарманка!» Вон Пыльнов, наверно, помнит мой сундук?

— Еще бы не помнить,— сказал пожилой водолазный старшина Пыльнов, который в пятнадцатом году плавал шесть месяцев на «Орле» матросом.— Отлично помню... Я тогда только из деревни приехал, все мне было в диковинку. А уж сундук-то этот мне и во сне снился. Думал: дослужусь до боцмана — непременно такой заведу.

— А жив ли сейчас сундучник-то этот? — спросил водолаз Яцько.

— Помер,— сказал боцман.— Раньше времени по своей глупости помер. Одна барыня заказала ему шкатулку и на ней велела выжечь какой-то старинный, строгановского письма, тонкий рисунок. Взял Филимонов заказ, ушел, и слуху о нем нет. Барыня огорчилась: «Сбежал, зря заказала, куда ему, Филимонову, сделать такую тонкость. Первоклассные столичные мастера и те не смогли!..» И вдруг является Филимонов к барыне и шкатулку подносит. Взяла она шкатулку сердито, но как всмотрелась в тонкий рисунок, что он выжиг, так от радости петушиным голосом закричала, успокоиться не может: «Ох, какая прелесть, ох, ох, какая прелесть!» А когда немного поуспокоилась, говорит Филимонову: «Ну, голубчик, талант у тебя неслыханный». — «Как умеем, так и

делаем», — отвечает Филимонов. — «Не знаю, чем тебя и отблагодарить», — говорит барыня. — «Чем пожелаете», — отвечает Филимонов. Скромный был человек. А барыня эта держала винно-спиртный склад. «Пьешь вино?» — спрашивает. — «Употребляю», — отвечает. — «Ну так вот, иди, голубчик, в мой склад и пей вина и спирта, сколько душа требует. А я распоряджусь, чтобы тебе отпускали бесплатно». Ну, Филимонов, конечно, дорвался до вина и сгорел от него.

— До белой горячки, значит, допился, — сказал кок Бородулин, который растирал в это время горчицу, стоя на пороге камбуза. — Жалко человека!.. Был бы жив, и я бы ему сундук заказал. А дорого ли он брал за работу?

Но Бородулину никто не ответил. На всю палубу затрещал пронзительный звонок металлоискателя.

— Стоп машина! — крикнул в переговорную трубку капитан «Камбалы». — Команда по местам! Отдать якорь!

Вахтенный проверил лотом глубину и доложил:

— Тридцать метров.

— Водолаз Пыльнов, в воду! — приказал водолазный инструктор.

— Есть! — ответил Пыльнов и сбросил недовязанный телефонный провод со шланга.

— На этой глубине и без телефона обойдусь, — сказал он и начал одеваться.

Надел шерстяные, чуть не до пояса, чулки, свитер, а на голову малиновую феску с кисточкой. Стал он похож теперь на акробата, который собирается кувыркаться через голову на ковре. Потом натянул на себя снизу до пояса водолазный костюм, и костюм собрался в складки, похожие на зеленые мехи большой гармоники.

Тут водолазу подали ведро с водой и мыло. Пыльнов намылил кисти рук и сунул их под воротник костюма, обтягивавший в это время его живот.

— Давай подхватывай, — сказал он водолазам.

Четверо товарищей обступили его, взялись за упругий резиновый воротник и втряхнули Пыльнова в костюм. Водолазы надели ему на плечи манишку и крепко завязали плетенками огромные калоши, чтобы они не потерялись под водой.

У трапа Пыльнова опоясали сигнальной веревкой, а уже на самом трапе надели на него свинцовые груза и затянули подхвостник.

— Воздух! — приказал водолазный инструктор.

— Есть! — ответили у моторного компрессора, и воздух, шипя, побежал по шлангу.

— Надеть шлем!

На Пыльнова надели шлем и закрепили гайками.

— Ну, Михаил Терентьевич, зайти, что ли, за сундуком в твою каюту? — спросил Пыльнов на прощанье.

Боцман наклонился к круглому отверстию в шлеме и сказал:

— Ежели это «Орел», то моя каюта по правому борту, прямо под камбузом. Как сойдешь через второй люк в элеваторный кубрик, сворачивай налево и иди по коридору вдоль рундуков во второй отсек. За комингсом будут по порядку первая, вторая и третья каюты. Запомнишь? Третья моя и есть. Она прямо под камбузом приходится.

— Ладно, — сказал Пыльнов, — заdraивай!

Яцько ввинтил в отверстие шлема стеклянный иллюминатор.

Воздух быстро наполнил и раздул костюм Пыльнова, и водолаз стал похож на огромный, без морщинки, пузырь, стянутый посредине веревкой. Казалось, вот-вот он лопнет или же взлетит над «Камбалой», а водолазы будут держать веревку и потихоньку потравливать, чтобы он не улетел за облака.

Держась за поручни, Пыльнов ступил на последнюю ступеньку трапа, взбурлил головным золотником воду и пошел на дно.

Сверху видно было, как в прозрачной воде блеснула медная макушка шлема и вода у трапа покрылась шипящими пузырьками, будто закипела.

Медленно шел Пыльнов на грунт. Поток воздушных пузырьков, как цепочка из брильянтов, поднимался над его головой.

Вода понемногу обжимала его костюм, резиновые складки шевелились, как живые, будто дышали заодно

с водолазом. Через иллюминаторы Пыльнов видел играющую среди медуз пятнистую морскую кошку-зубатку и поблескивающую крупную треску.

Наконец Пыльнов опустил на грунт, скользнув подметкой по шлестому боку крутого валуна. Стал между камней и дернул за сигнальную веревку: «Я на грунте!» Сверху дернули в ответ: «Есть на грунте».

Пыльнов огляделся по сторонам. Стояла зыбкая подводная тишина. Пузырьки из шлема булькали громче обычного, а воздух в шлеме шикал у затылка. Вода вокруг была зеленая и прозрачная. В ней плавали какие-то бледные жилки, волокна, будто кто здесь пенку трепал.

«Должно быть, поблизости водоросли», — подумал Пыльнов, но сколько ни вглядывался он вдаль, всюду было одно и то же — обросшие зеленью камни, то острые, то круглые. Ни «Орла», ни водорослей не было видно.

Откуда-то сбоку показался морской кот. Он плыл и клапанами-покрышками хлопал себя по глазам, будто ему в глаза пыль попала. Через камни ползли крабы-отшельники. Они то выкатывали на Пыльнова глаза, похожие на бинокли, то, почистив их клешнями, втягивали обратно в себя.

Из-за большого камня поднялась камбала, рыжая, вся в белых пятнах-крапинах. Она танцевала, распустив свой камбалий шлейф, и важничала перед морскими ежами. А ежи целыми семействами прилепились к валунам, ошестившись острыми пепельно-серебристыми иглами: «Попробуй-ка, тронь нас!»

Когда-то, много лет назад, Пыльнов однажды схватил серебристого ежа. Он проколол себе при этом рукавицу и все-таки вынес наверх морского жителя. Но не успел он вытащить колючку из своей ладони, как пепельно-серебристый еж обмяк и превратился в грязную, серую тряпку. С того раза Пыльнов морских ежей больше не трогал, а смотрел на них только издали, как на красивые цветы за стеклом витрины.

Сейчас он взглянул на ежей только одним глазом, мельком, и пошел по дну, держась рукой за медный трос металлоискателя. Как длинная бельевая веревка, тянулся этот трос наискось к грунту.

Там, где-то в конце его, должен быть «Орел». И Пыльнов направился туда, куда вела медная струна.

По дороге он задел носком калоши морскую лису. Широкая, бокастая лиса рассерженно ударила по дну хвостом, усаженным колючками, вытянула его, точно палку, и умчалась вверх.

Трос металлоискателя вел Пыльнова все дальше и дальше. Не снимая с него руки, водолаз перебирался через скользкие камни и, наконец, добрал до целой рощи водорослей. Пошел, приминая ногами буровато-зеленые, коричневые и красноватые стебли. Чем дальше, тем выше, гуще и косматее были водоросли. Они поднимались вверх, напоминая то лезвия кинжалов, то рассеченные надвое весельные лопасти, то елочки, то мелкий виноград. А подлесок у них был тоже густой, но ниже, сплошь из красноватых и розовых водорослей. Путаясь ногами в этой чаще, Пыльнов невольно подумал: «Куда столько корма рыбам? Тут коровам, лошадям пастись — и то непроворот!» И он пожалел, что коровы не могут пастись под водой.

Больше держаться за трос металлоискателя он уже не мог. Трос шел все ниже и ниже, постепенно спускаясь к грунту среди косматых зарослей.

Пыльнов пошел дальше, наступая на трос калошей, чтобы не сбиться с пути. А сам все поглядывал да поглядывал вперед, не видно ли «Орла».

Навстречу ему, на высоте двух метров над водорослями, плыла широкая сиреневая медуза, а внутри нее сидел жирный краб с выпученными глазами.

— Ишь, как пристроился, — сказал Пыльнов и остановился. Как только медуза-рикша поравнялась с его шлемом, он сразу нажал головой на золотник и выпустил целую струю воздуха прямо под колокол медузы.

Пузыри громко ударили по крабу, толкнули медузу кверху, раскачали ее, но краб еще крепче впился в нее своими большими волосатыми клешнями.

— Ну и таскай, коли охота, — сказал Пыльнов и пошел дальше.

И вдруг он перестал чувствовать у себя под ногами медный хвост. Потоптался на месте, шагнул вправо, влево — нет хвоста. Нагнулся, раздвинул водоросли, шарил руками — нет хвоста. Дальше идти незачем; хвост весь вышел. Но где же «Орел»? Ведь недаром же звонил металлоискатель...

Пыльнов внимательно огляделся по сторонам. Посмотрел в одну сторону, — над водорослями мелькают пузатые коричневые рыбки, а между ними важно плавают морской петух с лазоревыми плавниками и разноцветным хвостом.

Пыльнов повернулся в другую сторону, а против самого его иллюминатора в полуметре стоит широкая, как сковорода, пучеглазая, вся в серебряных кнопках, солнечная рыба. Стоит и мешает ему смотреть. Пыльнов взбурлил золотником воду, рыба только перышками pokrutila — и ни с места. Тогда водолаз шагнул вперед и хлестнул рукой, — рыбы как и не бывало. А вместо нее водолаз увидел неподалеку, метрах в пяти, одиноко торчащую из водорослей железную трубу. По этой трубе сразу можно было узнать небольшой морской буксир. Из-за него-то, верно, и звонил металлоискатель.

— Эх, не везет мне, да и только! — грустно сказал Пыльнов.

Эти слова он повторял чуть ли не после каждого спуска. Водолазы уже привыкли к тому, что Пыльнов, спускаясь на грунт в поисках корабля, непременно находил не то, за чем спускался, а что-нибудь другое. Зато водолазам, которые ходили на грунт сейчас же после него, всегда была удача.

По этому поводу товарищи подшучивали над Пыльновым:

— А ну-ка, ступай, Гриша, первым, покажи дорогу, а уж мы за тобой!

Пыльнов двинулся к торчавшей из водорослей трубе и по пути снова задел ногой за хвост металлоискателя, который направлялся туда же. Совсем отчетливо разглядел он ржавчину и вмятины на трубе. Рыжая морская звезда прилепилась к ней сбоку и шевелила своими широкими лучами.

Водолаз раздвинул водоросли. Среди них, точно отдыхая на полянке, лежал на боку небольшой портовый буксир с выломанной палубой и ржавым кочегарным котлом. Буксиришко весь оброс буроватым подводным мхом, будто медвежьей шерстью.

Большая медуза тиара, похожая на помело с красным черенком внутри, вынырнула из рубки рулевого и прошлась своим медузным венником по железу буксира, как

бы извиняясь перед гостем, что к его приходу не прибрано. А впрочем, извиняться ей было нечего: хозяйство у нее было нарядное и любопытное. Вокруг трубы на ржавой вмятине венком сидели не то грибы, не то какие-то шишки. А пониже на машинном кожухе росли тоненькие красные цветы, каких Пыльнов никогда не встречал на земле. Почти все пробонны в буксире были затянуты бархатистым мхом, а из тех щелей и дыр, которые еще были открыты, то и дело вылетали на рыжих плавниках окуньки. Они, наверное, играли между собой в прятки, потому что всей стайкой заплывали в одну большую дыру, а выбегали порознь из других отверстий.

Отовсюду из мха выглядывали скромные подводные гвоздики и пышные анемоны, полосатые, желтые и малиновые. Анемоны — морские розы — росли на толстых грибных ножках. Между ними ходили маленькие креветки. Вдруг Пыльнов увидел один цветок, лепестки которого были туго сжаты в кулак, а из них торчал наружу рыбий хвостик. Хвостик чуть вздрагивал.

— Сцапала? Ну и прожорливая роза! — сказал с укоризной Пыльнов. — Кусок больше себя проглотила!

Дотянувшись до хищной розы рукой, он содрал ее с буксира, а сам перелез через борт, чтобы посмотреть, исправен ли кочегарный котел. Обидно было с пустыми руками наверх возвращаться. Котел — и то находка, если только его ржавчина не съела.

Пыльнов наклонился к топке, которая когда-то бушевала огнем. Теперь ее дверца была облеплена ракушками, как торт миндалем. А возле дверцы кочергой стояла синеполосатая щука и, видимо, готовилась что-то схватить в топке. Но ей это не удалось. Пыльнов вспугнул ее и, отдраив лаз, заглянул в котел. Там было полным-полно рыбы, словно кипела живая уха. Бычки кололи друг друга рогами, дрались из-за чего-то.

— Ну, довольно воевать! — сказал Пыльнов и, сунув в котел руку, начал ощупывать стенки. Ржавчина пленками отдиралась от котла, он был весь в дырах.

— Тьфу! — рассердился водолаз. — Ни сам буксир, ни котел — ни к черту! Зря только звонил металлоискатель.

Он выбрался из буксира, прошел несколько шагов и уже хотел было дать сигнал: «Выхожу наверх!», как

вдруг перед самым его носом из водорослей выскочили чем-то встревоженные морские коньки. Взрослый конек был чуть больше шахматного коня, а малыш — чуть больше майского жука.

Пыльнов едва не схватил малыша рукой, но споткнулся. Свинцовая его подошва обо что-то брякнула.

— Что у них тут, железная конюшня, что ли? — пробормотал Пыльнов. Он нагнулся, раздвинул водоросли и вытащил из них за ручку медный, весь позеленевший матросский бачок. Из него посыпались какие-то волокна, рыбки скелеты, ракушки. — Вот так гнездо, — засмеялся Пыльнов и, подняв бачок к самому шлему, пощелкал по его дну. Бачок коротко прогудел от щелчка. — Толковый бачок, надо захватить, на «Камбале» пригодится.

Пыльнов сунул бачок под мышку и дернул за сигнал: «Выбирай».

На борту вся команда с нетерпением ждала водолаза. Кок Бородулин и кочегар Жуков даже поспорили. Жуков был любитель всяких пари и спорил по любому поводу.

На этот раз пари было такое: если водолаз найдет «Орла», Жуков обязан начистить для кока целый лагун картошки. А если не найдет, Бородулин должен испечь Жукову десять пирожков с брусничным вареньем.

Как только вынырнул из воды водолазный шлем, спорщики свесились через борт. Бородулин даже колпак с голы в воду уронил.

Пришлось ловить колпак багром.

Молча стоял боцман Груздев у трапа и, поджидая водолаза, нервно покуривал свою короткую трубку.

Выходя из воды, Пыльнов увидел сквозь иллюминатор боцмана, кочегара и кока и поднял в руке бачок.

— Нашел, — обрадовался кок.

Жуков поскреб затылок.

— Кажись, на этот раз я проиграл. . .

Водолаз медленно вскарабкался по трапу и положил на палубу бачок. А когда с него сняли шлем, сказал:

— Нашел я, товарищи, старый, разбитый буксир да этот бачок около него. Вот и всё.

Бородулин махнул рукой и поплелся к себе на камбуз печь пирожки с брусничкой.

— Постой, кок, — остановил его боцман, — забирай подарок. Это водолаз для тебя с грунта бачок добыл. Медный, а почистишь, золотой будет!

Бородулин хмуро посмотрел на боцмана.

— Ты бы уж лучше молчал, Михаил Терентьевич, — огрызнулся он, — сам-то, небось, тоже нынче подарка ждал — сундучка с музыкой. А не дождался ничего. Музыку твою крабы слушают.

— Эх, Бородулин, — сказал боцман, уминая в трубке табак, — на «Орле» ведь не только мой сундучок остался, много там всякого добра пропадает. Пожалуй, и для тебя нашлось бы кое-что подходящее по специальности.

— А что мне надо? Чумичек и кастрюль у меня полон камбуз!

— Да нет, какие чумички! Знаешь ты, кто у нас на «Орле» коком был? Сам Жан-Анри Блок. Слышал про такого?

Бородулин вскинул голову.

— Как же, слышал. Даже соус его один знаю.

— Ну, так вот. У этого самого Жана Блока такой был

камбуз, что все корабли завидовали. А главное — была у него поваренная книга. Не напечатанная книга, а написанная от руки. Сам он говорил, что и за десять тысяч не продал бы ее, потому что в ней записаны кушанья со всего света — от русских рубленых щей до торта миндального с черными раками. А еще был у нашего кока флакончик с какой-то египетской жидкостью для цвета и для вкуса. Ежели капнуть ее хоть одну каплю в лагун борща с солониной, — так вкус получается вроде как от индейки. Десять лет этому флакончику было, а израсходовал из него наш старик разве только одну треть.

Бородулин слушал боцмана, то поднимая, то опуская брови, — видно, не знал, верить или нет.

А когда боцман умолк, он только сказал, махнув рукой:

— Так ведь это всё, пожалуй, миной разнесло. Где уж там на дне этакую бутылочку искать или книгу рукописную. Раскисла, верно, давно, и все чернила с нее смылись.

Бородулин подобрал с пола позеленевший бачок и ушел к себе на камбуз.

Но с тех пор стал он еще чаще высовываться из дверей на палубу и спрашивать у водолазов: «Что, не звонит? А мне что-то послышалось».

В свободные от работы часы водолазы ходили к Бородулину на камбуз, как в театр.

Кажется, ничего особенного он не делает, только капусту сечет. А всякому интересно посмотреть и послушать.

Берет он тугой капустный кочан и начинает выбивать ножами чечетку на капусте или песню о Садко. Нож так и летает по капусте. А если крошит он крупный репчатый лук, то высвистывает морскую песню: «Слезы горькие на холодный гранит проливала». Свистит и дует на лук, сдувает едкий запах на слушателей, те плачут, а глазам Бородулина ничего не делается.

Веселый характер у кока, — он даже кухонные вещи заставляет играть. Моет ложки, а ложки отбрыкивают марш. Точит ножи — ножи, как соловьи, свистят, и вылетают из-под их широких лезвий не искры, а прямо молнии.

И чем веселее Бородулин барабанит, поет и свистит,

К стр. 90.

тем скорее и вкуснее у него получается обед. Каждый день он новое блюдо готовит. Но не любит кок заранее об этом блюде говорить. «Скажешь раньше времени — испортишь».

Иной раз пристанет команда к Бородулину, — скажи да скажи, — а он отделяется скороговоркой:

— На первое

щи пустые,
щи густые,
щи с ромом,
щи с громом,
щи так!

На второе

гуляш по коридору
и битки врястяжку.

На третье

водолаз в воде
и чай с сахаром.

Ничего нельзя узнать от Бородулина, пока он обед на стол не подаст. Разве что по запаху угадаешь. Вот и вертится каждый раз команда у камбуза — слушает и нюхает.

Но в последнее время притих кок. Не отбивает чечетку и песен не поет. Даже тарелкой брякнуть боится, чтобы не пропустить звонок металлоискателя.

«Камбала» шла все дальше и дальше в море, резала острым форштевнем волны, а длинный медный хвост тянулся за ней и обшаривал морское дно. Но звонок металлоискателя давно молчал.

За морем потухла последняя алая полоска. Как оторвавшийся лоскут, понеслась куда-то чайка с жалобно-тонким писком. Над морем всплыла луна, облила молочно-сиреневым светом медную рынду под полубаком и неподвижную фигуру дежурного водолаза Пыльнова на корме.

Вахтенный дал дудку: «Команде спать».
Все спустились в кубрик. Тихо стало на палубе. Только дежурный Пыльников сидит у рыжего ящичка.
Вдруг звонок: дзинь!

Пыльников вздрогнул и вскочил на ноги. А из камбуза сейчас же высунулся Бородулин и озабоченно сказал:

— Смотри, звонит.

Оба прислушались. Но звонок только коротенько брякнул и опять молчит.

— Наверно, задел на дне за какую-нибудь железку или старую мину,— сказал Пыльников и снова сел на бухту каната. Бородулин постоял минуту на пороге и пропал в полумраке камбуза.

Прошло часа два. Тихо. Вдруг опять звонок: дзинь! И опять Бородулин из камбуза:

— Слышишь, Пыльников, звонит!

А звонок, как и в прошлый раз, только звякнул коротко и умолк. Должно быть, опять зацепил хвост за какую-нибудь пустяковину.

Снова стало тихо. Только и слышно в тишине, как глухо тукают под палубой машины «Камбалы».

Пыльников поднялся, прошел от нечего делать к рубке и, открыв ящики подводного освещения, включил ток, проверил водолазные лампы и провода. Вернулся и сел, позевывая, на прежнее место — у металлоискателя.

Вдруг снизу, из кубрика, вышел на палубу боцман Груздев. Был он в бушлате, в болотных сапогах, будто и не ложился.

— Что бродишь, Михаил Терентьевич? — окликнул его Пыльников. — Я вот дожидаться не могу, когда меня сменят, — спать охота. А ты мог бы спать, да не ложишься.

Боцман прислонился к борту и спросил:

— Что, не звонил?

— Да нет, так, зря брякает.

— Не найдем, пожалуй, — сказал боцман и вытащил из кармана свою трубку. — Ведь «Орел» где-то у наших берегов взорвался, а мы уж чуть ли не до самой Норвегии дошли!

— Ничего не поделаешь, Михаил Терентьевич, везде надо искать. Вот прошлым летом мы на «Разведчике» всю Волкову губу обшарили — искали английский лесовоз,

а подняли его, знаешь где? У самого мыса Немецкого.

Боцман постоял у борта молча и вдруг сказал:

— Хожу я на этой «Камбале» вот уже шестой год. Подняли при мне с грунта десятков судов, не меньше. А всё-таки каждый раз, когда нашарят на дне судно, у меня покой пропадает. До самой той минуты, когда его наверх поднимают, я ни о чем другом и думать не могу. А уж нынче, когда «Орла» ищут, — мне и совсем не до сна. Ведь как-никак, своя мне эта коробка, знал я в ней каждый винтик, а теперь она на дне лежит неизвестно где. Много хорошего там народа было... Механик Зайцев, Федор Васильевич, Колесников, Григорий Ильич, штурман Никифоров, Дементий Георгиевич, фельдшер Яковенко, повар-француз Жан Блок, а по-нашему — «жареный бок»...

— Что же ты капитана не вспоминаешь? Ты, говорят, с ним в дружбе был.

— Что его вспоминать! Сам себе судьбу человек выбрал.

Боцман повернулся спиной к Пыльнову и пошел вдоль борта к полубаку.

Пыльников хотел что-то сказать ему вслед, но в это время на смену вышел новый дежурный водолаз, а из камбуза показался Бородулин.

Оба они уселись рядом на свернутой бухте троса. Звонок, как и при прежнем дежурстве, коротенько звякал, а кок вздрагивал и говорил:

— Слышишь, — звонит!

Так и просидели дежурный с Бородулиным остаток ночи.

А наутро перед водолазами открылся океан. Волны не было, но «Камбалу» слегка покачивало от глубокого океанского дыхания. Начали промерять глубину: 100 метров... 120... 130... 160...

— И до десятикилометровой дойдем, — сказал один из водолазов.

— Нет, сейчас будем поворачивать обратно, — отозвался инструктор.

— Без орла и без решки, да?

«Камбала» повернула назад не прежней дорогой, обшаренной хвостом металлоискателя. Она прошла с полкилометра влево и только тогда начала разворачиваться на обратный курс.

И вот тут-то неожиданно загремел электрический звонок. Капитан на полуобороте застопорил машину. Никто не свистел «на аврал», вся команда и без того была наверху.

Из кочегарного люка вылез в черной от угля робе «дух» — кочегар Жуков. Он сощурился от яркого солнца и сказал Бородулину:

— Давай спорить, что нынче «Орла» найдут. На двадцать пирожков.

— Ладно, — согласился Бородулин, — если найдут, я и сорок испеку!

Стали на плавучий якорь. Чугунный якорь «Камбалы» здесь не годился, — не хватило бы до дна цепи.

— Водолаз Яцько, одеться в панцирный! — распорядился инструктор.

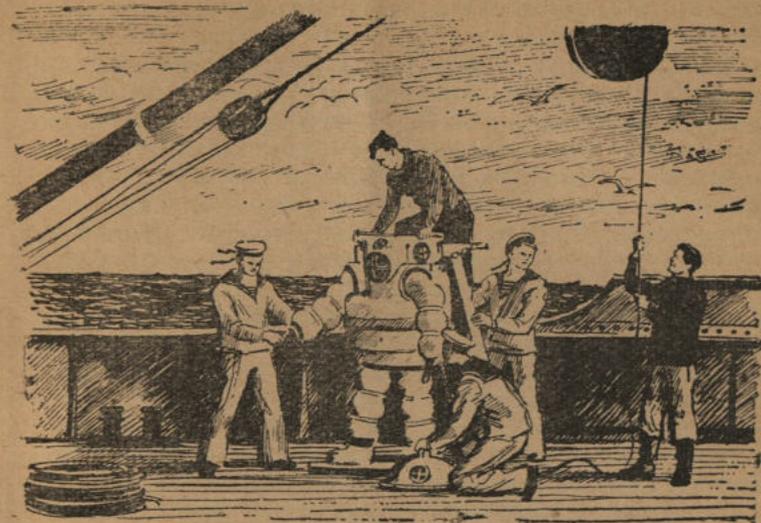
— Есть! — ответил Яцько и подошел к панцирному костюму.

Глубоководный костюм стоял около трапа капитанского мостика, накрытый брезентовым чехлом. Когда чехол сняли, то открыли огромного, закованного в латы рыцаря, который расставил руки с железными клещами вместо пальцев. Стальной великан стоял на железной подставке, похожей на прибор для измерения роста призывников в армию и флот. Две короткие цепи держали его за плечи, а туловище обхватывал толстый кожаный ремень, чтобы великан не упал во время шторма. Панцирь из белой стали был точно фарфоровый, — казалось, стукни разок, и он расколется, как чашка, а на самом деле сталь была прочная.

Металл панциря тускло и холодно отражал лучи солнца, висевшего над океаном.

Водолазы загремели ключами, отвинтили гайки и сняли крышку с панцирного водолаза, будто срезали скальп с его головы. Яцько приставил лесенку к костюму, полез наверх и провалился в люк — отверстие в голове костюма.

Забравшись внутрь, он прежде всего проверил, исправны ли рычаги танка, в порядке ли обогревательный

патрон, глубомер, телефон и баллоны с кислородом, нет ли на них масла или каких кислот, иначе под водой стальной костюм взорвется, как мина.

Всё было в порядке.

Яцько надел телефонные наушники и крикнул в открытый люк:

— Готово!

— Водолаз в исправности, — сказал инструктор. — Задраивай люк!

Яцько накрыли крышкой. Гремели ключи, и звук этот резко отдался в ушах водолаза. Яцько закупорили. Он стоял внутри стального костюма, а костюм по-прежнему держали цепи и широкий кожаный ремень.

— Закрепить на водолазе электрический кабель! — распорядился инструктор.

Ввинтили в крышку кабель. Затем подвели стрелу с толстым крюком на тросе и подхватили Яцько за стальное ушко на крышке его шлема.

Теперь водолаза взяла лебедка. Держать его больше не надо было. Ремень отстегнули, а цепи упали сами.

Лебедка подняла Яцько с подставки, плавно повер-

нула его и понесла над палубой — мимо камбуза, мимо штурманской рубки к борту.

Водолаз весил теперь около 500 килограммов. Он взглянул в передний иллюминатор. На корме он увидел инструктора и Пыльнова. Яцько повернул голову и взглянул в задний иллюминатор. У камбуза стояли Бородулин и боцман с фуражкой в руке. Тут в первый раз Яцько заметил на голове боцмана лысину величиной с блюдечко для варенья. Раньше он ее не видел. «Вот что значит смотреть сверху», — подумал Яцько и пощелкал боцману в знак приветствия железными пальцами-клещами.

А стрела уже прошла над палубой, вынесла Яцько за борт и опустила на воду. Водолаз погрузился по пояс и закачался, как поплавок. В поясном танке был воздух, он-то и не давал водолазу утонуть.

Уверенной рукой повернул Яцько рычаг, впустил в танк воду, вытеснил воздух и пошел ко дну. Под водой он сразу стал легче килограммов на четыреста.

В прозрачной океанской воде далеко вокруг паслись стада рыб и медуз. Но скоро вода сделалась неясной, темной, будто за стеклами надвигался вечер. А еще немного спустя наступила совсем темная, как чернила, ночь. Тут водолаз почувствовал, что он больше не опускается, а стоит на твердом. Он не видел ни дна, ни своих рук, ни ног. Глухо и темно.

— Я на грунте. Опускайте лампу, — сказал он наверх по телефону.

— Есть! Опускаем, — ответил ему всегда ровный голос инструктора.

Яцько стал ждать. Ему хотелось проверить, правильно ли показывал лот «Камбалы» глубину. Прибор глубомер был у него под рукой. Тут же находился и карманный фонарик с батарейкой. Яцько достал фонарик и осветил глубомер. Вдруг что-то стукнуло о стальной панцирь, а что стукнуло, — не было видно. Фонариком изнутри костюма нельзя было прорезать густую темноту, которая стояла вокруг.

Наверно, это была глубинная рыба, — только эти слепые, невидимые во тьме рыбы могут выдержать давление массы воды.

Яцько погасил фонарик и стал ждать. Через минуту он увидел блуждающий зеленый огонек, будто другой

водолаз водил где-то поблизости фонариком. Яцько прикинул к стеклу и стал следить за огоньком. Огонек удалялся, делался всё слабее и, наконец, исчез, будто погас. Опять стало темно, а потом перед иллюминатором неожиданно появился светящийся живот рыбы. На животе сверкали четыре зеленые и красноватые полосы. Пока Яцько наблюдал за этой удивительной рыбой, что-то царапнуло по крышке его костюма, и вода вокруг него осветилась ярко-красным светом. Это опустился на грунт тяжелый глубинный фонарь с толстыми стеклами.

— Получил освещение? — спросили сверху.

— Есть! — ответил Яцько и протянул руку с клещами к фонарю.

В это время стекло иллюминатора загородила широкая рыба пасть. В ней можно было даже все зубы пересчитать. Водолаз согнул руку, поднял пальцы-клещи и уцепился зубастую незнакомку. Рыба рванулась, хлестнула, как бичом, узким длинным телом и ушла в глубинный мрак. А Яцько зажал клещами трос фонаря и неуклюже, не сгибая колен, пошел по грунту. С каждым шагом он вырезывал во тьме яркую площадь света. В этом красном свете часто мелькали рыбы с широкими раскрытыми ртами. Пасти были чуть ли не больше самих рыб. В темноте добыча попадала в рыбий рот, как в волчью яму. У некоторых из этих подводных жителей был даже специальный мешок под глоткой. «Должно быть, для того, чтобы держать запасы на черный день», — подумал Яцько. На встречу ему шла рыба-стебелек. Глаза у нее были точно на веревочках. Она забрасывала их, куда хотела, как удочки. За рыбой-стебельком двигалась совсем малокровная рыбка, до того прозрачная, что сквозь кожу ее просвечивал скелетик и даже виден был проглоченный червячок, который двигался по тонкому красненькому пищеводу внутри рыбки.

И вдруг красный свет фонаря осветил перед Яцько кучи изуродованного железа. Водолаз остановился. Он увидел большое искаленное судно, лежавшее вверх килем. Борта его были в пробоинах и таких огромных зазубринах, что невозможно было к ним и подойти. Всё торчало дыбом. Кругом на грунте валялось много разорванных и целых пушечных снарядов. Яцько приподнял фонарь, оглядел корпус взорванного судна и подумал:

«Большое... широкобортное... форштень, как у „Орла“...»

— Нашел! — крикнул он в телефонный кружок.

— «Орла»? — спросил инструктор.

— Как будто «Орла», — сказал Яцько, — да только он так изуродован минами, что и не подступиться.

— Не может быть, — усомнился инструктор, — на этой глубине мин не ставят.

— Ну, значит, он от снарядов или от блуждающих мин погиб, — сказал Яцько, — тут видимо-невидимо снарядов раскидано.

— Ладно, — отозвался инструктор, — осматривай, да осторожнее.

— Есть!

Медленно переступая стальными, несгибающимися ногами, двинулся водолаз вдоль борта. Он шагал через снаряды, обходил стороной острые обломки железа.

А в это время наверху, на «Камбале», все столпились па корме и ждали вестей со дна океана.

Но самая неожиданная весть пришла не со дна, а из камбуза.

Хитро посмеиваясь, оттуда вышел кок Бородулин с бачком в руке и подошел прямо к инструктору.

— Яцько не «Орла» нашел, товарищ инструктор, — сказал Бородулин.

— Ты почему знаешь? — удивился инструктор, обернувшись к нему.

— Да потому и знаю, что «Орла» нашел я сам!

Бородулин приподнял бачок и поднес его чуть ли не к самому носу инструктора. Бачок, надраенный мочалкой, блестел на солнце, как золотой, а на боку у него виднелась четко выбитая крупными буквами надпись:

И/Х ОРЕЛ

— «Орел», — прочитал громко инструктор.

Бородулина сразу обступили водолазы. Бачок пошел по рукам.

— Выходит, что я проиграл, — сказал кочегар Жуков, щелкая по дну бачка черными пальцами. — В первый раз в жизни проиграл.

— Да, бачок с «Орла», — сказал инструктор. — Значит, искать «Орла» надо у наших берегов, там, где нашелся бачок.

— Поднимать водолаза! — крикнул он Пыльнову, а сам пошел докладывать о находке капитану.

Когда Яцько вылез, наконец, из своего костюма на палубу «Камбалы», ему первым делом показали бачок. Он прочел надпись, свистнул и спросил:

— А что же тогда я нашел?

— «Маргариту», — сказал инструктор.

— Не «Маргариту», а «Марго», — поправил его капитан. — Ее в девятнадцатом году англичане нагрозили снарядами и взорвали далеко в море, чтобы не оставлять большевикам боеприпасов. Я про нее давно слышал, да только не знал места, где она лежит. А вот теперь знаю.

— Да, не велика радость, — сказал Яцько, — она, товарищ капитан, никуда уж не годится, эта «Марго». От нее одни корочки остались.

III

«Камбала» возвращалась полным ходом к тому месту, где в высоких водорослях лежал старый буксир, найденный Пыльновым.

Здесь капитан приказал дать тихий ход и сбросить за корму хвост металлоискателя. Хвост опять потащился по грунту, и скоро на всю палубу прозвучал долгий, резкий звонок.

«Камбала» остановилась.

На этот раз под воду спустились и Пыльнов и Яцько. Навстречу им попались старые знакомые Пыльнова — полосатая щука, морской кот, который шлепал себя по глазам покрывками, и морской петух с лазоревыми плавниками.

Водолазы прошли мимо буксира, пробрались через целую рощу водорослей и, наконец, увидели вдалеке неясные очертания большого судна.

Пыльнов шлепнул товарища рукавицей по плечу и быстро зашагал по дну. Он был опытнее, чем Яцько, и двигался под водой свободнее.

Вот и судно. Оно стояло среди водорослей, высокое, обомшелое, с крутым креном на правый борт. И мачты, и трубы, и раструбы, и все палубные надстройки были целы.

Пыльнов набрал в костюм воздуха, всплыл повыше, перебирая руками по борту, и уцепился за клюз.

Держась за него одной рукой, Пыльнов счистил с борта морских звезд, ракушек и зелень. Открылись две большие медные буквы:

ОР

— Орел! — крикнул водолаз, повернув лицо к черному телефонному кружку в шлеме.

— Поздравляем, Гриша, с находкой, — ответили сверху.

Пыльнов, а за ним Яцько вскарабкались на борт «Орла» и осторожно, чтобы не сорваться, пошли по накренной палубе среди мохнатых от морской зелени раструбов и шлюпбалок. Они потребовали сверху лампы и спустились в машинный люк по ступенькам крутой и ржавой лестницы. Машины были совсем целы и даже не покрылись зеленцой, потому что их кто-то заботливо смазал слоем масла.

В кочегарке тоже было всё в порядке, котлы не заржавели, их топки были очищены от шлака.

— Ишь ведь какая исправная команда служила на «Орле», — сказал Яцько Пыльнову, прислонившись к нему, шлем в шлем. — Хоть поднимай судно да сразу на нем и плавай. Может, здесь и вещи все в таком же порядке окажутся. Пойдем, что ли, поищем боцманский сундук.

— Пойдем.

И они двинулись вдоль перекосившегося узкого коридора, мимо рундуков, мимо кипятильника, в самый конец отсека.

— Вот она — третья дверь по правому борту... Так, кажется, говорил боцман? Дверь полуоткрыта. Пыльнов попытался открыть ее пошире. Она долго не поддавалась: так набухло от воды дерево. Наконец водолазы проникли внутрь каюты. Подняли лампы. Трудно было поверить, что когда-то здесь помещался человек. Накипь ржавчины

на голой железной койке и на стенах. Зеленые волокна водорослей на иллюминаторе, в углах, на потолке.

Стараясь не мутить застоявшуюся в каюте воду, водолазы осмотрели все углы, заглянули под койку, под стол, — нигде сундука не оказалось.

Пыльнов подобрал свой шланг и, махнув рукой товарищу, вышел из каюты, за ним вышел и Яцько.

Теперь они направились к люку, который бледно светился наверху, шагах в десяти от них. Это был выход на верхнюю палубу.

После тесноты, плесени и мути нижних отсеков палуба казалась светлой, хотя солнечные лучи проникали сюда сквозь тридцатиметровую толщу воды. Здесь даже лампы подводного освещения не требовались, и без них было всё отчетливо видно.

Водолазы поднялись по трапу на капитанский мостик и попытались было открыть дубовую, покрытую комковатой зеленью дверь капитанской рубки. Но она была, видно, заперта изнутри. Перед дверью Яцько подобрал заржавевший, весь покрытый коричневой плесенью маузер. Он потер рукой длинный граненый ствол, отвел патронник, потом ударил о дверь рукояткой, чтобы открыть обойму.

— Офицера белогвардейца, должно быть, — сказал Яцько, пересчитывая патроны. — Две штуки еще в обойме сидят, а полагается восемь. На что же это его благородие остальные потратил, хотел бы я знать...

— Что ты там бормочешь? Говори ясней! — сказал с «Камбалы» инструктор в самое ухо Яцько.

Водолаз даже вздрогнул. Он совсем забыл, что у него в шлеме телефон.

— Да так, ничего... поднимай наверх. Всё осмотрено.

Пыльнов остался на палубе один. Он посмотрел вверх на исчезающие, словно в тумане, ноги Яцько, спустился с мостика и пошел на камбуз.

Там уцелели только плита да котел, из которого торчала длинная ручка чумички. Весь пол был усыпан черепками. Среди них валялись кастрюли, ложки, мясорубка.

Пыльнов пошарил среди всего этого хлама и поднял бачок, совсем такой же, какой недавно подобрал возле буксира.

— Надо и этот Бородулину отдать. Пускай у него их пара будет.

С бачком в руках Пыльнов поднялся на борт «Камбалы».

Начались работы по подъему «Орла». Водолазы промывали под днищем судна тоннели и протаскивали сквозь них стальные полотенца.

Эти полотенца были такие гибкие, словно их выкроили из холста. А на самом деле каждое из них было сделано из прочнейшей стали и весило пудов пятьдесят.

Пока велись подготовительные работы по подъему судна, несколько водолазов занимались разгрузкой трюмов. Они стропили и отправляли наверх бочки, ящики, кули.

Подняли десятка два мешков с мукой. Мука была такая, что хоть сейчас пеки из нее пироги. Внутри каждого мешка оказался будто другой мешок из теста толщиной сантиметров в пять; на солнце это тесто быстро затвердело, и муку легко пересыпали из этого двойного мешка в мучной ларь на «Камбале».

Бородулин целый день сортировал консервы, выбрасывая вон вздувшиеся банки, пробовал на вкус масло, сохранившееся под водой, как в погребе, сушил мыло, которое пролежало в воде пятнадцать лет и не растворилось: в соленой воде мыло не мылится.

И всякий раз, когда водолазы после разгрузки поднимались на палубу, Бородулин спрашивал, посмеиваясь:

— Ну что, братцы, сундук с музыкой не нашли? И флакончика египетского тоже нет? И книги нет? Ну, так я и знал. А еще водолазы называются — искатели жемчуга!

— Подожди, Бородулин, — говорил ему Пыльнов, — всё разыщем. — И в самом деле разыскали. Сначала книгу, а потом и сундук.

Однажды вечером в камбуз вошел Пыльнов и протянул обеими руками коку что-то похожее на разваренный кочан капусты.

Это была знаменитая рукописная книга повара Жана-Анри Блока. Море размыло ее и слизало чернила. И только в самой середине книги уцелела одна короткая запись:

«Взять пятнадцать листиков желатина, стакан портвейна и один фунт миндаля...»

— Ну, ничего, — сказал обрадованный Бородулин, осторожно принимая рассыпающийся подарок. — Тут, конечно, немного сказано, но дальше я и сам придумаю. Чем тебя отблагодарить?

— Ладно, сварись по этой книге парадный обед, — засмеялся Пыльнов и вышел.

На другой день в трюме «Орла» снова работал Пыльнов. То и дело подавал он наверх сигналы:

— Подымай!

Боцман Груздев стоял у лебедки и распоряжался подъемом.

— Вира помалу!

На палубу тяжело опускались заплесневелые бочонки и мокрые тюки.

И вдруг над бортом заплясал на стропе небольшой ящик, коричневый, с железными углами.

— Не твой ли сундучок, Михаил Терентьевич? — спросил кочегар Жуков. — Поспорим, что он.

— Нет, — сказал боцман, вскинув голову.

Тут ящик опустился на палубу, и с него сняли строп.

Боцман наклонился к нему, повернул его с боку на бок и вдруг сказал, разводя руками:

— А ведь правда, мой. Зря отказался. Только разве он такой был? Обработало его море, — и не узнать даже.

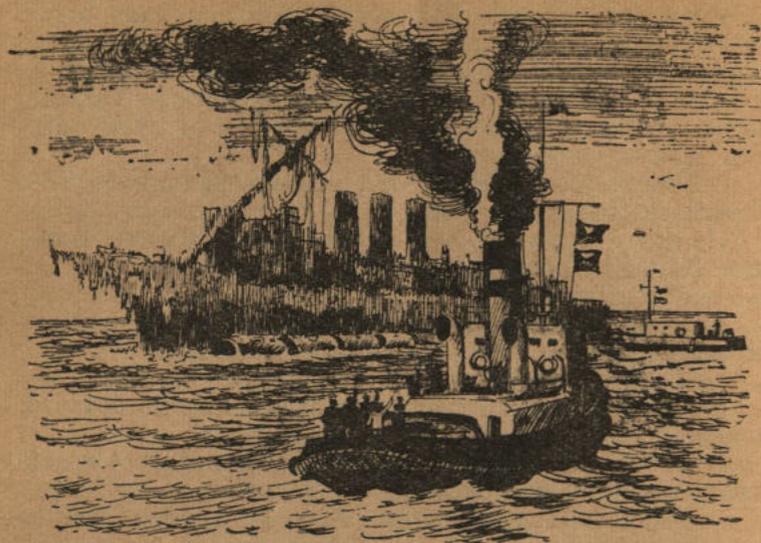
Открыть сундук было нелегко. Проржавели петли, уголки. Музыка тоже заржавела. От зеркальной полировки не осталось и следа.

Как только сундук почувствовал давно забытое солнце, он словно поморщился — все древесные прожилки пошли волнами.

Кочегар Жуков, любитель всякой замысловатой механики, долго разглядывал сундук боцмана.

— Давай, Михаил Терентьевич, я его тебе отремонтирую, — вызвался он, — может, и музыка в нем опять работает.

— Что ж, попробуй, — согласился боцман. — Только не верится мне что-то, чтобы он опять заиграл. Да и пропади она, эта музыка. Мне бы «Орла» посмотреть... Скорей бы уж его подымали.

— Подымут,— сказал Жуков.— А я тебе как раз к подъему и музыку налажу.

Настал день подъема «Орла». Вся команда столпилась у бортов и ждала той минуты, когда море взбурлит пенными шапками и вслед затем выскочит из воды дюжина наполненных воздухом понтонов, похожих с виду на длинные стальные бочки. А между ними, подхваченный стальными полотенцами, всплывет «Орел».

Неожиданно на палубе заиграла негромкая музыка. Было похоже на то, что кто-то выстукивает молоточком по стеклышкам сигнал «побудку». Это играл отполированный, блестящий и гладкий, как зеркало, сундучок боцмана. Все захлопали в ладоши.

И в эту же минуту показался «Орел», весь обросший звездами, голотуриями и морской капустой — не то пароход, не то подводный цветник.

— Ура-а! — закричали на палубе. И все разом, точно по команде, оглянулись на боцмана.

А боцман стоял у лебедки в своей парусиновой робе, в больших брезентовых рукавицах и высоких болотных сапогах. Он один не кричал «ура», а молча, сняв шапку, пристально смотрел на трубы, мостик и мачты всплывающего судна. Он встречал не транспорт «Орел», а плавучую могилу, поднятую с морского дна.

— Шлюпки на воду! — скомандовал капитан.

Через несколько минут боцман, инструктор и Пыльнов были уже на «Орле».

Шлепая по лужам и наступая на хрустящие ракушки, ходил боцман по палубе, пока помпы отсасывали воду из нижних отсеков.

Он поднялся вместе с инструктором на капитанский мостик, постоял перед дубовой дверью, а потом, взяв в руки лом, принялся вскрывать дверь. Она треснула и отошла от косяка.

Инструктор и боцман вошли в капитанскую рубку.

Добрых полчаса они не выходили оттуда, а когда вышли, боцман торопливо набивал свою трубку, и табак сыпался у него из-под дрожащих пальцев на палубу. Инструктор держал под мышкой плоский пакет, завернутый в восковую бумагу. Оба они шагнули через борт и спустились по штурм-трапу в шлюпку.

Вскоре дежурный просвистел большой сбор, и команда «Камбалы» собралась в кают-компанию. Боцман Груздев, взволнованный и суровый, раскрыл вахтенный журнал с последними записями капитана Лаце.

Журнал был самый обыкновенный — такой, как и полагается быть судовому журналу.

Последняя запись в нем — совсем коротенькая, в две строки:

23 часа 0 минут. Ветер 7 баллов. Выхожу из порта. Курс NW. Ход 8 узлов.

Вот и всё.

А почти в самом конце этой толстой, переплетенной в коричневый картон тетради, между чистыми страницами, оказалось несколько вырванных из записной книжки листов, исписанных торопливым, неровным почерком:

«В 23 часа 0 минут вооруженный отряд белых под командой полковника фон Витта захватил судно. 6 человек из команды расстреляны: машинист Бурцев, сигнальщик Васин, матросы — Кожевников, Бондаренко, Цвет-

коз, Веревкин. На корме, на полубаке, в жилых кубриках и ко всем шлюпкам приставлены часовые. Ко мне приставлен офицер, адъютант фон Витта. Как только мы снялись, моего конвойного укачало. Он лежит на диване, точно мертвый.

По приказанию полковника фон Витта веду судно с погашенными огнями.

23 часа 40 минут. Я помог моему офицеру перебраться на палубу и уложил его на банку, поручив присмотр за ним фельдшеру Яковенко. После этого немедленно вызвал к себе механика Зайцева и матроса Колесникова. Заявил, что лично для себя считаю невозможным служить врагам Родины, способствуя уводу «Орла». Изложил план консервации судна и просил выяснить, согласна ли на это команда.

24 часа 10 минут. Согласие команды получено. Я в нем не сомневался. Отдаю распоряжение — смазать в три слоя машины, главные и вспомогательные, на долголетнюю консервацию и приготовить котлы к выпуску пара и выгребанию топок.

01 ч. 0 м. Доложено об исполнении.

01 ч. 10 м. Отдано последнее распоряжение Зайцеву и Колобову: стопорить машины, открыть к потоплению кингстоны машинного отсека по правому борту, кингстон среднего грузового трюма и коробки забортных труб.

01 ч. 30 м. Вода поступила на плиты машинного и котельного отделений.

02 ч. 10 м. «Орел» кренится на правый борт. Плавать — ноль. Вода поступила на верхнюю палубу. В дверь стучат. На требование открыть — ответил отказом. Заявил, что считаю себя капитаном Советского Флота и не позволю увести судно за границу.

Команда и я надеемся, что «Орел» еще послужит Родине.

Капитан *Август Лаце*.

КОГДА ВСПЫХНУЛ СВЕТ

Широко и многоводно это старинное русское озеро. Древняя могучая река несет туда свои быстрые воды.

Седые волны точат дикие прибрежные валуны на южной стороне озера, а на другом берегу катятся по длинной отмели песчаного мыса. Расстояние между берегами здесь двадцать четыре километра.

Беспокойно и обманчиво озеро с его непогодами и туманами. Ровная поверхность его вдруг приходит в движение, и тогда жестокая качка ставит в тупик даже опытных морских капитанов.

Волны тут не ходят могучими размеренными валами, когда можно смело поставить судно наперерез волне. Корабль попадает в «болтанку»: его то неожиданно подшибает, то начинает бросать во все стороны.

Страшней всего озеро осенью, перед ледоставом. Его буйные штормы смывают ряжи и разбивают причалы. А рыбацкие лодки швыряет, опрокидывает и уносит за десятки километров.

Бури обрушиваются на корабли, и капитанам нужны

большие знания и мужество, чтобы провести судно по этому коварному озеру-море. Недаром еще Петр Первый приказал рыть длинный узкий канал, чтобы в бурное время вести корабли с грузом для своей новой столицы в обход озера.

У озерных капитанов и матросов свои, отличные от других моряков, повадки. Да и озерные суда не похожи на морские: у них другие размеры и другая осадка.

В годы Великой Отечественной войны, когда это озеро было единственным путем из осажденного города, прославились своими подвигами тендера — суденышки легкие и, как чемодан, плоские, с небольшим козырьком на носу. Знаменитыми стали и озерные тральщики, которые бесстрашно и неутомимо под бомбежкой и обстрелом тянули через озеро тяжело груженные самоходные труженицы-баржи.

Вот на таких-то трех судах — тендере, тральщике и барже — наш водолазный отряд в конце октября по приказу штаба фронта вышел на выполнение срочного задания.

Большой город второй год находился в осаде и не имел электрического света.

До войны ток городу бежал по проводам от гидростанции. Теперь эта электропередача находилась у врага. Дать свет осажденному городу можно было, только проложив с одного берега на другой по дну озера электрический кабель.

Работу эту надо было делать ночью. Днем враги зорко следили за озером и сразу бы обрушились огнем на работающих.

В темные октябрьские ночи проложили мы по дну четыре свинцовые нитки кабеля, длиной девяносто шесть километров, и в ночь на первое ноября вышли укладывать пятую, последнюю, нитку.

На северном берегу у песчаного мыса нас ждал во тьме инженер-лейтенант Соколов с монтажниками, чтобы принять наш кабель и присоединить его к кабелю электрической станции.

Уже несколько дней было неспокойно озеро, но в эту ночь грянул такой шторм, какие бывают только поздней осенью. Тральщик, ныряя в глубокие водные провалы, едва тянул нашу тяжелую железную баржу. В ее трюме

лежал толстый, как удав, электрический кабель, свернутый большими восьмерками.

Он тянулся по деревянной дорожке к кормовому отверстию баржи, куда всё настойчивее вривалась вода и, с шумом раскатываясь по палубе, обливала нам ноги.

Шторм свирепел с каждым часом. Сердитая волна мотала нас во все стороны, сшибала с ног и вырывала из рук тяжелый электрический кабель, в каждом метре которого шестнадцать килограммов веса. По техническим правилам, нельзя укладывать кабель даже при легком волнении воды: может быть излом, и в тело его проникнет сырость.

Но мы всё-таки тянули кабель из восьмерки и бережно, как ребенка, держали его на руках, не допуская излома.

Труднее всего было переносить концы кабеля на прыгающий, как мяч, плоскодонный тендер и здесь надевать на них чугунную соединительную муфту. Она предохраняла кабель от ржавчины, сырости и ударов.

Палуба уходила у нас из-под ног, и мы падали друг на друга, но кабеля из рук не выпускали.

Было совсем темно. Наш водолазный старшина Подшивалов на сотую долю секунды высекал карманным фонариком синий снопок света, освещая то кусок кабеля, то пластырь, большой и выпуклый, как подушка, и обтянутый на деревянных рамах корабельным брезентом. Пластырь был приготовлен на случай аварии, для заделки пробоины.

Ветер бросал нам в лицо колючую ледяную кашу. Это было «сало» — предвестник зимнего льда.

В середине ночи шторм достиг восьми баллов. Пришвартованный к борту баржи легкий тендер с водолажным снаряжением на палубе сорвало со швартовых и кинуло в темноту. Его маломощная машина захлебнулась под ветром, и суденышко, как кусок древесной коры, понесло к берегу, где сидели фашисты.

Командир тендера старшина Подшивалов распорядился привязать к тросам и сбросить с палубы в волны свинцовые водолазные груза. Но этого оказалось мало. Северо-западный ветер настойчиво гнал тендер к вражескому берегу. Тогда связали два чугунных маховика от водолазной помпы и тоже сбросили на грунт. Груза и ма-

ховики ползли по грунту, а старшина Подшивалов следил, чтобы не поставил тендер боком к волне, иначе бы его опрокинуло.

Только перед самым рассветом шторм утих. . . Мы быстро подняли из воды груза, машина заработала, и тендер собственным ходом пошел обратно.

Измученный штормом, я уснул, сидя на холодном медном кнехте тендера, и увидел во сне ярко освещенный большими люстрами нарядный белый зал.

Оркестр играл торжественную симфонию. Тонкие стрекоты голоса скрипок носились в куполе зала, под плафонами, тихонько перебирая в люстрах тысячи хрустальных сияющих подвесок, и потом зарывались в густые, как мох, бархатные звуки органа. . .

Я хотел аплодировать музыкантам, как вдруг на плечо мне легла тяжелая рука, и старшина Подшивалов сказал:

— Вставай!

Я вздрогнул и открыл глаза.

Вокруг лежала темно-фиолетовая промозглая предрастветная мгла.

Где-то рядом надсадно шипела паровая труба, и в борт били беспокойные волны.

Мы подходили к барже.

Шторм утих, но уже наступило утро. Большая часть ночи у нас была потеряна, и теперь приходилось тянуть кабель при дневном свете на виду у противника.

Когда двадцать пятая по счету муфта повисла у тендера на тросах, мы услышали далекий гул авиационных моторов. В полутьме обозначились на воде силуэты судов озерного каравана, везущего груз городу.

Над караваном возникло облачко, похожее на кусок ваты, и медленно прокатился глухой звук, похожий на подводный удар палкой о чугун.

— Бьют по каравану, — сказал кто-то из команды. Все стали искать в небе вражеские самолеты.

— Трави муфту! — приказал Подшивалов.

Муфта, покачиваясь на тросах, начала уходить в воду. Не успела вода сомкнуться над ее чугунным телом, как раздался протяжный вой и за ним тяжелый удар.

Тендер, как маленькую ракушку, подкинуло на волне. На палубе покачнулась наша водолазная помпа и чуть не опрокинулась на свой чугунный маховик. Дядя Миша сразу схватил кувалду и забил в палубу железную скобу к оттяжке помпы, чтобы закрепить ее на старом месте. В это время с баржи ударил счетверенный зенитный пулемет.

На тральщик и баржу налетели вражеский бомбардировщик и три истребителя. Один из них пулеметной очередью полоснул по шлюпке на корме тендера. В воздух полетели отбитые щепки. В тот же миг я услышал звенящий звук оборванной струны и увидел, как угриными кольцами взвился вверх перебитый трос. А внизу на воде завертелась темная воронка, окруженная шипящими пузырьками. Это с перебитого троса загремела на грунт чугунная муфта.

Еще удар — и высоко над палубой тральщика взлетели обломки шлюпок, а возле борта встал и рассыпался высокий столб воды.

Тральщик накренился. . . Бомба пробилла ему борт и разорвала междудонные переборки. В трюм хлынула вода. Матросы бросились к помпам.

Но помпы не успевали откачивать воду. Корабль тонул, увлекая за собой тяжелую, груженную кабелем железную баржу. Вся надежда была теперь на водолазов.

Пластырь, заведенный с палубы тральщика, не ложился плотно к пробойне. Мешали большие стальные заусеницы, торчавшие на ее рваных, зазубренных краях.

— Срочно к пробойне! — приказал мне Подшивалов.

— Есть! — ответил я и сорвал с рубки тендера водолазную рубаху.

Я сел на кнехт и сунул ноги в резиновый воротник костюма. В нашей одежде полезай через ворот, — других ходов нет.

Костюм был новенький, воротник у него толстый и узкий, как горло у кувшина. Несмотря на холод, я даже вспотел, пока растянул резину воротника и просунул в него ноги. Руки были еще слабыми после блокадной зимы.

Подшивалов, дядя Миша и два матроса по команде «дружно» потащили во все стороны воротник, а я присел вниз. . .

Визг падающей бомбы ворвался ко мне через растянутый ворот. Тендер снова подбросило, я чуть не упал, но меня удержали свинцовые подметки калош.

Палуба вздрагивала под ногами. Я прошел к корме и заметил у ног кувалду. Она выстукивала о палубу дробь деревянной ручкой.

Подшивалов навесил мне спереди и сзади свинцовые груза и затянул их внизу подхвостником, чтобы плотнее легли. Я колыхнул широкими, как коромысло, плечами костюма и загрохотал вниз по ступенькам трапа.

В воде сквозь стекло я увидел большого оглушенного сазана, который бился возле железной ступеньки, роняя со спины серебряные монетки своей крупной чешуи. Но не до рыбы тут было.

Я двинулся к пробоине. Вдруг будто молотом что-то ударило меня по шлему, и я провалился в желтый, горячий туман...

Очнулся я на грунте.

Белыми хлопьями, точно снег, падала на дно глухая рыба.

У меня сильно билось сердце и не хватало воздуха. В шлеме стояла тишина: был поврежден шланг. Хватая ртом воздух, я уже стал терять сознание, как вдруг почувствовал, что меня поднимают вверх.

Снова пришел в себя я на трапе. По загорелым огромным рукам, которые заботливо поддерживали мне голову, я узнал старшину Подшивалова. Меня быстро раздели, отвинтили шлем.

Я обернулся и увидел старшину уже за бортом. Он спускался в кипящую пену возле пробоины, огромный, в светло-зеленом тифтике, с кувалдой в руке. Его шлем мерцал под водой, рассыпая пузыри.

Ледяная вода бурлила и гудела, кружась огромной темной воронкой у пробитого борта.

Две бомбы вдали, одна за другой, упали в озеро, и взрывная волна толкнула Подшивалова в темный провал. Но он удержался у борта и начал бить кувалдой по стальным заусеницам так, что палуба у нас гудела и вздрагивала под ногами.

Но и такому богатырю нелегко было отогнуть толстую

сталь. Тяжело работать на весу, размахнуться у борта негде; одно неверное движение — и полетишь на дно.

Стальные края пробоины, когда корабль лежит спокойно на грунте, легко обрезать автогенем. Но какой может быть сейчас автоген, когда даже баллон с кислородом было опасно вынести на палубу: он тотчас взорвется. Да и автогенная горелка при таких толчках у борта ударит водолаза обратным огнем.

Бомбы падали уже далеко, но толчки от них в воде были еще очень сильны. Подшивалова бросало грудью прямо на стальное острие заусениц, и мы видели, как вместе со взмахами кувалды поднимается кверху какой-то буро-ржавый туман.

— Выходи! — не выдержав, закричал дядя Миша.

Подшивалов не отвечал и продолжал отгибать железо. Из его костюма били фонтаном бело-фиолетовые пузыри. Это сквозь дыры, пробитые в костюме, выходил воздух, вырывался так густо, что Подшивалов уже не нажимал на золотник, а мы качали изо всех сил помпу. Но вода всё больше обжимала водолаза, и он тяжелел.

— Выходи наверх! — снова закричал дядя Миша в телефонную трубку.

Подшивалов уже выпустил кувалду из рук и, подтянув к себе пластырь, налег на него всей грудью.

Мы схватились за подкильные концы и прижали пластырь к пробоине.

Корабль быстро пошел на откачку. Помпы вскоре захрапели, осушая трюм. Корабль выровнялся. Пластырь плотно лег к пробоине, будто его заложили в сухом доке.

Мы уперлись ногами в борт и вытянули на сигнале отяжелевшего Подшивалова.

Он упал, как глыба, на палубу. Сняли с него шлем и груза, а костюм от манишки донизу расхватили ножом. Из костюма сразу хлынула побуревшая от крови мутная вода. Шерстяное белье на Подшивалове сбилось в комки, а ватник был в нескольких местах прорезан насквозь. Глаза старшины были закрыты.

— Максим, очнись! — тормозил его дядя Миша, но Подшивалов лежал неподвижно.

Врач Цветков подбежал с грудой перевязочного материала, схватил водолаза за руку. Быстро пощупав

пульс и сделав удивленные глаза, он что-то сказал полатыни.

Мы очень испугались.

— Умер? — прошептал Никитушкин.

А Подшивалов вдруг открыл глаза и спросил:

— Плотно лег пластырь?

Мы даже вздрогнули.

— Железное здоровье! — сказал Цветков, делая перевязку.

Но Подшивалов поднялся на палубе и закричал:

— Чего стоите? Ждете, когда залепят в баржу прямое попадание? Травите кабель!

Уже темной ночью, сгибаясь в три погибели, вынесли мы конец последней подводной нитки кабеля на северный берег и подали инженеру Соколову с монтажниками для присоединения к электрической станции.

Промерзшая, как сосулька, баржа из-за малой глубины сама к берегу близко подойти не могла и только потравливала нам кабель.

Мы шли пятьсот метров по ледяной воде, — так далеко тянулась песчаная отмель. Шли в водолазных рубашках без шлемов; волна сшибала нас, обдавала с головой, но мы поднимались и снова шли.

Подхваченные гулкой пеной прибоя, мы падали на береговую отмель. Совершенно мокрые, осыпанные с головы до ног крупным песком, мы выбрались, наконец, на этот желанный берег. Монтажники в темноте приняли с наших плеч кабель и радостно пожали нам руки.

Подшивалова в ту ночь с нами не было: его увезли на катере в госпиталь.

А седьмого ноября, в день праздника Великой Октябрьской революции мы пошли в госпиталь навестить нашего старшину. В этот день в осажденном городе должен был зажечься свет.

Мы шли и представляли себе, как загорятся лампочки в наших оставленных квартирах.

Темное с занавешенными окнами здание госпиталя выросло перед нами.

Медицинская сестра провела нас в палату к забинтованному, как мумия, больному. За бинтами мы никак

не могли угадать Подшивалова и видели только нос, который торчал из марли. На забинтованной голове большого темнела дужка радионаушников. Подшивалов слушал музыку.

Был уже вечер.

В полуразбитых стеклах керосиновых ламп качалось неяркое желтое пламя, то освещая нос Подшивалова, то уводя его во тьму вместе с бинтами.

И вдруг под потолком сразу засияли три больших матовых шара. Огромная палата наполнилась мягким и ярким электрическим светом, таким ярким, что стал виден каждый отдельный уголок, каждая царапинка на полу, все складки на одеялах, все морщинки на лицах больных.

Глаза больных засияли, точно это у них внутри зажегся свет. Сквозь раскрытые двери стало видно, как залило светом темные коридоры. Осветилась даже бочка с песком, стоявшая в темном углу.

Радостный вздох пронесся по всему госпиталю.

— Свет включили!

И не только по госпиталю. По всему городу — по закопченным квартирам, где не повреждена была вражеской бомбежкой электросеть, по цехам оставшихся в осаде заводов — понесся ослепительный световой поток.

Изумленный горожанин радостно, словно впервые, разглядывал при ярком свете свою комнату и улыбался, никак не догадываясь, что возвращение света — дело рук водолазов.

Рабочий надевал защитные очки и приступал к срочной электросварке брони поврежденного на фронте танка.

«Сны сбываются,— подумал я, глядя на радостные лица.— Сегодня в театре вспыхнут хрустальные люстры, взвьется занавес, и по залу разольются мощные голоса оркестра».

Подшивалов отогнул края бинта, прикрывавшие ему глаза и, улыбаясь, молча смотрел на сияющий матовый шар. Он мысленно представил себе, как на огромном мраморном щите станции нажали пусковую кнопку и по толстому фидеру кабеля пронесся электрический ток.

— Хорошо лег кабель на грунт, без колышек,— сказал дядя Миша.

— Толково лег,— кивнул головой Никитушкин.

Сестра с удивлением поглядела на нашу морскую форму.

— Разве вы монтеры? — спросила она.

— Нет, мы водолазы,— ответил дядя Миша.

ЗАГАДОЧНЫЕ ЗВУКИ

Много песен сложено на флоте про затонувшие в грозных схватках с врагом русские боевые корабли.

Мы, водолазы, ходим по следам морских песен.

В конце прошлого века затонул воспетый в песне броненосец «Русалка», и мы нашли его на двадцатиметровой подводной скале.

Из трюмов затонувшего в первую империалистическую войну крейсера «Баян» мы, будто картофель, смело выгружали позеленевшие шаровые мины образца тысяча девятьсот восьмого и десятого годов.

В годы гражданской войны, защищая молодую советскую республику, погибли на минном поле три героических эсминца: «Константин», «Гавриил» и «Свобода». Куски их, разбросанные по дну Балтийского моря, мы впоследствии разыскивали и поднимали наверх.

Немало подводных операций провели мы и в годы Великой Отечественной войны. Враг яростно бомбил нас с воздуха, ослепляя прожекторами и обстреливая из береговых орудий светящимися снарядами, но мы ухитрились за ночь поднять корабль и увести его из-под самого носа противника.

Помню, ночью по обрывку сигнала о бедствии мы вышли на спасательном судне вслед за тральщиком в море к месту аварии подводной лодки.

Ночное море было полно вражеских мин.

Мы проходили как раз тем местом, где погибли на минах три героических эсминца, и вспоминали сложенные о них стихи:

Мы шли на вест, минуты торопили.
Мы шли на вест, как говорил приказ.
Одну к другой отсчитывали мили,
Туда, где смерть подстерегала нас.

Всё было приготовлено к походу. Боцман Калугин не пожалел масла, всё смазал — машины, лебедки, тросы, инструменты. А всю ветошь роздал нам обмотать подметки, чтобы не стучали по палубе.

Курить мы прятались под полубак, озаренный тусклым светом синей лампочки, прикуривали от фитиля — тлеющего конца пенькового троса. Окурки бросали в обрез — железную ванночку, наполненную водой. Разговаривали вполголоса, даже кашлять спускались в нижнюю палубу, где «отрывали лапки от комара» — храпели подвахтенные матросы и кочегары.

Нарушал тишину только наш кок. Он громко кашлял и ронял посуду на камбузе, уверяя, что так бывает с ним всегда, как только корабль прибавляет ход.

Этот повар был с нами впервые в походе. Он замещал нашего любимого веселого кока — Петю Веретенникова, который недавно ушел от нас на базу в распоряжение командования.

Вот уж Петя, тот бы не закашлял и не загремел посу-

дэй. Он умел ходить по палубе бесшумно, как пантера. Во время шторма он мог нести на одних кончиках пальцев полную до краев тарелку горячего супа и не расплескать ни капли. Петя у нас был артист и всегда умел развлечь команду: мог изобразить голосом и движениями любого человека, любую машину и даже шипение крокодила.

Уходя на базу, Петя распрощался с нами и забрал свое имущество: брезентовый сундучок, любимую книгу «Басни Крылова», в переплете из осетровой кожи, и ученую серую мышь Незабудку.

Незабудка тоже была членом нашей команды. Она переживала все трудности морских походов и жила точно по расписанию.

Когда играли побудку, она вставала, бежала в строй, потом завтракала и обедала по боцманской дудке и вместе со всеми укладывалась спать. Жила она в сумке под корабельным бюллетенем — расписанием боевых тревог — и по сигналу боя вылезала на край сумки.

Все надеялись, что Петя возвратится к нам со своей мышкой, но он не вернулся, и нам дали в поход этого неуклюжего кока.

Операция предстояла рискованная. Лодка потерпела аварию у вражеского берега. Поздно ночью наш командир получил приказ идти на ее спасение.

Все мы хорошо знали эту славную подводную лодку. Она не охотилась за «кильками» — мелкими неприятельскими судами, а топила крупные корабли, преследуя их и в шторм и в штиль, в темные непроглядные ночи и при полной луне.

Вражеские транспорты водоизмещением в десять тысяч тонн каждый еле ползут, — до того они набиты войсками, снарядами и танками.

Тихо крадутся корабли в тени берега под охраной большого сторожевого конвоя.

Гидроакустики лодки докладывают командиру о сильных шумах корабельных винтов. Лодка смело выходит на лунную дорожку, на виду у неприятеля, и дает залп по воде длинными зелеными торпедами.

Лодку подбрасывает при выстреле, но горизонтальщики точно удерживают ее на ровном киле. Один за другим взрываются и тонут пузатые вражеские транспорты

с тяжелым вооружением. Багровое пламя плещет в стекло перископа.

Напрасно потом швыряют и растрачивают бомбовый груз фашистские тупорылые сторожевики. Лодка ныряет под брюхо противника и уходит у него за кормой.

Долго ловят ее звукоуловители, и рвутся похожие на круглые коробки с кинолентами глубинные бомбы. Лодку трясет от взрывов, но она уходит и отлеживается где-нибудь в щучьей яме.

Напрасно вьются над морем фашистские самолеты и просматривают ее сквозь воду. Лодки там уже нет. Минная стальная сеть и минные заграждения, она торопится в такое место, где ее совсем не ждут.

По бортам лодки скрежесут стальные минрепы, и где-то близко над головой проползает «круглая смерть». Лодка пробирается в узкое горло вражеской бухты, топтит внутри гавани стоящие у стенки транспорты с военным грузом и, пока гремят взрывы от ее торпед, удирает.

Причину аварии лодки мы не знали. В последний раз она потопила транспорт, на котором враги вывозили скот из какого-то эстонского порта.

Тогда-то и бросились на лодку фашистские сторожевики. Казалось, она имела возможность вовремя уйти, но что-то помешало ей. И вот теперь она лежит на грунте, подшибленная бомбой, и не может всплыть. Повидимому, вышли из повиновения механизмы.

Тревожась за судьбу товарищей, потерпевших аварию, мы подходили к вражескому берегу. Луна, к счастью для нас, не взошла. Темноту берега рассекали узкие снопики света, и доносился приглушенный гул автомашин. Прожектор с берега вытянул ослепительный луч и зашарил по воде. Мы застыли каждый на своем месте, как это делает водолаз при встрече с осьминогом, когда хочет, чтобы недогадливое чудовище приняло его за обыкновенную деревянную сваю. Дрожащее сияние оставилось на полметра от нас, затем прожектор также внезапно погас, как и возник, и мы погрузились в прежний мрак. Но того, что мы увидели, было нам уже вполне достаточно.

Прожектор осветил на воде большие радужные лепешки. Это было соляровое масло, всплывшее из пробитых цистерн лодки. Командир базы по одному только обрывку пойманного с нее сигнала бедствия безошибочно определил, где надо искать лодку. Наше судно точно пришло на искомый квадрат.

Приказания по кораблю отдавались вполголоса. Под воду тихо снарядили старшину Подшивалова и четырех водолазов. Сигнальщик с мостика зорко всматривался в темноту и прислушивался к каждому шороху. Он даже вздрогнул, когда громко закашлял на камбузе наш новый кок. А когда тот в полной тишине уронил на палубу камбуза железную кочергу, стал ее поднимать да задел за какую-то кастрюлю, это прогремело громче горных обвалов, и мы снова пожалели, что нет с нами на судне Пети Веретенникова.

Кок подобрал свою кочергу, и на судне снова установилась мертвая тишина, только за бортом слышался легкий звон. Это лопались пузырьки, которые поднимались с тридцатипятиметровой глубины.

Я передал боцману телефон водолаза Никитушкина, который первым ушел на дно, и стал снаряжаться под воду.

Мне надели шлем и навинтили гайки к медной машишке так тихо, будто у матросов руки были из ваты. С выключенным фонарем я опустился по штормтрапу в воду и, как ночной парашютист, плавно полетел вниз.

На грунте я включил подводный фонарь, и яркий круг света вырвал меня из тьмы. Каждая песчинка на дне отделялась одна от другой, как сухие крупинки хорошо сваренной каши. На водолазных калошах, подвязанных пеньковыми плетенками, дышали белые, легкие, как пух, размочаленные ворсинки.

Я дернул за сигнальный конец один раз. Это означало: «Я на грунте, чувствую себя хорошо». В ответ дернули сигнальную веревку, и послышался легкий свист.

— В чем дело, боцман? — спросил я.

— Посмотри, что там с Никитушкиным, — сказал далекий голос боцмана. — Он на дне быка услышал.

— Что? — переспросил я.

— Передает с грунта, что где-то там под водой бык мычит.

Я от удивления даже весь воздух из шлема затылком вытравил.

Какой же это подводный звук Никитушкин принял за мычание быка? Я истоптал это море вдоль и поперек, видел все его закоулки. Знаю, где тихо, где сумрачно, где зелено на грунте. Знаю, где ил по грудь и гранитные скалы на дне, где ровная пестрая галька и ползун-песок, а где слоистое течение оmyвает давно забытый ржавый корпус старинного корабля.

Я слышал удары волн о шлем, скрип частей посаженного на риф судна и свист автогенного огня, режущего под водой металлический корпус корабля.

Я проходил нижней палубой затонувшего судна по жилому матросскому кубрику, где всегда стоит плотная, глухая тишина, мимо скелетов погибшей команды, окутанных бородатой тиной.

Я слышал громкие удары своего сердца, трехтактное шипение воздуха за ухом, хрустальный звон золотниковых пузырьков из шлема и чуть слышную дробь их о потолок корабля, облепленного красно-бурыми гроздьями морских ракушек.

Я слышал скрежет раковин и песка под ударами упругой струи из шланга и глухой стук водолазных калош по обомшелому борту затонувшего корабля.

Но мычания быка на дне моря я никогда не слышал.

Может быть, у Никитушкина что-нибудь неладное с воздухом в шлеме? Или слух не в порядке?

Стояла удручающе мертвая тишина. В свете фонаря пролетела тень от сонной рыбы. Края тьмы качались вокруг, будто концы широких черных занавесок.

Неподалеку от меня возник светлый полукруг, потом слился с ним второй, и всё осветилось неестественно ярким, режущим светом. Медные шлемы моих приятелей стали румяными. В руках у них качались лампы, как у рудокопов. Казалось, они вышли на работу из-под земли, вылезли из светлых пятен на грунте, словно они живут где-то здесь, в глубоких пещерах моря. В ослепительно ярком свете нескольких ламп пузырьки воздуха из шлемов кажутся кованными из белого металла, звенят и не похожи на воздушные.

Сквозь мрак пробился новый свет, разросся в полукруг, и показался еще один опоясанный заревом водолаз.

Он тянул по грунту обильно смазанный боцманом стальной трос. Когда свет его фонаря слился с моим, из темноты выглянули помятые лопасти винта, темный бок водяной цистерны, потом согнутый перископ, большая вмятина на борту, тонкоствольная пушка и, наконец, вся лодка.

Картина аварии была как на ладони. Уж нам ли, водолазам, не понять, в чем тут дело. Мы разглядываем подводные части, как сапожники сбитую подметку, и угадываем по ним, какие труды и страдания перенесло судно.

Один из водолазов стоял против жилого отсека лодки и выслушивал ее, как врач больного. По складкам на костюме я узнал Никитушкина. Что он там слышит?

Я подошел к Никитушкину. Он повернул ко мне голову, и сквозь стекло иллюминатора я увидел его удивленные глаза. Он снова наклонился к лодке. Я тоже приложил свой шлем к железному ее корпусу и ясно услышал мычание быка.

Так вот где Никитушкин услышал эти звуки. Но, может быть, мне это почудилось? Я приложил другое ухо и снова услышал мычание. Потом хрипло запел петух и закуковала кукушка.

Это было невероятно... Значит, у нас с Никитушкиным произошло расстройство слуха!

Каждый год водолазный врач определяет нам глубину, и после медицинского осмотра один водолаз обычно спрашивает другого: «Ну, как здоровье?» А другой отвечает: «На сорок пять метров!» Это означает, что врач разрешил ему спускаться на эту глубину. При медицинском осмотре врач больше всего придирается к ушам, смотрит, нет ли красноты на барабанных перепонках, не вдавлены ли они внутрь, потому что во время спуска воздух сильно давит на перепонки. Врач хорошо помнит ухо, в котором была краснота. Фамилию водолаза забудет и приветствует при встрече: «А, здравствуйте, левое ухо!» Уши у водолаза должны быть здоровые и слух нормальный.

Теперь оставалось только молчать о том, что мы услышали, чтобы не узнал наш корабельный врач Цветков, хоть и молодой, а придира.

Если он узнает, что нам послышался рев быка на

грунте, сразу же спишет из водолазов или даст такую глубину, где только лягушек давить.

Но почему не слышно из лодки человеческих голосов? Почему молчит команда?

Мы с Никитушкиным быстро привинтили к двум штуцерам, выступающим на борту жилого отсека лодки, спущенные сверху воздушные шланги, я — вдвунной, а Никитушкин — выдвунной. В лодку поступил свежий воздух. Мы тотчас приложились шлемами к корпусу лодки. Я даже протер носом свой запотевший иллюминатор, как будто это помогало мне слушать.

Звери в лодке замолчали.

И вдруг Никитушкин от радости так боднул меня своим шлемом, что чуть не вышиб мне иллюминаторы. В лодке явственно слышались человеческие голоса. У нас отлегло от сердца. Значит, товарищи живы.

Не буду описывать, как мы готовили лодку к подъему, как подрезали под днище лодки стропы, как пеленали ее и подводили гини, — скажу только, что один гак, то есть крючок от гиней, весит десять пудов. Чтобы гини не дали перекося и лодка не выскользнула, мы поставили ее на панер. Это значило, что судно наверху подошло и встало прямо над лодкой.

Когда волна звенела, как битое стекло, падая с водолазных манишек куда-то во тьму, а мы поднимались на палубу судна, боцман нам шипел на ухо, как змей: «Обматывайте, черти, подметки тряпками!» Лодка уже выходила из воды.

На судне при этом стояла удивительная тишина: все механизмы, все лебедки и прочие подъемные средства пели, как хорошо сыгранный бесшумный оркестр, — недаром боцман Калугин истратил на них всё масло.

Толя Цветков со своим набором бинтов, ланцетов, лекарств и кислородных подушек приготовился к оказанию экипажу первой медицинской помощи.

Лодка показалась наверху: сперва рубка, потом борта...

На скользких прочных тросах лодка была подтянута под стальную дугу судна. Скрытый брезентом ручной фонарик осветил отдраенный люк для выхода команды из лодки на нашу палубу.

В люке показался первый спасенный человек. Вся наша команда так и бросилась к нему.

— Тише, человека помнете! — осадил боцман команду.

Спасенного подводника бережно подхватили и увели под полубак, где временно был устроен корабельный лазарет. Остальных из лодки принимал сам Толя Цветков со своими санитарями. А нам, водолазам, пришлось разбежаться по местам боевой тревоги.

Над морем, освещая водное пространство, повис большой огненный шар. Это разорвался в воздухе осветительный снаряд. Вражеский прожектор с берега всё-таки нашарил нас.

Пламя оружейного выстрела разорвало тьму над морем. Давая опознавательные вспышки, к нам быстро приближался миноносец врага.

Фашисты опоздали. Наше судно в полную мощь своих машин повернуло на секретный фарватер, в сторону от минных полей, и ушло из вражеской зоны, унося под брюхом спасенную лодку.

После отбоя боевой тревоги, когда мы выбрались из опасной зоны, взошла луна. Только теперь она была уже нам не страшна.

Никитушкин побежал к полубаку посмотреть на спасенных подводников, но Цветков сразу преградил ему дорогу.

— Туда нельзя, — строго сказал он.

— А люди живы? — тревожно спросил Никитушкин.

— Живы, но нужен покой.

— А кроме спасенных людей там еще кто-нибудь оказался? — осторожно спросил Никитушкин.

— Нет, — сказал Цветков и подозрительно поглядел на водолаза. — А кто там еще должен быть?

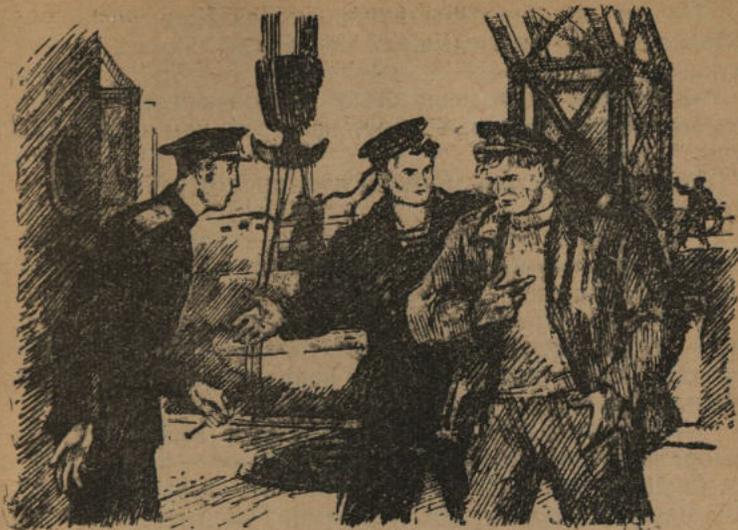
Никитушкин ничего не ответил и убежал.

У лодки хлопотал боцман. Никитушкин подмигнул ему и, ни слова не говоря, полез в ее люк.

— Ты зачем? — остановил его боцман. — Команда вся уже под полубаком. Чего тебе еще там надо?

— Надо, — отозвался Никитушкин. — Там еще остались бык, петух и кукушка.

— Да ты что, парень, ошалел? — сказал боцман. — Разве бык в этот люк пролезет?

— Пролезет, — засмеялся кочегар Вострецов, — разве только жареный, порциями.

— Ну ладно, смейся, — недовольно сказал Никитушкин и полез в лодку.

Вскоре он вылез оттуда и растерянно поглядел на нас.

— Ну что, нашел быка и кукушку? — насмешливо спросил его Вострецов.

— Ничего не нашел... А странно, ведь я их своими ушами под водой слышал...

— Что ты там слышал? — заинтересовался Толя Цветков. Он у нас всегда появлялся в то время, когда его совсем не ждали.

Я подтолкнул Никитушкина, но было поздно. Цветков уже всё понял.

— Что, расстройство слуха? — озабоченно спросил Цветков. — Галлюцинация? Придешь ко мне на прием. Если тебе такие крупные звери под водой чудятся, то нужно твои уши проверить.

При этом Цветков сказал какое-то длинное латинское слово и строго посмотрел на Никитушкина.

Но тут все водолазы вступились за Никитушкина и объявили, что тоже слышали под водой голоса зверей и птиц.

— Значит, и у меня была галлюцинация? — хмуро спросил Подшивалов. — А ну, проверяй нам сейчас же уши!

Впервые за свою медицинскую практику Толя Цветков растерялся.

— Ладно, — смущенно сказал он, — спросим у командира лодки, может быть, там действительно были какие-нибудь животные.

Командир на палубе рассказывал штурману о последнем походе. Он вышел из лодки последним и держался твердо. Только когда доставал портсигар, чуть дрогнула рука.

— Потопили мы в порту транспорт с вооружением и выбрались из узкого прохода в море, — рассказывал командир. — А сторожевики противника за нами, на пятки наступают, засыпают бомбами. Мы маневрировать. От взрывов наша лодка кренится, пробки сыплются, рубильники выключаются, в отсеках гаснет свет, на палубу летят осколки разбитых электролампочек и плафонов, откуда-то со свистом врывается воздух, всё в лодке ходуном ходит. Тут лопнула у нас водяная магистраль, и в отсек хлынула вода; люди едва успевали откачивать, наконец наложили пластырь.

А тут еще цистерну с соляром прорвало, — значит, масло всплыло и на поверхности зазмеился след. Теперь уже сторожевики точно по следу спускали бомбу за бомбой. Водяная струя в несколько атмосфер сорвала нам пластырь. Подхватили его мои ребята, телом прижали и держат. Оглохли мы, время забыли. Часа примерно два нас сторожевики гоняли. Потом разом всё стихло. Гидроакустики мне доложили, что шум корабельных винтов удаляется. Значит, все бомбы на нас израсходовали, пошли за новыми.

Нам бы поостеречься, посидеть на грунте еще с часок, а мы обрадовались, захотелось вдохнуть свежего воздуха. Всплыли и нарвались на сторожевика. Он с выключенными машинами караулил нас у масляного пятна и бомбы для нас берег. Как ударил бомбой, мы и загремели на грунт...

На ваш приход не надеялись. Радист не успел дать вам полного сигнала. Когда кончился воздух в лодке, потянуло ко сну. Люди валились на дно лодки, открывали рты, как рыбы, покрывались пузырьками пота, задыхались. А сон на дне — это смерть, вы сами знаете. Но всё-таки мы не заснули.

Командир хотел продолжать рассказ, но тут в тишине ночи из-под полубака раздалась тихая трель соловья.

Мы все повернули головы.

Откуда на наше судно залетел чудесный лесной певец?

Он пел, щелкал, свистел, переливался, то вдруг ослабевал, то рассыпался мелкой дробью по тихой палубе корабля.

— Вот почему мы не заснули под водой, — сказал командир.

— Значит, на лодке был и соловей? — обрадованно спросил Никитушкин.

— Да, — сказал командир. — Этот замечательный «соловей» был на лодке и спас нам жизнь. Я от всего личного состава хочу передать ему флотское спасибо за прекрасное искусство. Благодаря его таланту, мужеству и выносливости мы смогли продержаться в лодке до прихода водолазов. Отдаю приказ по кораблю о благодарности нашему «соловью» и вхожу с ходатайством в Военный Совет о представлении его к правительственной награде!

— Соловья к награде? — удивился Никитушкин.

— Тише ты! — замахал на него руками боцман. — Не мешай слушать!

Но соловей уже умолк, и закуковала кукушка. Она звонко расхваливала петуха. А петух хрипловато кукарекал ей в ответ. Потом мы услышали:

Проказница-мартышка,
Осел, козел да косолапый мишка
Затеяли сыграть квартет:
Достали нот, баса, альты, две скрипки
И сели на лужок под липки
Пленять своим искусством свет...

— Басни Крылова! — воскликнул Никитушкин и кинулся под полубак.

Мы пошли вслед за ним вместе с командиром. Под-

водники сидели на скамейках, и синий свет лампочки качался в резких складках их изможденных лиц. Они дружно смеялись и хлопали артисту. Тщедушный, бледный, перепачканный машинным маслом, в поварском белом колпаке, с небольшой сумкой через плечо, артист исполнял басни Крылова в лицах.

— Вот наш гвардейский «соловей», — сказал командир и пожал руку артисту.

— Петя! — крикнул удивленный боцман.

Артист обернулся.

Это был наш любимый, веселый кок Петя Веретенников.

— Как ты попал на лодку? — спросил его Подшивалов.

— Случайно, — сказал Петя. — Меня взяли замещать заболевшего кока.

— Вот так здорово! — сказал Никитушкин. — А мы тебя и не узнали сперва!

Петя улыбнулся и потряс сумочку. Оттуда на его ладонь выбежала серая мышка и поклонилась нам.

— Зато Незабудка вас сразу узнала, — сказал Петя.

Подводники снова дружно захопостили Пете, а наш неуклюжий новый кок закричал «браво» и с грохотом уронил на палубу медный начищенный бачок.

Под охраной наших торпедных катеров и воздушных истребителей мы благополучно прибыли на базу.

БИТВА ПОД ВОДОЙ

Уже дважды наша воздушная разведка доносила, что с вражеского берега к башне гидростанции подходит шлюпка. Причалит к бетонной стене башни, невидимой с нашего берега, постоит там с полчаса и снова уходит.

Наше командование хотело выяснить: не закладывают ли там гитлеровцы донные мины, чтобы взорвать станцию. Они в это время отступали и разрушали всё, что можно было разрушить.

Решили направить туда водолазов, чтобы подробнее узнать, в чем дело.

Послали сперва Никитушкина. За три года боев он показал себя смелым и находчивым водолазом. Два раза уже ходил в легководолазном костюме подрывать донные электромагнитные и контактные мины. Эти мины сразу чувствуют приближение металла. К ним подходить надо было без металлических частей на костюме, а свинцовый пояс-груз плотно обматывать тряпками.

Никитушкин пошел на разведку к башне в легководолазном костюме с размагниченным баллоном кислорода.

Он вернулся и доложил, что никаких мин — ни магнитных, ни простых — нет, зато в основании башни заложены коробки с толом.

Одну коробку Никитушкин принес, а всего взять не смог, так как у него уже кончалась кислородная смесь в дыхательном мешке. Да весь тол он один бы и не унес.

Стало ясно, что гитлеровцы действительно собираются подорвать башню гидростанции, как раньше взорвали плотину. Для этого им оставалось только присоединить к коробкам с толом электрические провода с запалом. Но это уже могли сделать одни водолазы.

Несколько лет назад эту самую башню гидростанции я, Подшивалов и другие водолазы своими руками выкла-

дывали на дне реки и помнили каждый камень, каждую царпину у ее основания. Надо было во что бы то ни стало спасти башню, унести оттуда тол...

На грунт нас отправили пять человек во главе со старшиной Подшиваловым.

Течение было сильное, а грунт твердый, с крупнозернистым песком. Иногда из-под ног вырывались задетые калошами камешки, их подхватывало и несло течением. Местами встречалась скользкая, как масло, желтая глина, и мы катились будто на салазках.

Вода была довольно прозрачной; от иллюминатора на расстоянии двух с половиной метров было всё видно вокруг, дальше вода делалась неясной, и в ней, как тени, иногда мелькали рыбы. А еще на полруки дальше грунт и вода сливались в сплошной желтоватый туман.

Пузыри воздуха так и срывало течением с решетки золотника, пригибало их к грунту и растягивало цепью чуть звенящих стеклянных колокольчиков.

Старшина Подшивалов, как самый опытный водолаз, первым подошел к башне, осторожно нагнулся и вынул банку с толлом. Вдруг Никитушкин стукнул своим шлемом о мой и крикнул так, что у меня в перепонках захлопало:

— Гляди!

Я посмотрел в ту сторону, куда показывал рукой Никитушкин, но ничего не заметил в желтой мгле.

Обернулся к Подшивалову и увидел, что старшина вывинчивает из круглого футляра на смазанной маслом резьбе свой водолазный нож. Я тоже схватился за нож. В желтой мгле показались неясные коричневые тени, быстро выросли из тумана, и мы узнали вражеских водолазов. Они были в костюмах коричневого тифтика, а мы — в светло-зеленых.

У гитлеровцев виднелись ремни и пряжки, даже подхвостники были ременные, а свинцовые груза с каким-то особым клеймом. На шлемах у них торчало что-то напоминающее наконечник пики. Шлемы были из красной меди. Только на одном из противников я увидел бледно-латунный шлем с верхним зарешеченным иллюминатором, вроде тех, которые у нас хранятся в водолазном музее.

Этот водолаз шел с мотком проводов в руке и пучком запалов, обмотанных тряпкой.

Предстояла схватка под водой. Тут всё зависело не только от храбрости, но от опытности водолазов, так как течение было очень сильным.

Перед началом боя мне почему-то особенно запомнился большой ослизлый зеленый камень с острым краем. Я видел его еще в то время, когда работал здесь на постройке электростанции. Теперь его затащил песок. Он лежал у самых носков моих калош. На ровном грунте больше ничего не было видно, вплоть до желтого тумана, из которого выходил противник.

А за моей спиной стояла сложенная нашими руками бетонная стена башни.

Вражеские водолазы, увидя нас, остановились. Стояли и мы. Только слышно было, как булькали в золотнике пузыри и шипел воздух в шлеме.

Под водой не разбежишься, движения замедленные, — это не на суше драться. А ножом сильно размахнешься, — попадешь не туда, куда надо.

Подшивалов сильно наклонился ко мне и сказал:

— Заходи слева вниз по течению, бери противника за сигнал и шланг! — Потом стукнулся шлемом в шлемы Никитушкина, Бориса Киндинова и молодого водолаза, недавно принятого в наш отряд. Тоже им что-то сказал, и эти трое пошли направо вниз по течению, туда, где выгибало дугой шланги гитлеровцев.

Захватить шланг — значит взять водолаза за горло.

Никитушкин быстро поймал один из шлангов и потянул к себе, но гитлеровец уперся ногой в знакомый мне скользкий камень на грунте.

Я подумал, что у него сейчас отломится рожок шлема, к которому привинчен шланг. Но рожок выдержал.

Тогда Никитушкин с силой дернул водолаза. Тот поскользнулся на камне и покатился вниз по течению, как большая коричневая лягушка. На лету он пытался зацепиться за грунт, но схватил только полную горсть песка и очутился у наших водолазов. Там они его и схватили.

А водолаз в латунном шлеме с мотком проводов на руке шел на Подшивалова. Видно, гитлеровцы решили

не уступать. Я заметил, как Подшивалов пытался зайти сбоку и схватить шланг противника, который тоже ловил рукой шланг старшины.

В это время Никитушкин с кем-то из наших вязали сбитого водолаза по рукам и ногам его же собственным сигнальным концом. На Подшивалова уже наступало несколько гитлеровцев, но старшина спокойно отходил к башенной стене, чтобы под ее прикрытием дать бой.

На помощь Подшивалову бросился Борис Киндинов. Он схватил противника за плечи и сшиб на грунт. Но сбоку подоспел гитлеровец в латунном шлеме и ударил Бориса булыжником в иллюминатор. Очевидно, это был опытный водолаз и знал, чем бить толстое прожекторное стекло иллюминатора. По всему стеклу сразу разбежались брызги и точно паутиной задержали лицо Бориса, а из отверстия заклокотали пузыри. Костюм Киндинова наморщился, опал, будто похудел водолаз.

— Голову вниз! — закричал я, как будто Киндинов мог меня услышать. А он уже сам сообразил, что ему делать: быстро наклонил шлем, прикрыл ладонью выбитое отверстие и потребовал больше воздуха. Дальше мне уже некогда было следить за боем. Чтобы мой шланг не захватили вражеские водолазы, я забрался как можно выше по течению, нашел там на грунте темный сук невидимой в песке коряги и забросил за него мой шланг. Затем набрал его кольцами на руку, про запас, и ринулся вниз. Вражеские шланги и сигналы стали попадаться мне на некотором расстоянии друг от друга. Сперва я нашел один, а затем еще два.

Три шланга — три глотки врага — были в моих руках. Только шланг гитлеровца в латунном шлеме я не смог схватить. Хитрый водолаз нарочно стравил его вниз подальше от меня.

Я быстро обрезал ножом неприятельские пеньковые сигналы и тонкие телефонные провода, а шланги туго скрутил куском шпагата, который висел у меня на медном колечке груза. Оставалось только придавить их тяжелым камнем, и всё будет кончено...

Но кругом на песке лежала только одна мелочь, ни одного камня крупнее кулака.

Я уже собирался резать шланги ножом, как по телефону услышал приказ с берега. Говорил дядя Миша:

— За стеной башни вражеская шлюпка. Иди прямо по сигнальному концу до подножья башни и всплывай. Понятно?

— Да! — крикнул я.

— Топи шлюпку!

— Есть топить шлюпку!

Ткнув вражеские шланги в руки подоспевшего Никитушкина, я бросился к башне. У стены скопил в костюме воздух, раздулся и разом всплыл кверху, скользя рукой по цементу. В ушах защипало, вода мгновенно из желтой превратилась в серебряную, и я так ударился обо что-то головой, что наверно помял шлем.

Запрокинув голову, я увидел, что меня по иллюминатору над самыми бровями скребет обитый железом киль шлюпки. Я оттолкнулся от кили и вынырнул возле борта лодки. Это был тузик — самая маленькая двухвесельная морская шлюпка. Посредине ее лежала груда жестяных коробок с аммоналом. Понятно, для чего везли сюда эти коробки... В тузике сидело два гитлеровца с автоматами. Выбросив кверху обе руки, я схватился за планширную доску борта, вытравил из костюма весь воздух и, став тяжелым, как свинец, сильным рывком опрокинул тузик на себя.

Не выпуская борта, я пошел со шлюпкой вниз. Во мне вместе с костюмом было около ста шестидесяти килограммов — достаточная тяжесть, чтобы утянуть за собой тузик. С размаху шлюпка дошла со мной чуть не до самого грунта и тут вырвалась из рук. Из-под нее заклокотал воздух и выпрыгнуло, блеснув, как рыба, полированное весло с уключиной. На меня свалилось два тела, и шлюпка пропала из виду.

Зигзагами двигались вниз по течению коробки с аммоналом. Один из гитлеровцев с выпученными оловянными глазами и раздутыми щеками вдруг махнул, будто плавниками, ладонями с широко расставленными пальцами, оттолкнулся и, как лягушка, прыгнул вверх.

Я переждал секунду — две, накопил немножко воздуха и тоже с силой оттолкнулся ногами от грунта. Беглеца я догнал уже на поверхности воды и схватил за сапог. Каблук был подкован толстыми медными гвоздями. Гитлеровец другим сапогом стукнул меня по шлему. Но я потянул его так, что чуть не сдернул сапог, и снова пошел

вниз, опустившись прямо на спину вражескому водолазу.

Тот сразу согнулся подо мной и выпустил из рук шланг нашего старшины. Это был гитлеровец в латунном шлеме, последний из неприятельских водолазов.

Шланги остальных были в руках Никитушкина. С помощью Киндинова он зацепил их за зеленый валун, торчавший из песка. Сильным рывком они вдвоем опрокинули валун и придавили завязанные шланги.

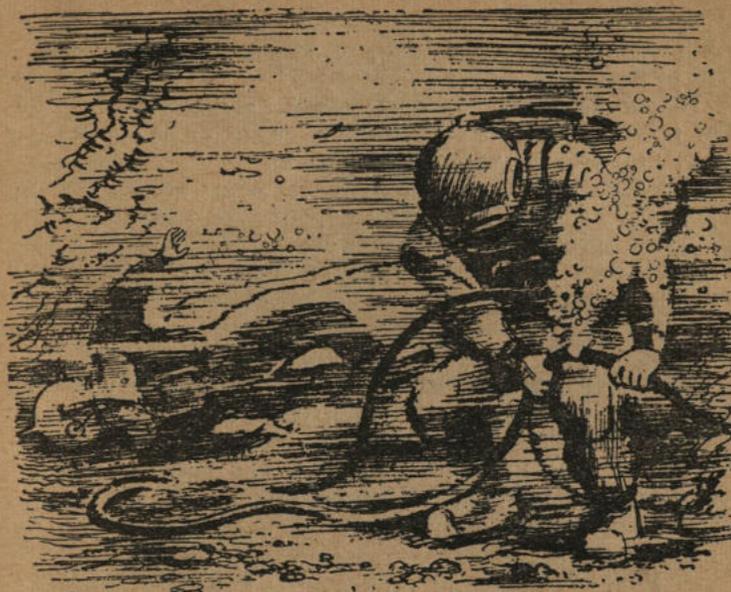
Теперь гитлеровцы болтались на них, как вяленая рыба на связке.

Я заметил, что шланги их подергиваются между камнем и вражеским берегом, точно по сигнальной таблице. Значит, у противника тревога на берегу. Видно было, как сильно они натягивались, но тяжелый валун не поддавался, и вражеские водолазы катались по грунту, поддевая песок свинцовыми калошами.

Я поспешил к Подшивалову, чтобы вместе одолеть гитлеровца в латунном шлеме, но сразу пошатнулся, почувствовал, что мне вдруг не хватает воздуха. Я быстро обернулся. Метрах в двух позади меня, весь обсыпанный пузырями воздуха, стоял, наклонившись, водолаз в коричневом тифтике. Я даже разглядел фирменное клеймо на его квадратном свинцовом грузе. Гитлеровец перерезал мой шланг. Это был шестой, ранее не замеченный нами вражеский водолаз. Он уже доламывал мой шланг до спиральной проволоки, положив его на колено. Мне стало жутко и непривычно в затихшем шлеме.

Я сделал два нетвердых шага к гитлеровцу, собрал сколько было сил и хотел со всего плеча ударить его водолазным ножом в шлем. Медный пустотелый шлем легче пробить, чем толстое стекло иллюминатора. Но взмах руки в воде всегда неверный, и нож бы сорвался с круглого шлема. А грудь не достать: она под толстой медной манишкой. И я ударил его ножом в бок возле свинцового груза. Гитлеровец упал и покатился по течению.

Тут я схватил с грунта свой перерезанный шланг и сам доломал его. Теперь надо было только не прикоснуться нечаянно головой к золотнику, чтобы сберечь до единой капли остаток воздуха в костюме. Его должно хватить минуты на четыре. Я раскинул руки в стороны

и держал их секунду, чтобы узнать, не всплыву ли кверху. Но воздух только чуть покачал меня на грунте.

Тогда я присел и отхватил ножом от своей свинцовой калоши сначала одну, а затем и другую плетеную веревку. Калоши сразу упали с ног. Сейчас меня могло свободно перевернуть вниз головой и унести течением, но я быстро выпрямился. Теперь долой груза! Я перерезал брассы, которыми они соединяются на плечах.

Меня с силой оторвало от грунта и понесло вверх. По пути я два раза перевернулся через голову и выскочил на поверхность раздутый, как бычий пузырь, перетянутый посредине шпагатом: это врезалась сигнальная веревка. И тут меня, будто катушку на нитке, помчали к берегу за сигнальный конец. Я еще на грунте успел дернуть сигнал тревоги.

Когда с меня сняли шлем, я подумал, что такого приятного воздуха, как на нашем берегу, нигде больше нет Чудесно пахло соснами...

Тем временем Никитушкин, Киндинов и третий молодой водолаз уже сообщили, что возвращаются и несут груз.

Только Подшивалов еще был у башни.

Он потребовал с берега вторую сигнальную веревку и велел нам скорее тянуть ее обратно.

Мы быстро выбрали веревку. Из воды показался гитлеровец в латунном шлеме с обрубленным шлангом.

С той стороны реки уже обстреливали наш берег, и неподалеку разорвался снаряд. Мы прилегли к земле, осколки свистнули над нами, а гитлеровец поднялся во весь рост из воды и тут же упал, пронзенный осколком снаряда.

Вскоре из воды вышел Подшивалов с коробками аммонала. За ним следом Никитушкин и молодой водолаз несли моток электрического провода и пучок запалов. Последним шел из воды Киндинов. Он прикрывал левой рукою свой пробитый иллюминатор, а правой таскал с грунта связанные сигнальной веревкой три надраенные о подводный песок неприятельских медных шлема.

— Ура! — кричали стоявшие на берегу саперы. — Вот это бой!

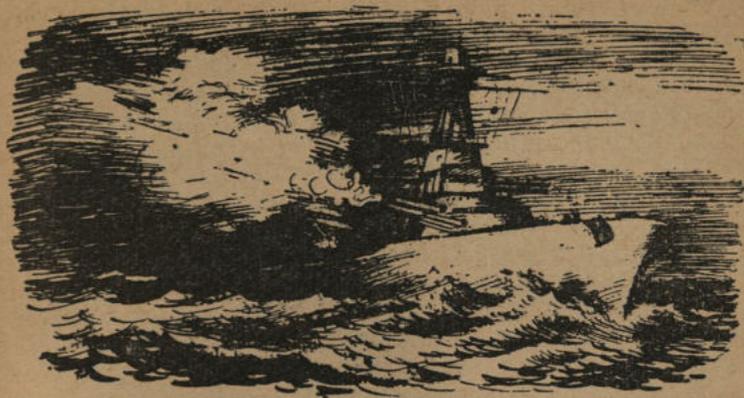
— Ну, ребята, — крикнул один из солдат, — если они под водой столько врагов подшибли, то нам на суше никак нельзя меньше! Чем мы хуже водолазов?

НАХОДКА

Тяжелый крейсер бил изо всех орудий. Огромные стволы поднимались в башнях и с грохотом выбрасывали фонтаны желтого огня и смертоносной стали.

Палуба содрогалась. Броня крейсера гудела. Звонки боевой тревоги разносились по всем корабельным постам.

Орудия стреляли и снова заряжались. Из нижнепалубных отсеков бронированных башен ползли прямо к орудийным замкам тяжелые крупнокалиберные снаряды.

Там, где падал на врага такой снаряд, сокрушалось всё, и в земле образовывалась огромная воронка. Оглушительно лопались цистерны с горючим, разбрасывая искры многоцветного огня. Как орехи, крошились железобетонные вражеские доты вместе со своей арматурой, толщиной с руку каждый стальной прут.

Снаряды крейсера летели на дальние огневые точки врага. Свистели и сгибались под вихрем летящего снаряда могучие сосны, как от морского двенадцатибалльного шторма, ахал и гудел лес.

Вековые сосны срезало начисто. Скоро на месте леса остались только пни да запах лесной гари и едкого артиллерийского дыма. Это был невиданный со времен знаменитого «Варяга» поединок одного корабля с десятками вражеских береговых батарей.

Враг рвался к огромному портовому городу, а крейсер не пускал его туда, хотя вихрь огня и металла гудел вокруг корабля.

Уже были расщеплены стальные мачты крейсера, пробиты переборки, разворочен якорный клюз, заклинено артиллерийское управление и перешли на голосовую передачу команд. Электрические ревуны, кричащие перед залпами, совсем осипли и оглохли.

Крейсер так стрелял, что даже воздух над ним накалился. Когда на палубу хлестала ледяная октябрьская

вода, поднимался пар, и пушечные стволы шипели, как перегретые утюги на влажной холстине.

Много еще бед мог бы наделать вражеской армии грозный крейсер, но один злополучный снаряд врага пробил палубу возле порохового погреба. Стали рваться снаряды. Вырвало и подбросило кверху кусок носовой части палубы. Вспыхнул пожар, фонтан огня опалил матросов. Пожар быстро помчался по кораблю к тому месту, где была цистерна с нефтью. Крейсеру с минуты на минуту грозил гибельный взрыв погреба, а потушить пожар было уже невозможно. Для спасения корабля капитан приказал открыть кингстоны, чтобы затопить его на мелком месте. Глубина здесь была около двенадцати метров, совсем немного для такого корабля.

Носовая часть корабля, шипя и разбрасывая пары, погрузилась в воду. Над водой осталась торчать небольшая часть кормы.

Матросы сняли боевой флаг и покинули крейсер. Так он и лежал полузатопленный, на виду у противника, всего в каких-нибудь полутора километрах от берега.

Гитлеровцы целыми днями не сводили глаз с корабля, следя за ним в бинокли и стереотрубы. А ночью шарили по нему прожекторами, стреляли светящимися снарядами и вешали над ним люстры световых ракет.

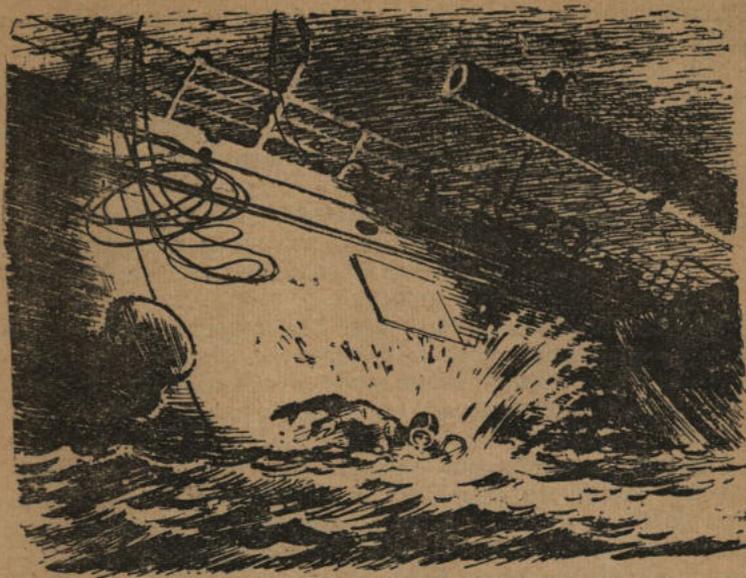
И вот наше командование распорядилось спасти крейсер.

Нам, водолазам, не впервые доставать корабли из-под носа неприятеля. Выбрали ночь потемней и вышли.

Наш баркас не дошел до корабля метров на тридцать. Для предосторожности решили узнать, нет ли за его кормой магнитных мин или вражеского патруля — торпедного морского охотника.

Корма большая, и за ней в темноте ничего не видно. Никитушкин у нас самый зоркий. Послали его на разведку в легководолазном костюме. Дойдя до кормы, Никитушкин чуть всплеснул и перебрался по холодным заклепкам бронированного борта на палубу. Прополз возле полузатопленной орудийной башни и заглянул за борт. Ничего не было видно, только глухо гудела, позвякивая под свинцовой подметкой, стальная палуба. Было тихо и темно, гитлеровцы ракет не пускали.

Никитушкин хотел уже сползть обратно, чтобы сооб-

шить нам, что боту можно подходить с пластырями, водоотливными средствами и начинать работу, как вдруг ему показалось, что на пустой корме мелькнуло четыре белых пятнышка и над ними загорелись два зеленых огонька. Никитушкин попятился. Огоньки и пятнышки стали к нему приближаться. Никитушкин протянул руку — огоньки потухли и пятнышки исчезли. «Что за штука? Или в глазах рябит от темноты? А ну, проверю!»

Никитушкин прополз по корме — никого нет. Хотел пролезть к другому борту, но тут с берега по воде ударил луч прожектора и побежал по кораблю. Водолаз так и прилип к палубе. Ни взад, ни вперед. А луч быстро бежал, и Никитушкин понял, что сейчас будет виден противнику как на ладони. Уползать на коленках — луч догонит, до борта было метра четыре.

Тогда он растянулся поперек кормы и быстро покатился к борту, наворачивая на себя шланг, как нитку на катушку. Луч успел выхватить из темноты его руку, но враги, наверно, ничего не видели, иначе бы открыли

стрельбу. Никитушкин скатился с борта и в воде размотался от шланга.

Он вернулся с разведки и доложил, что катеров и мин не обнаружил, но на корабле светились какие-то зеленые огоньки.

— Может быть, это морские светлячки? — спросил боцман Калугин.

— Нет, не похоже, — сказал Никитушкин. — Светлячки в разные стороны разбегаются, а эти парами ходят.

— Ну ладно, там узнаем, — спокойно сказал Подшивалов, — пошли, время дорого.

Вражеский прожектор погас. Мы подошли к кораблю и пришвартовались бортом к корме.

Ночь была темная, но никаких огоньков на палубе мы не заметили и спустились под воду осматривать пробоины.

Дядя Миша стоял на сигнале Никитушкина, у самой кормы аварийного корабля, и вдруг почувствовал, что в темноте его шею сзади обвил что-то живое и мягкое, вроде воротника шубы. Он схватил себя за шею, и воротник слабо мякнул. Дядя Миша даже вздрогнул. Это был котенок с зелеными глазами, черный, как ночь, только самые кончики лапок у него были как белые подушечки. Котенок дрожал всем телом.

— Ну вот, нашлись твои огоньки, — сказал дядя Миша Никитушкину, когда тот, осмотрев под водой корпус корабля и сосчитав пробоины, поднялся на трап водолазного бота.

Никитушкин очень обрадовался котенку, вытер мокрые, перепачканные ржавчиной руки, и погладил его.

— И как только ты на крейсере уцелел после такого боя? — сказал Никитушкин.

Котенок поглядывал на него зелеными глазами.

— Ну вот, есть теперь у нас свой водолазный кот, — сказал коцегар Вострецов, доставая для него из кармана кусочек хлеба. — Теперь надо ему имя дать.

— Есть-то есть, да, наверно, уйдет, — не любят коты воды, — сказал дядя Миша.

— Привыкнет, — сказал Никитушкин.

Мы все погладили котенка, и каждый выделил ему еду из своего пайка. Кот был очень худ и погиб бы от

такого большого угощения. Хорошо, что вовремя вмешался врач Толя Цветков и велел кормить его понемножку.

Котенок поел и облизал всю шерстку. Он был очень чистый — настоящий корабельный кот. Закончив умыванье, он ушел на корму крейсера и там заснул. Мы положили ему несколько мешков.

Под утро нам надо было уходить, и мы хотели взять кота с собой, но он царапался и ни за что не хотел оставлять кормы.

— Пусть посидит тут, покараулит судно, — засмеялся дядя Миша и выловил из-за борта сачком маленькую салаку, чтобы котенку было чем подкрепиться после ночной вахты.

Свежая рыба котенку понравилась. Он сперва поиграл с нею, как с мышью, а потом, не дожидаясь утра, съел вместе с косточками. Мы спрятали для него на корме еду на обед и ужин и отчалили от борта крейсера к своей базе.

— Когда проголодается, сам найдет, — сказал дядя Миша.

Целый день мы на базе беспокоились о котенке, слыша выстрелы с вражеского берега.

Но коту ничего не сделалось. Когда мы следующей ночью вернулись и приступили к работе, он с интересом следил за нами из темноты зелеными огоньками глаз. Сидя на корме, он внимательно смотрел, как мы спускались и поднимались из воды. Может быть, по-кошачьи думал, что это мы ему ловим рыбу на завтрак.

На корме он проводил большую часть ночи. Видно, крейсер ему был родней, чем водолазный бот.

Когда на корме ему становилось совсем невтерпеж от холода, он приходил к дяде Мише и свертывался воротником у него на шее.

Однажды звездной ночью гитлеровцы, видимо, заметили какое-нибудь наше движение и несколько раз выстрелили по кораблю из орудий. Снаряды пролетали над кораблем и разрывались в воде. Но водолазов не оглушило, все были вовремя подняты из воды.

Мы думали, что котенок от выстрелов сразу сбежит с крейсера на водолазный бот. Но он то округлял, то суживал свои зеленые глаза и не думал уходить. Он даже

презрительно зашипел, когда Никитушкин, удирая из воды от подводных взрывов, ударился головой о заклепки бронированного крейсера и помял свой медный шлем.

Все мы под вой снарядов попадали на палубу бота и прилипли к доскам. А котенок, наоборот, как услышал звук снарядов, сразу поднялся на палубу и выгнул спину. Зеленые огоньки его глаз так и заблестели в темноте. Когда снаряды шлепнулись в воду, он только встряхнулся и снова спокойно лег на корму.

— Видать, обстрелянный кот,— сказал довольный Никитушкин.

— Молодец!

После этого прочеса гитлеровцы успокоились и не тревожили нас до самого утра. Они и не догадывались, что мы приходим сюда каждую ночь и прячем за кормой крейсера целую флотилию: водолазный бот, шлюпки, водоотливные средства и большие цилиндрические понтоны.

А тут еще начались осенне-зимние штормы; однажды ударил девятибалльный. Во время него от кормы не отойти: заметят; и возле кормы стоять тоже нельзя: разобьет о стальной корпус. А самое главное,— ночь потеть жалко.

Наш боцман Калугин, как акробат, ходил и бревнышки и кранцы между бортами подкладывал. Благодаря его умению мы всё-таки отработали несколько ночных часов. Дядя Миша был, как и мы, весь мокрый, и котенок на нем тоже весь вымок. Взяли мы котенка с собой на базу, обогрели и обсушили. На следующую ночь, тоже штормовую, хотели его на базе оставить, но не успели от берега отойти, как он уже очутился на спине у дяди Миши и ушел с нами на операцию.

— Ну, куда ты, глупый? Ведь холодно, вымокнешь опять,— уговаривал дядя Миша котенка. Но тот никаких уговоров не понимал и еще плотнее укладывался у него на шее. Ну что ты с ним будешь делать?

Мы до сих пор даже не знали, как его звать. Много имен перебрали и Жучок, и Чертенок, и Бесенок, и Белые пятнышки,— как только не называли, а он и ухом не повел на прозвища. Не мяукнул в ответ ни разу, будто немой.

У нас по части выдумки Вострецов мастером был, но

и он не мог отгадать имени котенка. Так и оставался у нас котенок без имени и прозвища до тех пор, пока он нам не помог в одном деле. Это было уже после пробной от качки корабля, когда мы заделали пробойны.

Острые, рваные края отверстий и стальные крупные заусеницы на них грозили разрезать костюм водолаза. Работали в полном мраке, наощупь, резали руки, но не обращали на раны внимания. Каждый думал и изобретал, как лучше и плотнее наложить пластырь на корабельную раму и добиться водонепроницаемости. Дядя Миша не успевал чинить водолазные рубахи, а врачу Толе Цветкову уже не хватало йоду.

Питание тогда было слабоватое, стоял октябрь 1941 года, и наш кок Петя Веретенников старался изо всех сил, чтобы выжать повкуснее калории из нашего водолазного пайка.

Октябрьская вода была холодна, как лед, руки сразу синели, деревенели, и единственным средством было — растирать их докрасна. А в рукавицах работать неудобно: в них пробойны как следует не нащупать в темноте. Хоть и перевязывали рукавицы шпагатом, всё равно надуваются воздухом, пальцы и ладони делаются нечувствительными, не узнаешь, какие края у пробойны. А гайку и вовсе ни отвинтить, ни завинтить, ни взять рукавицей, будто не пальцами ее берешь, а ватной подушкой. И самому в костюме трудно поворачиваться; под водолазной рубахой на тебе наворачено, как на капустном кочане, сто одежек: брюки и куртка, на них еще шерстяное двойное белье, рейтузы, чулки вязаные двойные, ватные брюки, ноговицы, ватный пиджак — вот сколько надето.

Но всё-таки заделали мы пробойны хорошо, как на суше. После шторма днем на базе починились, шлемы выправили, кранбол — деревянный брус для подъема тяжелой из воды — отремонтировали и срастили порванные штормом тросы.

Понатешился над нами шторм в эту ночь. На тросе всю ночь дергало, как петрушку в кукольном театре. Но в обиду мы себя не дали, закончили заделку пробойн и начали откачку воды из корабля.

Пустили в ход все наши отливные средства и качали целый час. С трепетом ждали, когда всплывет крейсер. Но крейсер не всплывал.

Что такое? Неужели кто-нибудь из нас плохо работал и неплотно заделал пробоины?

Решили пустить в ход электропомпы самого крейсера. Корабль показал часть палубы и на этом остановился, выше не пошел. Было ясно, что где-то осталась незаделанная пробоина. Тут мы заметили, что, едва крейсер стал подниматься, кот заметался по палубе и куда-то исчез. Куда же он мог деваться? Неужели испугался помпы? Стрельбы артиллерийской не пугался, а тут струсил. Осмотрели всё — на палубе его нет. Снова занялись помпами; шутка ли, столько ночной работы проделали, а корабль не всплывает. В тревоге совсем забыли о котенке. И вдруг откуда-то снизу, словно из подземелья, раздался жалобный писк.

— Он внизу,— догадался Никитушкин.

— Наверно, в шкиперскую побежал. Пойду, спасу тварь! — сказал дядя Миша и полез в люк.

Долго не выходил обратно. Мы уже думали, что и он пропал вместе с котенком,— там, в темных лабиринтах крейсера немудрено заблудиться и захлебнуться где-нибудь в отсеке. Потом слышим глухой голос:

— Спускай водолаза! Нашел!

Бросились к люку, и оттуда поднялась рука с мокрым дрожащим котенком.

— Нашел пробоину! — сказал дядя Миша.— Чуть котенка в нее не затянуло. Спускай водолаза. Сейчас я вам ее выстукаю.

С борта сразу спустился Подшивалов, и выяснилось, что на корме в одном месте отогнулся лист стальной обшивки. Видимо, он отошел, когда была последняя стрельба и потому до этого водолазы ее не находили.

Мы быстро заделали повреждение, и корабль всплыл. Мы все так обрадовались, что чуть не закричали «ура», но сдержались и только похлопали изо всей силы друг друга по плечам. А котенку на радостях тут же придумали имя, назвали Находкой и закармлили до полусмерти рыбой.

Корабль был в наших руках. Теперь всё дело было в том, как увести его незаметно от противника. А море вокруг будто нарочно было тогда светлое с низкими наплывами, и в мелких волнах плескались звезды.

Наползет только легкая кисея белесого тумана, чуть поднимется, покачается и, как дым, уйдет в сторону неприятельского берега.

Держать корабль наплаву было нельзя: гитлеровцы каждую минуту могли осветить его прожектором. Для прикрытия нам нужен был густой ночной туман. А его не было. И мы решили увести корабль под водой. Для этого надо было срочно, не теряя ни секунды, перестропить в воде понтоны.

Спасибо Подшивалову, он в это время работал под водой. Ни один водолаз еще не действовал так быстро. Никто из нас за четыре минуты не успел бы в полной темноте соединить тяжелой скобой стальные стропы — сплетения тросов, подведенных под понтоны. Одна скоба весит около десяти пудов. А Подшивалов успевал.

Перестропили мы понтоны, и мощный морской буксир повел прочь от неприятеля спасенный корабль. Котенка дядя Миша в последнюю минуту успел схватить за ногу, когда палуба крейсера уже уходила под воду.

Поддерживая корабль под поверхностью воды полупритопленными понтонами, буксир увел его от противника километров за восемь.

Наутро гитлеровцы глядят — исчез крейсер; послали катер проверить — убедились, рассвирепели — и ну молотить из всех орудий по пустому месту, рыбу снарядами глушить.

А мы прибуксировали крейсер на судоремонтный завод, и там им быстро занялись рабочие. Мы тоже помогли в ремонте подводной части.

Баркас наш был пришвартован к борту крейсера, но котенок и не пытался взбираться на его палубу. Он то сидел на шее у дяди Миши, то играл на баркасе со шлангами или забирался в водолазный шлем. По-прежнему на свое прозвище он не отзывался. А нам очень хотелось услышать его голос. Мы уже думали, что он оглох на крейсере после боя. Но скоро открылась его тайна.

Мы узнали настоящее имя котенка и услышали его голос. Это случилось в конце ремонта, когда на бронированной палубе появились комендоры и артиллерийские электрики крейсера. Корабль-богатырь с их приходом сразу ожил и заговорил, будто в него вложили сердце. Застучало динамо, зашумели водоотливные машины.

Солнце спустилось с капитанского мостика по никелированным поручням, зайчиком встало у круглых заглушек бортовых иллюминаторов и запыхало на медных подушках надраенных под золото кнехтов. Надраенные внутри, как зеркало, дула орудий поднимались, опускались, разворачивались в башнях, и по звонку к ним из нижнепалубных отсеков бежали снаряды.

Котенок как услышал на палубе артиллерийские звонки, вдруг изогнулся пружинкой на спине у дяди Миши, оттолкнулся и, блеснув зелеными огоньками глаз, сделал огромный прыжок кверху.

Мы и глазом моргнуть не успели, как он уже перепрыгнул через борт и очутился на стволе пушки. Вот так котенок! Пролетел над нами, как настоящая дикая пума.

Котенок не долго сидел на пушке. Его сразу заметили комендоры.

— Мурочка! — радостно крикнул самый молодой из них.

— Мяу! — ответил котенок и прыгнул с пушки на плечо комендора.

— Ишь ты, когда голос подал! — обиженно сказал Никитушкин.

А котенок уже лег горжеткой на шее комендора.

— Кис-кис! — сказал Никитушкин.

Но котенок даже головы к нам не повернул.

Комендор довольно засмеялся и погладил котенка.

— Погодите, он еще к нам придет, — сказал кочегар Вострецов.

Комендоры и артэлектрики изготовили орудия к бою.

— Сейчас отцепится, — сказал Вострецов. — Поплавал я, знаю этих корабельных котов. Они только до первого выстрела. Помню, один у меня всегда в машинном отделении от стрельбы прятался. И этот к нам придет.

— Посмотрим, — усмехнулся артиллерист.

Оживший крейсер вышел из дока на воду и поднял один ствол в орудийной башне. Грянул выстрел. Котенок только встряхнулся и еще плотнее улегся на шее комендора.

— Артиллерийский кот, — с гордостью сказал Вострецову комендор, снимая телефонные наушники. — Никуда от нас не уйдет.

И действительно, кот остался в семье артиллеристов.

Пока вступивший в строй крейсер стоял на реке и громил засевших под городом гитлеровцев, мы ходили к артиллеристам в гости, посмотреть как поживает у них котенок, надеясь вернуть его к себе на водолазную базу. Мы принесли ему гостинцев. Он съел всё и отправился спать, не уделив нам больше внимания. Дядя Миша стал просить комендоров отдать нам котенка и рассказал им, как Находка помог обнаружить на корабле пробойну в шкиперской:

— Он всегда там мышей ловил, — объяснили артиллеристы. — И дальше будет ловить.

Так и вернулись мы ни с чем на свою базу.

А потом, когда крейсер погнался разгромленных под городом гитлеровцев далеко на запад, вдоль морских берегов, мы слушали его залпы, похожие на отдаленный гром, и вспоминали артиллерийского котенка. Наш отряд работал тогда в порту по подъему крана, землечерпалок и другого портового имущества.

Голос спасенного нами корабля еще был слышен здесь в порту. Но с каждым часом крейсер уходил всё дальше на запад, и чем глуше становился его могучий голос у нас в порту, тем громче звучал он у вражеских берегов.

АКУЛЯ ОХОТА

Вот такая таинственная история произошла однажды с нашими водолазами.

Это было уже в конце Великой Отечественной войны, когда гитлеровцев гнали на запад.

Мы производили тогда на море большие работы. Был июнь, и стояли светлые ночи.

Мы чередовались и не знали, когда спать, когда вставать. Да нам и спать не хотелось: победа была близка, и мы радовались, что поднимаем затонувшие корабли, необходимые сейчас для пополнения флота. Поднимали мы их под охраной самолетов.

Летчики! Наши лучшие морские друзья!

Вы охраняли небо над нами, пока мы работали на грунте. Ни один фашистский самолет не посмел приблизиться и сбросить на нас бомбу.

Рефулеры, донки, грунтососы гремели, не смолкая, на палубе нашего спасательного судна, а мы, водолазы, сильной струей из шланга промывали тоннели в грунте под днищем затонувшего транспорта.

В эти тоннели мы протягивали стальные гибкие полотноца, а к ним должны были пристропить судоподъемные понтоны.

И вот, когда уже были закончены все подготовительные работы под водой, у нас вдруг пропал с грунта большой судоподъемный понтон.

Заполненный водой, двухсоттонный, размером с трамвай, цилиндрический железный понтон исчез, будто его с грунта корова слизала.

В то утро я хотел как раз подстрелить на дне толстую сельдевую акулу.

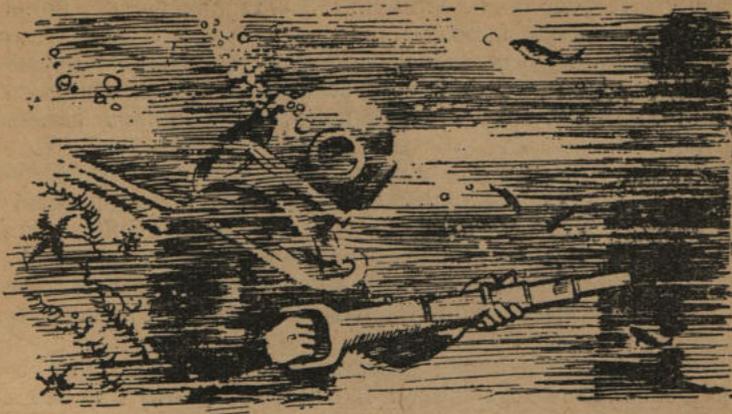
На этом море я тогда работал впервые и, увидев сельдевых акул, сразу их не взлюбил: людей они не трогали, но так обжирались рыбой (в то время был как раз ход сельди), что падали в обморок на грунте.

Оружие у меня было отличное: дыропробивной пистолет — «ПДП». Правда, с таким пистолетом еще никто не охотился. Служил он не для охоты, а для заделки пробоин в затонувшем корабле и стрелял нарезными, заостренными на конце болтами. Такой болт впивался в стальной лист обшивки по самую шляпку не хуже, чем на берегу в сухом доке судоремонтного завода. Осечку пистолет давал редко, только в том случае, когда заряд был недоброкачественным. Но стрелять из него можно было только с упором ствола во что-нибудь твердое.

Я пристегнул к поясу заряженный пистолет и взял ведро с запасными снарядами — стволами. Эти стволы вставляются в пистолет вместе с болтом.

Старшина Подшивалов положил мне их столько, сколько требовалось, чтобы забить пробоину в борту затонувшего транспорта. Просить у него еще один ствол было бесполезно: рассердится и не пустит под воду.

Я сказал Никитушкину, чтобы он подложил мне лишний ствол для акулы. Подшивалов этого не слышал,—

так сильно кричали вокруг корабля чайки. От их крика уставали уши и болела голова.

Они кричали сегодня особенно пронзительно, наверно чуяли шторм.

Это мы заметили и потому, что с каждой минутой всё сильнее раскачивались на волнах у корабля наши восемь цилиндрических понтонов, прибуksированных для судоподъема.

Волны всё громче заставляли греметь наши пустотелые понтоны, разделенные внутри на три просторных отсека. Сверкающие под солнцем ниппеля, через которые впускается в отсеки понтона вода, взлетали и стремительно падали вниз. Узкие понтонные шлюзы не вмещали уже воду и задыхались в пене.

Под крик чаек Володя Никитушкин подложил мне в ведро лишний заряд и надел на меня шлем. Затылок мой обдало шипящим ветерком,— это качнули по шлангу воздух. Коричневые от загара руки Никитушкина задраили мне стекло иллюминатора и дожали его на резьбе для плотности сигнальным концом.

Солнечный свет проводил меня по трапу, преломился над шлемом и ушел косыми полосами в глубину. В ушах у меня закололо и по-мышинному пискнуло. Это после утреннего насморка жало на перепонки. Я проглотил

слону. Перепонки хлопнули, выправляясь, и, когда я дошел до грунта, всё прошло.

Высокая медуза стояла рядом с затонувшим кораблем. Голубая шляпа ее была выше борта, а длинные извилистые мухоморного цвета присоски касались самого грунта.

Я повернулся к пробойне корабля, глянул через боковой иллюминатор и очутился в чьей-то огромной беззубой пасти. Это был пинагор. Сам он крошечный, немногим больше бычка, а пасть огромная. И весь разрисован, как елочная бомбоньерка. Это для того, чтобы добыча шла к нему прямо в пасть. Я махнул рукой, и пинагор полетел на грунт.

Пробойна в корабле была забита быстро, минут за тридцать. Но где же акулы? Я осмотрелся. Акул не было.

И вдруг мне показалось, что я еду вбок по грунту. Но я стоял неподвижно, а это мимо меня двигался большой косяк сельдей. Значит, сейчас появятся и акулы.

Я быстро зарядил пистолет и заметил на опрокинутом ведре четырехрогого бычка. Он ошетинился сердито всеми своими колючками, как петух перед боем, и смотрел куда-то в сторону от меня. На кого он ошетинился?

Я посмотрел туда же и увидел огромную сельдевую акулу. Так вот она! Врезалась в селедочную стаю, только белое брюхо мелькает. Мечутся и сверкают, как отточенные ножики, растерянные сельдки.

А она толстая, пузатая, навалилась на стаю, глотнула и перевернулась.

Пасть у нее под носом. Десятками глотает она селедок и не давится. Хватит, проглотит, на брюхо перевернется и опять глотает.

Откуда бы в нее выстрелить?

Я подошел к стальному форштевню затонувшего корабля и уперся в него краем пистолетного дула. Терпеливо дождался, когда акула, гонясь за селедочной стаей, поравнялась с носом корабля, и оттуда будто из-за угла дома выстрелил ей прямо в брюхо.

Промазал? Всматриваюсь. А это что у нее? На белом брюхе акулы как будто выступила большая темная родинка. Да это моя заклепка! Болт впился в брюхо по самой шляпку. Точно вклепил.

Акула замерла от неожиданности и выронила из пасти

селедку. Бычок в страхе бросился от акулы к затонувшему судну и спрятался там на палубе под ржавый лист железа.

А раненая акула изогнулась и пошла пахать грунт, разметывать рыбу и поднимать ил.

Я невольно схватился за водолазный нож, висевший на поясе, и вывинтил его из кобуры. Хотя я слышал, что сельдевые акулы людей не трогают, но кто ее знает, раненую-то?

По вздрагиванию моего сигнального конца я понял, что наверху начинается шторм, грозя разбить наши понтоны. Команда для сохранности стала срочно притапливать их на грунт.

Понтоны жадно засасывали воду в свои отсеки через маленькие круглые отверстия и ложились на грунт по сторонам затонувшего корабля.

Акула со всаженой в нее заклепкой уже совсем осатанела. Она бросилась на затонувший корабль, сдернула трос с облаком ила и железа, опять спугнула бычка и чуть не сшибла с понтона водолаза, который, проверяя, все ли краны открыты, перемахивал с отсека на отсек и бурно травил воздух. Это был Никитушкин, он всегда смешно стришет ногами воду...

Куда помчалась акула дальше, я не успел увидеть. Я только заметил, как бычок метнулся от акулы и спрятался под понтон.

А меня стали поднимать без выдержки, оторвали от грунта, как рыбу на крючке.

— Скорей! — закричал голос в телефоне.

Я понял, что наверху уже бушует шторм. При выходе из воды меня так качнуло, что о первую ступеньку трапа смяло полшлема.

Я непременно был бы сбит волной, если бы Подшивалов не взял меня за рожок и не втащил прямо на корабль в костюме с калошами, девятипудового.

Это мог сделать только он — первый силач на корабле. Меня сразу подхватили под руки, на ходу сняли шлем и, не раздевая, закупорили в чугунную камеру, как бычка в консервную банку.

Меня заперли сюда, чтобы я не заболел кессонной болезнью, так как с глубины был поднят без выдержек. В камеру стали накачивать воздух, как будто я всё еще

находился на дне. И даже пистолет был тут же со мной. Не было только акулы.

А потом в окошко ко мне заглядывал Никитушкин и кричал в телефонную трубку: «Тридцать, двадцать пять, восемнадцать...» Это он убавлял мне глубину. Я смотрел в зеленоватое стекло камеры и видел, как по палубе перекачивались морские волны, в окно била вода, и мне казалось, будто я действительно поднимаюсь с глубины.

Корабль качало, и я держался за скамейку. Подо мной стучали машины.

Я взял трубку и спросил Никитушкина:

— Что станет с акулой, если ей в брюхо залепить железный болт? Зарастет или нет?

— Что? Что? — спросил вдруг голос Подшивалова. — Сейчас пришло к тебе доктора Цветкова!

Он подумал, что я заболел кессонной болезнью и у меня начинается бред. Я сразу приумолк и молчал, пока «глубина» не дошла до нуля. Тогда открыли крышку камеры и выпустили меня.

Доктор Цветков пощупал мой пульс и сказал: «В порядке», а Подшивалов спросил, как легли понтоны.

Я не знал, что ему ответить.

В клубах ила, поднятого акулой, я только видел, как в понтон сквозь маленькое отверстие открытого крана стремительно вливалась вода.

— В порядке, — сказал я. — По моему борту легло четыре понтона.

— И у Никитушкина четыре, — сказал Подшивалов. — Значит, все восемь на месте.

Шторм продолжался. Мы не выходили из порта. А я мечтал об охоте на новую акулу и даже припрятал запасной болт. «А та, может быть, лежит уже мертвая на грунте», — думал я.

Едва дождался я, когда кончится шторм. Только через два дня мы вышли из порта в море к буйку, которым были обозначены затонувший корабль и притопленные возле него понтоны.

Пришли мы на место, спустили водолазов. И тут началось самое удивительное. Такого еще никогда не было в жизни нашего отряда. Даже самый хладнокровный среди водолазов — старшина Подшивалов из бледно-ро-

зового превратился в медно-красного, и по лицу пошли пятна. Водолазы обнаружили на дне пропажу понтона. Было восемь, а стало семь.

— Что? — кричал Подшивалов диким голосом. — Исчез? Украли? Да ведь в нем с водой двести тонн веса. Не срами! Ищи, а то подниму с грунта и отправлю в больницу.

Обыскивать дно спустились чуть ли не все водолазы. Горячка началась под водой, пар пошел от разведчиков.

Никитушкин в поисках понтона легко летал над водорослями, и казалось, что его тело ничего не весит, — так умело он отрегулировал воздух в костюме и так хорошо были подтянуты подхвостником его груза. Быстро травя с руки кольца шланга и сигнала, он пронесился над грунтом, как будто бежал по земле. Он то летел над водорослями наперерез течению, то вдруг падал на грунт. Пузырьки летели из-под его ног, точно и на калошах, как на шлеме, у него были золотники. Это пузырила шоколадная водоросль — фукус, лопались ее плавательные бугорки на стебле. Его даже раз накрыла своим огромным грибом хищная красная медуза со щупальцами, длинными, как у осьминога, но он вывернулся из-под нее и метнулся в сторону.

Много умения и выдержки надо иметь человеку, чтобы так свободно двигаться под водой.

А я шел по грунту и давил морские огурцы — голотурии, которые от испуга выворачивали на меня свои внутренности, и пучеглазые хищные бычки тут же поедали огуречные желудки.

У бычков был праздник обжорства. Они бросались под руки и ноги и хватали всё, что можно было съесть.

Нахальные, ненасытные, с пастью во всю голову, они ничего не боялись. Один даже цапнул меня за палец.

Если бы он был побольше, то истерзал бы зубами всё, что плавает и копошится под водой. А такой маленький, с чайную ложку, — что он может сделать? Выйдет из пальца капля крови, а соленая вода, как йод, сразу затянёт ранку.

Бурая, гибкая водоросль — тура — ремнями захлестывала мне ноги, а красная стройная — доходила до водолазной манишки. Я шарил в ней, хотя понтон был выше меня в два с половиной раза, и колот себе руки о мор-

ских ежей, потом пришлось вытаскивать эти ежовые колючки из распухших ладоней.

Звезды пятиконечные, тринадцатиконечные, алые, оранжевые с фиолетовыми пятнами и без пятен взлетали и падали мне на шлем, шевелили лучами и засыпали руки; казалось, что я попал под звездный дождь.

А в это время чей-то голос кричал мне в телефон:

— Ну как? Есть? Нашли?

Тут я наступил на какой-то темный ковер и упал, а из-под меня в туче обеспокоенных звезд, медуз, креветок и змеихвосток вылетела громадная плоская рыба.

Она хлестнула меня длинным черным хвостом по медной манишке и понеслась так быстро, что прежде чем я что-либо сообразил, уже превратилась в белесую оладью, сделав одним рывком метров двадцать. После нее еще долго продолжали ходить вверх и вниз потревоженные волокна оборванных водорослей.

Пока я искал понтон, бычки не отставали от меня ни на шаг везде и всюду, куда бы я ни повернул. Они ныряли за мной в водоросли, суетились в облачках пепельного ила, рылись в следах моих калош на песке, заглядывали со всех сторон под синие валуны, обнюхивали гальку, дрались из-за раздавленной ракушки и снова догоняли меня.

Глаза мои уже застилал соленый пот. Я еле волочил водолазный шланг. Феска у меня съехала с головы. Я то и дело прикладывался пересохшими губами к медному холодному ободку иллюминатора, на котором, как в крошечной рюмочке, стояла горькая морская вода, попавшая сверху через головной золотник.

Уже дважды я видел бледную тень, шел к ней, думая, что это понтон, но узнавал затонувший корабль и снова уходил в сторону. А чей-то голос мне кричал не умолкая: «Ну, как? Есть? Нашли?»

Ничего мы не нашли. Понтон исчез, как сквозь грунт провалился. Будто его и не было совсем.

Водолазы вернулись наверх, потные, измученные и злые.

Эта весть потрясла морские сердца от безусого юнга до старого капитана. Переполошила всех моряков.

Даже кочегар балагур Вострецов замолк. Все про наш понтон знали и все искали его, старались помочь горю.

лись помочь горю. Моряки — народ дружный. «Понтон не иголка, — утешали они Подшивалова, — где-нибудь прибило к берегу, найдем».

Наш понтон искала подводная лодка, которую мы в свое время спасли. Военные тральщики обшаривали тралами дно моря. Но понтон не нашелся. Кто же украл его? Тайна пропажи становилась всё более непонятной.

Я еще раз старательно вспомнил всё по порядку: как ложились понтоны на грунт при затоплении, как я охотился на акулу, и тут меня как будто кипятком ошпарило: «Да ведь это моя акула!» Понтон исчез с борта Никитушкина, а она как раз туда и помчалась! Мы еще не знаем, на что способна разъяренная акула. Может быть, у нее, как у раненого медведя, дикого кабана или африканского носорога, удесятерились силы?

То, что я пережил тогда, наверно не переживал ни один из водолазов во всем мире.

Сперва я хотел сказать о своей догадке Подшивалову. Но потом решил, что под горячую руку он может выгнать меня из водолазов за подводную охоту, а понтона ведь всё равно не вернет.

«Да и виновата ли еще акула? Куда ей сдвинуть понтон? — думал я. — Хорошо, но кто же тогда утянул, если не она?»

И чем больше я вдумывался, спорил сам с собой и разбирал подводную обстановку при потоплении понтонов, тем яснее мне становилось, что виновата акула. Только она! Кстати, там лежал длинный стальной трос; наверное, она запуталась за него и потянула понтон за собой на южные моря.

— А всё-таки я узнаю, куда делся понтон, — сказал Подшивалов и посмотрел на меня и Никитушкина так, что мне стало жарко.

Всю ночь я мучился, будто я сам украл понтон. Чего я только не передумал! Наконец, под утро уснул тяжелым сном. Во сне на меня в упор глядел пучеглазый щетинистый бычок.

— Ты что на меня смотришь? — спросил я. Бычок загадочно молчал. Мне сделалось страшно. Хотел бежать, а ноги, как из ваты, не бегут.

Утром меня разбудил Никитушкин.

— Вставай! — крикнул он. — Вора нашли!

— Акулу?

— Бычка.

— Не может быть,— сказал я.— Бычок унес двухсоттонный понтон? Да как он мог сдвинуть его с места? — закричал я.

— Пойди погляди,— сказал Никитушкин.

Я выбежал на палубу. У борта я заметил приведенный откуда-то понтон, а потом увидел и бычка. Он лежал на ладони у Подшивалова, маленький и щетинистый. Все разглядывали его как чудо, будто сроду не видели бычков. Виновник переполоха ходил по рукам команды, его даже потом засушили на память.

Вот проклятый бычок! Сколько времени мы потеряли из-за него, а тут еще два дня шторма! Все сделались злыми, навалились на работу и подняли корабль на целую неделю раньше срока.

Но как же всё-таки этот крошечный бычок мог уволочь такой огромный понтон?

А очень просто: он попал в отверстие понтона вместе со струей воды и заткнул его, как пробка. Поэтому в отсеке понтона остался воздух и понтон понесло по дну морским течением к берегу. Потом рыбаки заметили огромную железную бочку, которая торчала из воды, и догадались, что это и есть наш пропавший понтон. Оттуда его и прибуксировали к нам.

Виновника сперва и не заметили. Только когда стали разглядывать понтон и разгадывать причину его подвижности, увидели дохлого бычка, торчавшего из дырочки среднего отсека.

Скоро о бычке все забыли... А мне он снился еще три раза. Смотрел на меня и будто спрашивал о чем-то. Но о чем, я не могу припомнить.

И с тех пор у меня пропал интерес к охоте на акул. А запасной ствол-заряд я сдал в кладовую.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ОЗЕРО

Это было далеко от моря, в горах.

Казалось бы, что делать водолазам в горах? Ничего. Но вот портовое начальство снимает нас с корабля, сажает на самолеты и велит срочно лететь.

— Куда? — спрашиваем нашего старшину дядю Мишу.

— В горы,— отвечает он.

«Что за странная командировка?» — думаем мы.

Берем с собой на самолеты водолазное имущество и еще больше удивляемся: приказано грузить столько водолазных рубах, сколько никогда не брали даже в море.

— Куда столько?

— Пригодятся,— отвечает нам старшина, — может быть, еще и не хватит.

— Да что мы, в водопад полезем?

— Не в водопад, а в такое место, куда не ходил еще ни один водолаз.

Больше старшина ничего не сказал, и мы сели в самолеты.

Посадили нас на истребители, хотя время было и невоенное. Оделись мы в зимние шубы, а стоял апрель месяц, шапки, башлыки и очки надели. Парашюты взяли.

Я сел в кабину истребителя, и меня привязали ремнями к сиденью. Водолазные рубахи тоже со мной. А товарищи мои на других самолетах. Здорово мчались. Только одни толчки вперед чувствовали, да концы башлыка у меня трепетали, как плавники черноморской скумбрии, когда за нею гонится дельфин.

Захотелось мне, по водолазной привычке, взглянуть на грунт под ногами, нагнул голову за борт, а ее ветром так рвануло, что чуть было не оторвало совсем, еле выхватил из-за борта. Сразу присмирел. Шею потом два дня поворачивать не мог.

Лечу и думаю: «Куда же мы спешим? Что там за место особенное, в которое мы еще не спускались? Водолазы мы бывалые. Десятки пар брезентовых рукавиц стер я о стальные тросы, ржавое железо и валуны под водой. Не один пуд морских ракушек, креветок и речных улиток раздавил свинцовыми подметками. Двенадцать лет уже работаю водолазом и за эти годы, кажется, немало испытал.

Спускался я в темные отсеки затонувших кораблей, где мог заблудиться, сломать ногу, убится в провалах угольных бункеров, разрезать и придавить воздушный шланг среди толстого рваного железа.

Корабли эти лежали иногда на предельных морских глубинах, где врачи разрешали оставаться только пятнадцать, двадцать минут и подниматься с грунта два с половиной часа, чтобы от резкой перемены давления не случилась кессонная болезнь.

Спускался, например, в грязь возле Старого Петергофа, где надо было найти трубу, проложенную еще в прошлом столетии. Лягушек там было — тьма. Жили они, и никто их не тревожил, а я вот залез.

Водолазная помпа подавала мне воздух от подножья мраморной богини — статуи фонтана, а я неподалеку ввинчивался в жидкий грунт этого заросшего озера-лота. Лягушки прыгали и кричали так оглушительно возле шлема, что я сам чуть не заквакал. Влезал в бо-

лото — и надо мной смыкалась густая туча тины, грязи до тех пор, пока не нащупал подметкой старый железный трубопровод.

Застропил трубу и меня потянули наверх. Сам я вылезти уже не мог. Чуть шланг и сигнал не оборвали, пока вытаскивали. Когда подняли, был я похож на огромную лягушку.

Но нигде и никогда, ни мне ни товарищам не требовалось столько водолазных рубах для работы, сколько мы везли теперь. Что же это нас ожидало?»

И пока я так размышлял, сидя в кабине, самолет вдруг как ухнет вниз метров на пятьдесят, между каких-то гор. У меня дух захватило, слова выговорить не мог. Потом выровнялся, опять хорошо стало, я даже запел.

Но вот самолет снова стал падать на крыло, и я увидел верхушку горы, а на ней стоит торчком что-то вроде стрекозиного хвоста. Покатился я на бок. Кажется мне, что падает самолет, уцепиться не за что, за собственную шубу ухватился.

Потом мы сели, и начал самолет подпрыгивать на земле. Наконец остановился.

Расстегнули на мне ремни, и вывалился я из кабины, как куль гвоздей.

Встретили нас рабочие-нефтяники и колхозники, целая делегация, подбежали, подхватили, посадили на легкие машины и сразу повезли.

— Давно ждем вас, товарищи, — говорят.

Вдыхаем мы острый сладковато-душный воздух и видим похожие на темные портовые краны высокие вышки. Стоят они и непрерывно качают нефть. В этих богатейших промыслах нефти было огромное количество.

А возле вышек темнеют, поблескивая, как гутаперча, озера. Нефть, которую качают вышки, наполняет их до краев. Эти необыкновенные озера называют «амбарами». Миллионы рублей стоят.

Тут же на горах суетились рабочие, сооружая огромный трубопровод, по которому нефть отсюда должна побежать на нефтеперегонные заводы. Нефтепровод еще не достроили, а в одном из «амбаров» случилась авария, образовались трещины.

Это был самый большой амбар.

Нефть пробилась в нем стенку и покатила с гор, угрожая сжечь внизу колхозные поля. Еще издали мы разглядели там темно-зеленые квадраты риса и светло-зеленые всходы кукурузы. Колхозники боролись с нефтью, преграждали ей на склонах путь камнями и глиной, но это мало помогало.

Нам надо было срочно заделать трещины в большом «амбаре». К нашему приезду на его берегу уже построили пристань: забили в грунт жерди и положили на них доски. Мы наскоро сколотили и установили до самого дна амбара деревянные трапы для спусков.

Надевают наши ребята костюмы, несколько человек сразу собираются на дно идти. Принимаются к незнакомому запаху, шутят, но виду не подают, что впервые лезут в нефть.

Колхозники не отходят от нас. Тут же стоят начальник промыслов, врач и бригадир центральной вышки, которая идет первой по добыче нефти. Все тревожно смотрят на нас: они знают, что нефть быстро разъедает водолазные костюмы.

Вдруг нефтяной бригадир всмотрелся в лицо нашего дяди Миши и весело сказал:

— Эге, да это никак тезка? Вот так встреча!

Дядя Миша в свою очередь посмотрел на бригадира и узнал в нем своего старого приятеля. Бригадира тоже звали Михаилом Михайловичем. Фамилия его была Дорофеев. Был он так же высок, как дядя Миша, только поуже в плечах.

Радостно пожимая друг другу руки, друзья разговорились. Оказывается, познакомились они еще на Каспии, когда там были найдены подводные месторождения нефти, и закладывали вместе первую нефтяную вышку в открытом море.

О чем дальше беседовали приятели, узнать мне не удалось. Я уже уходил в нефть.

А нефть густая, жирная; чтобы погрузиться, надо расталкивать ее вокруг себя, поворачивать плечами во все стороны. А на дне нефть жидкая, горячая. Немало ее бригадир с центральной вышки сюда накачал!

Дошел я до грунта, потравил золотником воздух, а он не пробивает нефть, поднимает ее, как резиновый потолок, качает. Накапливается воздух вокруг шлема, звенит,

тесно ему. Будто камешки белые обступили, бегают, грохочут над головой пузырьки, нет им выхода. А кругом тьма густая, руки не повернешь. Нефть со всех сторон меня заковала, давит на грудь, на спину, обжала ноги. Воздух так надо мной и стоит, а скопится много его, тогда только пробьет он нефть и вылетает наверх. Тесно, жарко, душно мне. Запах нефти даже в костюме слышно. Много мест за свою жизнь перевидал, но такого диковинного — никогда!

Нащупал я во тьме откосную глиняную стенку бассейна и заскользил по ней боком, как по маслу. Ищу пробоину, двигаюсь сравнительно свободно благодаря заботам старшины дяди Миши. Он там наверху мой шланг-сигнал не задерживает и слабины лишней не дает, как раз по ходу травит, облегчает мне поиски.

А где-то в стороне от меня водолаз Никитушкин во тьме ходит, тоже вслепую ищет. Интересно, как его пощипала нефть?

У меня нефть уже съела резиновые прокладки в автоматических клапанах, и они непрерывно травят воздух, даже гудят. На головной золотник теперь не жму, воздух сам собой летит.

Потом слышу — по животу что-то горячее поползло. Это нефть проела где-то рубаху. Шланг тоже повредила, и он травит воздух, будто кто его проклевал.

А трещины в стене еще не нахожу. Пополз скорей, тороплюсь, шарю по стенке, обливаюсь потом. А трещины нет. С чем же выйду? Ведь наверху нефтяники с колхозниками стоят, помощи ждут! Шарю по стенке. Руки дрожат, голова кружится от запаха нефти, перехватило горло. Покатился я по глине, и вдруг схватило мою руку и потянуло ее куда-то. Сразу понял, что это щель.

Сигналю: «Здесь!» Телефона не было, его всё равно бы съело. Сверху ответили на сигнал и спустили по оттяжке парус на железных трубах, иначе бы он не утонул. Расстелил я его на трещине. Потом мешки мне парусиновые с глиной стали спускать. А я их один возле другого на парусину кладу. Тороплюсь скорей успеть, пока нефть костюм не разъела. А мешки тяжелые, еле ворочаю. Эх, сейчас бы я их мигом на брезент покидал! Но нет у меня лишнего воздуха в костюме.

Помню, при постройке одной речной пристани я легко клал под водой в железную корзину такие валуны, что наверху двенадцать сильных мужчин кряхтели, едва выворачивали эту махину из корзины и удивлялись, как я мог один такую тяжесть на дне одолеть.

А я их воздухом поднимал. Обхватываю валун, накоплю побольше воздуха, рубаха раздуется до отказа, гляжу — он и отрывается от грунта.

Тут я его сразу опрокидываю в корзину. Только надо не прозевать, в ту же секунду стравить воздух из рубахи, а не то улетишь вверх ногами и повешешь себе кровеносные сосуды.

Но здесь не река, — воздух изо всех дыр летит. Рубаха прилипла к телу и не то, чтобы мешки воздухом поднимать, для себя его не хватает, сплошным бензином дышу.

Рук и ног не слышал я, когда тридцать мешков на парусину уложил.

И тут дали мне сигнал: «Выходи!». Наверно, у других водолазов рубахи съело; они вышли и меня решили поднимать. Дернули за веревку и потянули вверх.

А у меня под ногами еще два мешка остались на парусину не уложены. Нефть бьет под край брезента, снова размоет трещину. Сигналю: «Подождите!» А меня тянут. Уперся я ногами в грунт изо всех сил, чтобы не сдернули с места, упал на мешок с глиной, обхватил его и швырнул на брезент. Хотел тут же за последний мешок ухватиться, но меня так стиснули сигнальной веревкой, что даже рубаха в тело врезалась.

«Эх, — думаю, — пропадут ведь труды нефтяников и колхозников да и наша работа пойдет насмарку!»

Выдернул с размаху тугую веревку из рук товарищей — иначе меня перерезало бы пополам сигналом — и так рванулся к мешку, что сразу продвинулся на целый метр вперед. Задыхаясь от нефти, упал я на глиняный десятипудовый мешок и поднял его, как обыкновенный строительный кирпич. Откуда только и силы взялись! Не помню уже, как я его на брезент швырнул. Слышал только, как что-то горячее всё тело облило, будто прямо с огня чугунок крутой каши на меня опрокинули. Не помню также, как меня наверх поднимали.

Мне было весело, всё нипочем. Чувствовал только, будто головой тугую резиновую стенку пробиваю.

Подняли меня наверх, а я ничего не вижу, весь нефтью залит. Воздух мне продолжают качать, чтобы я в костюме не задохся. Наконец протерли иллюминатор, и я увидел перед собой гору тряпок. Товарищи разбирают эти тряпки, обтирают меня со всех сторон, мешков пятнадцать, наверное, истратили. Потом сухой глиной стали обкатывать. Водой — бесполезно. А на мне всё разъезжается. Рукав рубахи, чуть дотронулись, он и отвалился. Съела костюм нефть. Шланг съела, — полез как тесто. Проволока стальная спиралью вылезла из него, как пружина из старого дивана. Калоши тоже съела, — остались одни свинцовые подошвы да медные шурупы с деревянными стельками. То же осталось и от костюмов моих товарищей. Пятнадцать рубах мы в этот день погубили и немало колен шланга. Не зря начальство позаботилось о лишнем снаряжении.

Раздели меня, вернее — по кускам костюм отодрали, я слышу — что-то живот жжет. Смотрю, а под костюмом всё шерстяное водолазное белье по грудь в мазуте. В бане потом отмывался. Кожа на животе слезла. У Никитушкина, работавшего возле меня на соседней пробойне, костюм разъело немного. Он раньше меня вышел. А дядя Миша после нас заделал самую большую пробойну, уложил на нее сто двадцать мешков. На полчаса дольше всех пробыл в амбаре. У нас с Никитушкиным кожа слезла только на животе, а он весь до пяток облупился.

Зато аварию в амбаре мы полностью ликвидировали. Правда, после этого нас еще не отпустили с промыслов. Дирекция, опасаясь новой аварии, продержала нас до окончания укладки нефтепровода. Но все опасения оказались напрасными: пробойны мы заделали на совесть.

За хорошую работу, на митинге, устроенном в честь пуска нефтепровода, нас наградили ценными подарками, а вместе с нами и бригаду Дорофеева, первую по добыче нефти.

На митинг пришли колхозники и в знак благодарности за то, что мы спасли их поля от нефти, подарили большую лохматую овцу. Подали ее в руки нашему

старшине. А овца билась и кричала в руках дяди Миши, не давая ему произнести ответное слово от имени нашего отряда. Наш старшина и без того был неважный оратор, а когда пытался еще приукрасить речь, то окончательно запутывался, будто в густые высокие водоросли-ламинарии заходил. Овца его совсем доконала. Он пытался еще что-то сказать, потом безнадежно махнул рукой и под шумные аплодисменты собравшихся уступил место на трибуне нефтянику Дорофееву.

От имени рабочих поселка он поблагодарил нас за оказанную помощь и рассказал о богатом будущем промыслов.

В конце митинга нам подали пассажирские самолеты. Духовой оркестр заиграл марш, разнося гулкое эхо в горах.

Быстро наступали сумерки. Нас посадили на самолеты, не забыв при этом и овцу, и мы поднялись высоко над поселком.

Далеко под нами проплыл знакомый огонек центральной вышки. Как большие зеленоватые зеркала, поблескивали при отраженном свете ламп тяжелые нефтяные озера.

Мы сделали над ними прощальный круг и полетели к морю.

„КОФЕЙНИК“

Я навсегда запомнил колодец, в котором однажды застрял и чуть не остался совсем.

Попал я в него не новичком водолазом, а после работы в течение ряда лет на больших морских глубинах.

Но одно дело в море. Опытному водолазу на больших глубинах не страшно.

В просторном море не заблудишься на дне. Если даже уйдешь очень далеко, то компас обратно приведет.

А в неглубоком, тесном приемном колодце никакой компас не поможет. Да он и не нужен вовсе.

Колодец находится в земле, только небольшая часть его выступает на поверхности и плотно закрыта крышкой.

Стены у него бетонированные, гладкие, облегчающие его очистку. Вода в такой колодец попадает по широкой трубе из реки, а затем идет по мелким трубам через другой колодец — перепускной — на завод, в цехи.

Большие заводы на своем дворе имеют по многу приемных колодцев, берущих воду из реки: перепускных, распределяющих воду по цехам, и выносных — для выпуска отработанной на заводе воды в канализацию.

По форме колодцы бывают квадратные, круглые, как шар, и цилиндрические.

Есть еще в форме усеченного конуса. Это колодцы с узкой круглой крышкой и широким дном. Их называют «кофейниками».

В таком колодце трубы, идущие на завод, расположены в земле под небольшим углом и напоминают носок кофейника, чем очень оправдывают название колодца.

Вот в один из таких колодцев я и попал.

Мой старшина, с которым мы прибыли на завод, старый опытный водолаз-речник дядя Миша, предупредил меня, чтобы я внимательно осмотрел стены колодца, да не зацепился бы за что-нибудь.

Выслушав предупреждения, я спустился через узкий люк, но серьезно к наставлению старика не отнесся. «Подумаешь, невидаль какая — колодец!» — решил я, бегло оглядываясь вокруг себя.

Это был «кофейник», но не с гладкими бетонными стенами, а старой конструкции, рубленный из бревен, шестигранный.

Мне навсегда запомнился его ствол, покрытый зеленой плесенью, жирными улитками, красноватыми от ржавчины болтами, выступавшими из прогнивших венцов сруба. «Кофейником» давно уже не пользовались.

Но время было послевоенное. Завод восстанавливался и заново реконструировался. Строились новые цехи. Включены были все колодцы. Воды уже не хватало. И пока строились новые заводские колодцы, решено было пустить старый, с бревенчатыми стенками. Мне надо было очистить его от обильных осадков речного ила, песка и грязи.

Вода в колодце была тусклая, мутно-кофейная. Пересекая стекло моего иллюминатора, врассыпную разбегались потревоженные жуки-плавунцы и прятались где-то в выемках между бревен.

Что-то длинное коричневое сильно встряхнуло мой резиновый шланг и ринулось в глубь колодца. Что это? Рыбы тут не водилось, неоткуда ей было тут взяться. Как я позже узнал, это была выдра. Любительница заброшенных водоемов имела здесь среди старых бревен и ржавых труб свои таинственные ходы и выходы.

В стоячей воде колодца держалась глухая тишина. Носки окованных красной медью водолазных калош ударились о стены, и толстые старые бревна издавали только короткий тупой звук.

Но иногда, непонятно откуда, в колодце вдруг возникало гулкое эхо со множеством перекатов и неожиданно исчезало во тьме. Может быть, оно прибегало сюда издали по трубам из шумных заводских цехов.

Когда я достиг дна колодца, мне спустили сверху бадейку. Грязь на дне поднималась до водолазной машинки. Я долго вычерпывал ее бадейкой, сильно устал в тесноте и тьме, пока не услышал, наконец, как застучали по твердому дну мои свинцовые подметки.

Выполнив всё, что было задано, я стал выбираться обратно, но вдруг почувствовал, что ударился головой о стенку. Эхо с гулками перекатами прогремело у меня в шлеме и также внезапно затихло.

«Откуда тут стенка?» — удивился я.

Ощупав над собой навес из бревен, я увидел, что действительно кверху хода нет. Странно. Как будто я вверх ногами в колодце перевернулся. «Наверно, выход сбоку», — решил я.

Свернув в сторону, я опять нащупал стену. Пошел в другую сторону — тоже стена. Кругом стены. Попал как в мышеловку.

Но не пропадать же мне! Где-нибудь да должен быть выход, шланг и сигнал ведь куда-то ведут!

Пошел по направлению шланга и нашел отверстие между бревнами.

«Если это выход, — подумал я, — то почему он такой

узкий!» Как я ругал себя сейчас за то, что, спускаясь в колодец, внимательно не осмотрел все стены донизу! Ведь не мог же колодец вдруг так сузиться!

Согнувшись в три погибели, я шагнул туда. Тотчас на меня сверху посыпалось, забарабанило по шлему, на руки и ноги, обжатые костюмом, упали какие-то тяжелые комки. Везде что-то перекатывалось, аукалось. Было темно и тесно.

Куда же я залез?

Наконец мой шлем уперся во что-то. Это был тупик... Я понял, что заблудился. Под ногами у меня звякнуло, я отковырнул комки глины и нащупал две небольшие металлические трубы. Значит, я попал в носок «кофейника» на венцы бревен, под землю! Надо было срочно выбираться отсюда, пока не придавила какая-нибудь глыба.

Я быстро набрал на руку кольцами шланг-сигнал и вернулся к отверстию. Но что-то уже произошло с бревнами. Отверстие замкнулось. Пролезть в него было невозможно.

Я стал толкать бревна руками, но они не поддавались. Наверно, очень сильно осели. Тогда я нажал на них изо всей силы плечом, и они пошатнулись. Обрадованный, я оттолкнулся ногами от края и, сев верхом на бревно, выехал из носка «кофейника».

Наверху обо мне уже беспокоились. Бадейка давно не работала, а я всё еще возился в колодце. Дядя Миша дергал за сигнальную веревку, приказывал выходить.

Но я решил сперва поставить на место отошедшие бревна, чтобы из носка «кофейника», вернее — из отверстия, образовавшегося между осевшими заводскими трубами, не сыпалась в колодец земля.

Теперь мне было известно, где верх и низ, где правая и левая сторона. Справа в стене был носок «кофейника», а слева — широкая речная труба.

Я поставил на место отошедшие бревна и натянул шланг. Но его где-то наверху заело. Я осторожно всплыл, легко ударившись обо что-то шлемом, и нащупал место, где был зажат шланг. Он тесно сидел меж бревен, как в прорези амбразуры дота. И как только его не раздавило! Я потянул шланг наружу, вывел его за концы бревен и нашел выход. То, что мне прежде преграждало

путь, оказалось не стенкой, а старыми бревнами. По-видимому, они вышли из венцов сруба от ударов о них бадейки, когда поднимали грязь со дна.

Бревна раздвинулись. Вода уже тускло пропускала сквозь кофейную муть дневной свет, и я увидел весь ствол колодца.

Ну, наконец-то выбрался!

Но радовался я преждевременно. Мои испытания еще не кончились.

Когда я складывал в венцы преграждавшие мой путь бревна, то вдруг почувствовал, как что-то крепко схватило меня за шлем у затылка.

Я точно приклеился к стенке колодца. Не понимая, в чем дело, я стал крутить головой, чтобы освободиться... Но все было напрасно.

Тогда я поднял руки, чтобы нащупать место, где застряла моя голова, но их не позволяла высоко поднять медная манишка.

Вот когда мне стало ясно, что не одни только морские судоподъемные работы требуют мастерства и внимания!

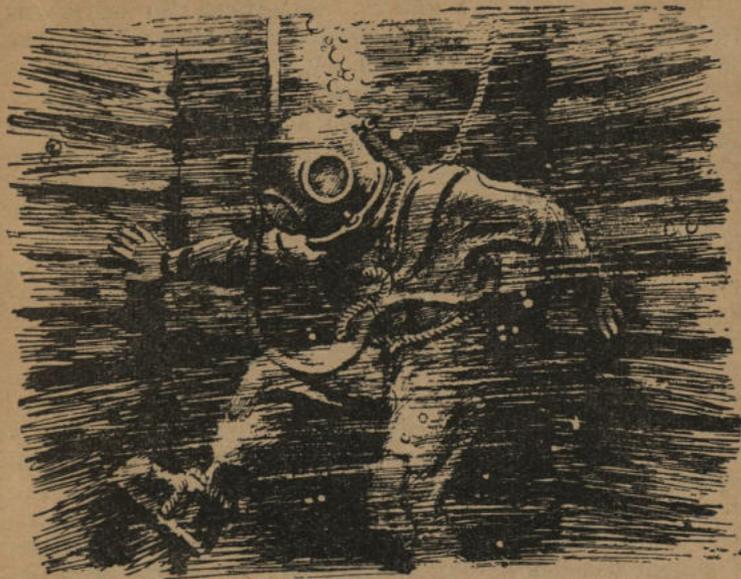
Обидное, глупое положение — застрять в городе, посреди заводского двора!

Хорошо еще, что ко мне поступал воздух, шипел и подбадривал. Да иногда блуждающее эхо громыало по невидимому срубу. Телефона со мной не было, телефонный провод в узком колодце — только помеха. Поэтому медный телефонный рожок у меня на затылке был закрыт глухой гайкой, чтобы через него в шлем не попадала вода.

По сигнальному концу мне сделали рывок, что означало: «Как себя чувствуешь?» Рывок был где-то за спиной, тихий, едва уловимый. Я хотел ответить, но не мог найти веревку. Где же она? Исчезла, будто ее обрезали. Зная, что веревка проходит через отверстие грудного груза, я шарил, но не находил.

Вдруг с внешней стороны сруба раздалась какие-то глухие стук о бревна. Казалось, будто кто-то бежит по венцам колодца, то справа, то слева. Наконец кто-то остановился рядом со мной возле локтя и затих.

«Наверно, опять это бродячее эхо», — подумал я, как вдруг что-то легонько толкнуло меня в бок, и я поймал

в руки гладкую палку. Это был конец шеста, который мне подали сверху...

Но и шест не помог, и я отпустил его обратно...

Собрав все силы, я стал поворачивать плечами, опускать и поднимать их. Рвался вперед, вверх, вниз, в стороны. Приседал, становился на носки свинцовых подметок, поджимал колени.

Каких движений только не выдумывал, чтобы освободиться! То стравливал весь воздух, даже дышать нечем становилось, то удерживал его так, что костюм раздувало, как дирижабль, а шлем поднимало, и трудно было достать головой до воздушного золотника. Я даже пальцами перебирал, шелкал и кричал. Чего только не перепробовал. Ничего не помогало!

Вконец измученный и обессиленный, я повис, как рыба на крючке. Силы оставили меня. Я знал, что спуститься ко мне дяде Мише нельзя, потому что нет запасной помпы, которая качает воздух. А от водолазной базы мы находились далеко.

Сколько я пробыл навесу, не помню. За это время перебрал в памяти весь свой морской опыт. Вспомнил, как однажды на Черном море у Одессы зацепился вот так же на затонувшем корабле. Глубина была большая, грунт — синяя глина, как будто прибита, а калоши вязнут. И всё в траве. На самом грунте ничего не растёт, а какой-нибудь предмет со спичку величиной оброс и кажется толще бревна. Издали обросший корабль — точно бурый медведь. Подходишь и видишь, что он весь в траве. И вот на таком корабле зацепился я медным телефонным рожком на шлеме за бортовой леер — толстую проволоку, идущую вдоль борта. Вода светлая, леер вижу, а рукой до затылка не достать, манишка не пускает. Бегаю вдоль леера, натягиваю его то вверх, то вниз, пока не сообразил, какое движение нужно сделать, тогда и освободился.

Но там я зацепился за стальную веревку и мог двигаться вправо, влево, а здесь я был припаян к стене. Там я мог видеть все вокруг себя, а здесь — полная тьма. Всё же этот случай помог мне сообразить, за что именно я зацепился. Гвоздей и проволоки в колодце не было. Значит, меня поддел болт.

Вот когда я вспомнил ржавый болт с железной прокладкой на бревне, а возле него толстую жирную улитку. Спросите у меня сейчас, какой формы был этот болт, какая толщина плесени, ее цвет, размер улитки, и я вам все это изображу даже с закрытыми глазами. Болт и улитка будто сфотографировались у меня в памяти.

Долго я кружился и совсем выбился из сил. А болт только скрипел от моих движений и не отпускал меня, пока я точно не представил себе, как он поворачивается в бревне. Только тогда я сделал верное движение — вверх и вправо — и наконец сорвался с болта.

Не веря собственному освобождению, я выпрямился и сделал несколько шагов. Шлем поворачивался во все стороны.

Я был свободен. Как же это вышло? Я осторожно оступал на стене страшное место. В руке моей оказался изогнутый болт, который поворачивался в бревне в виде буквы «Г». На нем я и висел.

Он поддел меня, как я уже прежде догадывался, за медный телефонный рожок и держал до самого послед-

него моего движения. Того именно движения, какое было нужно, чтобы болт повернулся в бревне и выпустил рожок.

Всё надо знать. Я, наверно, минут пять крутил рукой болт, пока не понял, как он вращается.

А потом я нашел свой сигнальный конец. Он был захлестнут через плечо за спину под туго зажатую манишку.

Я дал сигнал поднимать меня.

Но прежде я обшарил все вокруг и очень осторожно отодвинул торчащее на пути бревно обратно в венец. Только тогда, раскинув руки в стороны, как крылья, чтобы вовремя встретить преграду, я оттолкнулся от бревна.

Поднимаясь кверху, я еще дважды ударился своими широкими плечами о сруб, где ствол колодца стал совсем узким. И, наконец, что-то сверкнуло у меня в глазах. Перед иллюминатором заплясали резкие желтые пятна и ослепили меня. Я зажмурил глаза, затем открыл их и увидел, что уже стою на верхнем срубе колодца, среди просторного заводского двора, освещенный со всех сторон ослепительным светом нескольких десятков ламп.

Было около двенадцати часов ночи. Народу вокруг собралось много. Рабочие ждали меня, забыв об отдыхе. Тут же стоял директор завода. Он уже готов был дать молнию о помощи на водолазную базу.

И мне стало нестерпимо стыдно, что я заставил зря волноваться столько людей.

Мой старшина, водолаз дядя Миша, старый речник, подлинный хозяин пресных водоемов, блестящий знаток всяких колодцев, пристаней, мостов, водоприемников, курил трубку и молчал. Он отлично понимал, какой я получил урок.

Прошло три года.

Мне пришлось вторично попасть на тот заводской двор, в памятный для меня «кофейник». Теперь у него вместо старых деревянных срубов были уже гладкие железобетонные стены.

Но всё-таки я с благодарностью вспоминал старый бревенчатый колодец, который научил меня внимательно относиться ко всякому делу, к каждой, казалось бы самой незначительной, мелочи в работе.

ПОДВОДНАЯ ТАЙГА

Среди самых разнообразных работ, какие нам, водолазам, приходилось выполнять в послевоенные годы, пожалуй, самой опасной и трудной была работа на реке Оби, в местах крупных рыбных промыслов.

Слышали ли вы когда-нибудь о подводных лесорубках?

Нет, конечно, потому что такой профессии прежде не бывало. Нам первым пришлось пилить и выкорчевывать подводную тайгу.

Но это была не та известная всем лиственнично-кедровая сибирская тайга, в которой водятся пепельно-серая белка, шелковистый соболь, лисы — «огневка», «серебрянка» и «чернобурка», бронзовая куница и гибкий горностай.

Это была не та тайга, где бродят широкогрудый бурый медведь, рогатый лось и кричат целый день прожорливые кедровки.

Это была мертвая тайга. Зарывшись тяжелыми корневищами в донный песок, стоят здесь безжизненные, подводные деревья. Они как скелеты, кора на них обглодана, мелкие ветви сбиты стремительным течением, а крупные сучья торчат, как бивни доисторического мамонта.

Деревья эти прежде росли в живой сибирской тайге по берегам Оби и Иртыша. Некоторые из них обрушились в воду вместе с подмытым берегом, другие были сломлены бурей.

Местные рыбаки называют эти деревья «задёвами» за то, что они рвут сети.

«Задёвы» не всегда стоят на дне сплошной стеной, как живой лес. Между ними бывает расстояние в десятки и сотни метров.

Встречаются и путешествующие «задёвы». Борются с ними почти невозможно, потому что они неожиданно появляются в самых различных местах. То на середине реки течение забьет их в грунт, то навалит у крутого поворота в подмытые берега. Корни и толстые сучья «задёв» подстерегают днища рыбацких лодок под самой поверхностью воды.

Немало хлопот и убытков причиняла рыбакам подводная тайга. Невод длиной в полкилометра стоит больших денег, а его приходилось то и дело чинить. Погибал при этом и улов — уходила обратно в Обь дорогая крупная рыба: нельма, навага, осетр, таймень, стерлядь, налимы, харюсы, щуки, сороги и рыба мелочь вроде линя, пещаря, голяна и бычка.

Рыбаки стремились дать стране как можно больше рыбы. Но при таком положении создавалась угроза плану, у рыбаков не было уверенности в том, что они смогут полностью выполнить свои обязательства.

Пытались они сами бороться с «задёвами» при помощи стального троса с гирей на конце. Но тросы рвались, гири, которые они спускали для захвата дерева, тоже оставались под водой.

Тогда и решили послать нас выкорчевывать этот подводный лес.

В середине лета наша водолазная станция прибыла на «пески». Они были совсем не похожи на гладкие, золотистые пески морских пляжей.

«Пески» в Оби, как вязкое тесто, устилают дно реки на глубине от десяти до сорока метров. Они схватывают и засасывают целые деревья в несколько обхватов, которые падают в Обь во время бурь и половодья.

По берегам реки стояла дремучая сибирская тайга. Некоторые деревья были так сильно подмыты, что видны все корни и можно было залезть под дерево, как в пещеру. Сверху лежит пласт чернозема, ниже — глина и песок.

Неподалеку расположились рыбацьи поселки с высокими домами, школами и больницами.

Всё было ново на Оби водолазам нашей станции: они до этого никогда здесь не бывали. Только я знал сибирскую тайгу. Я родился в Сибири.

Вечерами, по окончании подводных работ, наша база, размещенная на рыбацьем неводнике — прочной большой лодке с водолазной рубкой, становилась у берега, возле небольшой таежной поляны.

И пока готовился ужин, под звон комаров и неумол-

кающий шум вечерней тайги, я рассказывал приятелям об охоте, рыбной ловле и осеннем промысле кедровых орехов.

На рассвете, когда птицы еще только заводили свою торжественную песню, я брал ружье и до начала работ успевал побродить в лесу.

Красные стволы лиственниц расступались передо мной и опять смыкались сзади в сплошную стену. Местами деревья были в три — четыре обхвата. Их широко раскинутые сучья походили на зеленые бархатные лапы. Серый лишайник свисал с них длинными бородами чуть не до земли, устланной густой хвоей.

Вот ствол-великан, поваленный бурей, и в его изломе, как стеклышки, сверкают капли янтарной смолы. Вот холмик, и взбежавший на него молодой осинник будто перешептывается своими круглыми листьями.

Но чудесней всего — неожиданная дорога среди тайги. Не рубленная ничьим топором, не мятая никем, дорога — сама по себе. А по ней среди свежей травы расстилаются, насколько хватает глаз, белые ночные фиалки-любки. Смотришь, и думаешь: «Куда ведет эта сказочная дорога?»

Вскоре я сманил в тайгу нашего старого водолаза дядю Мишу. Особенно его заинтересовал малинник, который рос на одной из ближних полян: дядя Миша малину любил.

И каждое утро, прежде чем мы успевали сесть за чай, дядя Миша появлялся из тайги. Пряча в усы довольную улыбку, он ставил перед нами на палубу полное ведерко крупной, сочной, бархатистой малины, которая будто светилась изнутри розовым светом таежной зари.

Мы грозились, что как-нибудь встанем пораньше и оборвем всю его малиновую кладовую. Но старик отшучивался, говоря, что, пока мы соберемся, вся малина уже отойдет.

Нам предстояло в трехмесячный срок обследовать несколько «песков» на Оби и постепенно срезать на них весь подводный лес.

Так как работа подводных лесорубов была для нас совершенно новой, то нам дали очистить сначала наименее

трудные «пески», а потом, когда мы освоимся, приступить к выкорчевке самого трудного участка.

Но вдруг нашего старшину Подшивалова срочно вызвали для переговоров.

Мы встревожились. И в самом деле, старшина пришел нахмуренный, серьезный и велел срочно готовиться к отплытию.

— Вот, ребята, — сказал он, — придется, видно, нам что называется, брать быка за рога — начинать работу с самого тяжелого «песка». Сейчас получил срочное задание.

— Ого! — крикнул дядя Миша и почесал затылок.

Мы перебазиrowались к консервному заводу и сразу же приступили к работе.

У нас, водолазов, есть своя мощная техника. Гидромониторы сосут и роют нам грунт, водолазные электрические пилы заменяют ручные ножовки, огромные чугунные щиты, спущенные под воду, охраняют места наших работ на очень сильном течении.

Но всей этой техникой в условиях Оби воспользоваться нам не удалось из-за отдаленности «песков» и особой срочности задания.

Приходилось полагаться главным образом на свой водолазный опыт, умение и настойчивость.

«Пески» сразу преподнесли нам целый ряд неприятных неожиданностей.

Мне первому пришлось испытать их. Я спустился по стальной оттяжке с неводника в летнем водолажном костюме. Мгновенно бешеное течение подхватило меня и чуть не сорвало с оттяжки.

Я ухватился покрепче и, вглядываясь в желтый вьющийся полумрак, двинулся вниз. Буквально через три метра наступила полная тьма...

И вдруг я почувствовал, что кто-то схватил меня железными, как лед холодными, руками. От неожиданности я даже поджал ноги.

Это я вступил в полосу ключевой воды. Она обжигала меня, леденила под мышками, но я продолжал спускаться.

Хуже всего стало, когда я погрузился в нее весь. Я сделался сразу очень легким, казалось, звенел, точно был из железа. А тут еще будто бритвой меня по щеке

полоснули. Это я, наклонясь, нечаянно пережал головной золотник и впустил к себе через шлем тонкую струю воды.

Руки у меня онемели. Хотелось на них подуть, но это было бессмысленно под водой. Я даже потереть их не мог одну о другую, так как нужно было изо всех сил держаться за трос, к тому же в руках еще была пила-ножовка с тяжелой металлической ручкой.

Когда я почувствовал, что руки мне больше не повинуются и меня вот-вот оторвет от троса, а это значило бы неминуемо разбиться о подводные деревья, я дал сигнал быстро поднимать меня.

Работать в летних рубашках оказалось невозможно. Рукава у них без рукавиц и кисти рук остаются обнаженными... Чтобы не проникала в костюм вода, руки на запястье туго обтянуты резиновыми манжетами. В теплой воде легче работать без рукавиц, удобнее держать в руках инструмент.

А теперь к манжетам летних рубашек срочно пришлось подклеить зимние резиновые рукавицы.

Но река выкинула новую каверзу. Дядя Миша под водой на секунду выпустил отяжку из рук, и его так стукнуло об одну из «задёв», что целый месяц болело плечо и плохо слушалась рука.

Река словно мстила нам за то, что мы хотим отнять у нее подводный лес.

Рыбаки, видя наши трудности, всячески старались помочь нам. Могучий, с длинной светло-рыжей бородой, бригадир рыбаков предложил соорудить для нас заслон из бревен на тросах и якорях. Но для этого потребовалось бы много времени, да еще неизвестно было, выдержит ли это сооружение напор воды.

А время не ждало. Уходили дни, лучшие дни для рыбной ловли, и мы решили обойтись своими силами.

Рыбаки окружили нас исключительным вниманием. На этот участок они возлагали большие надежды. Они кормили нас нежной нельмой и заливными осетрами. Не было у нас недостатка и в отличной таежной дичи.

Но самые жирные гуси и утки не лезли нам в горло. А у Подшивалова так и совсем аппетит пропал.

Работа шла до обидного медленно, хотя мы и трудились, не жалея сил.

К каждой «задёве» требовался свой подход и особое приспособление. Одни «задёвы» стояли на дне вертикально, доставая вершинами чуть ли не до поверхности воды. Другие были в наклонном положении. Третьи совсем лежали, полузасыпанные песком.

Толстые стволы деревьев укрывали водолазов от бешеного течения. Пилить их приходилось так, чтобы течение не зажало ножовку. Поэтому мы подпиливали ствол с разных сторон и поневоле выходили из-за дерева навстречу течению. А тут только следи, чтобы тебя не опрокинуло вниз головой и не унесло.

Затрудняло работу не только стремительное течение, но и ползучий грунт.

Начнешь пилить дерево, ляжешь для удобства на дно, а течение тебя покачивает, и пила попадает уже не в надпиленное место. То и дело рукавицей подпил нащупываешь.

А потом чувствуешь, как всё лучше и лучше становится пилить, течение уже совсем не мешает. Казалось бы, хорошо? Не тут-то было. Это тебя уже песок прико-

вал. Сперва он кажется мягким, но поработаешь час — и уже не встать с грунта: присосался. Обский песок — из породы пльвунов, когда его расшевелишь, — он, как грязь. А потом затвердеет, как цемент.

Пилить дерево надо было вровень с грунтом, чтобы пень не порвал невода.

Но песок мог переместиться и размыть корни спиленного дерева. Поэтому на пень мы набивали еще «подташни» — толстые стальные прутья — и выгибали их дугой.

По ним, как по салазкам, можно было без риска протащить рыбачий невод.

Очень мешала нам и полная темнота. Было очень просто зацепиться во тьме шлангом за подводные деревья.

Я лучше моих товарищей знал особенности живых таежных деревьев и поэтому легче справлялся на дне с «задёвами», но и то раз чуть не поплатился жизнью.

Огромный ствол «задёвы» был почти распилен, но почему-то не поддавался, сколько его ни дергали подведенным сверху стальным концом. Тогда я зашел с обратной стороны подпила, чтобы свалить дерево топором. Я успел ударить всего один раз, как дерево стало падать, сгибаемое течением. У меня сразу мелькнула мысль о шланге, который остался на той стороне и мог быть придавлен тяжелым, как чугун, давно уже потерявшим свою плавучесть, набухшим деревом.

Я кинулся в сторону, чтобы выдернуть шланг из-под падающего на грунт ствола, и тут же сам упал рядом с пнем. Ногу мою засосал донный песок.

Тогда я с силой рванул ногу, и калоша, сорвавшись с плетенок, осталась в грунте.

В этот миг меня поразила сразу наступившая в шлеме тишина. Слышно было, как шумит уносимый течением песок. Стало понятно, что шланг придавлен деревом и не поддавался. Дернул еще несколько раз, — не помогло.

Становилось тяжело дышать. Запас воздуха в шлеме быстро иссякал. Я знал, что достаточно только на секунду растеряться — и пропал. Надо было действовать.

Мне пришлось нащупать во тьме пень и подтащить на него шланг и сигнал, который тоже был зажат.

Сильным ударом топора я рассек пополам веревку, затем шланг вместе со спиральной проволокой внутри и, выронив топор, полез на коленях по грунту, нашаривая соседнее, еще не срубленное дерево.

Через обрубок шланга в шлем не могла попасть вода. Этого не допускал невозвратный клапан у соединения шлема со шлангом. Я мог обрубить калоши и груза, чтобы всплыть, но, помня случай с дядей Мишей, не сделал этого. Меня мигом расшибло бы о подводные деревья или унесло стремительным течением. Сберегая остатки воздуха, я ухватился за вросшее наклонно в грунт соседнее дерево, которое доходило вершиной почти до поверхности, и стал изо всех сил карабкаться вверх, хватаясь за редкие полуоббитые сучья.

У меня стучало в висках, перед глазами плыли красные круги. Я задыхался, но продолжал ползти. Наконец увидел желтый свет верхнего слоя воды, но сознание уже помутилось.

Я пришел в себя на палубе нашего неводника и сказал водолазам, что в последний миг через стекло шлема

видел подводного лешего с бородой цвета воды, который меня схватил, чтобы унести обратно вглубь.

— Не этого ли лешего ты видел? — спросил меня Подшивалов и указал на еще мокрого рыжебородого бригадира рыбаков, который, обмотав себя веревкой, с риском для жизни нырнул с неводника и поддел меня багром за шлемовый рожок.

Три дня я отлеживался. Дорогой ценой обошлось нам выкорчевывание подводного леса на важном рыбо-ловецком участке. Сроки истекали, затрачено было много сил, а сделана всего лишь одна треть намеченных работ.

Наконец были спилены толстые деревья, и мы принялись за тонкие.

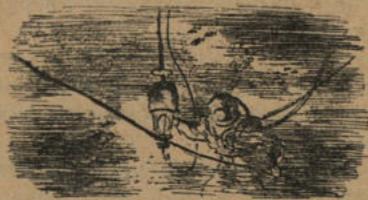
Тут уже мы применили взрывы. Стали закапывать в грунт под самые корневища деревьев шашки тола и вырывали их целиком, даже не прибегая к помощи пил или топора. Теперь работа пошла быстро, один за другим из тьмы, сквозь желтый полумрак, выходили обглоданные рекой деревья с железными плодами на ветках. То были гири, сорванные с тросов, которыми рыбаки пытались когда-то выдернуть «задёвы».

Работали мы упорно и закончили всё в срок.

Рыбаки при первом же заходе поймали здесь столько рыбы, что даже не смогли сразу вытащить невод.

После этого трудного участка с остальными «песками» мы справились уже легко.

Вскоре на очищенных нами «песках» Оби и ее притока Иртыша рыбаки стали вытаскивать полные невода добычи.

СЛОВАРЬ

Баклан — морская птица. Прекрасный рыболов, быстро и глубоко ныряет.

Банка — поперечная доска для сидения в шлюпке.

Брандвахта — баржа с жилым домом на палубе. Ведет охрану реки и берегов на случай пожара или аварии судна.

Боцман — старший команды. Должен хорошо знать все корабельные работы. Обучает команду морскому делу.

Вира — команда: «Вверх!», «Выбирай!», «Поднимай!», «Вытаскивай!»

Водолазные груза — тяжелые свинцовые плитки, которые навешивают на грудь и спину водолаза поверх костюма. Без них водолаз не сможет погрузиться. Чтобы груза не болтались, их связывают на плечах и внизу между ног плетеными веревками. Вербки, которыми привязаны груза наверху, называются брассами, а веревка, которая привязывает их снизу, называется подхвостником.

Водолазные калоши — обувь водолаза. Калоши смазывают салом и затягивают на ногах ремнями или веревками. Носки у них оббиты красной медью, а подошвы свинцовые. Тяжелые подметки нужны водолазу для устойчивости, чтобы его не перевернуло вверх ногами.

Водолазная манишка делается из меди, надевается водолазу через голову на плечи. Манишка с болтами. Сверху на эти болты навинчивается водолазный шлем.

Водолазная помпа — воздушный насос. Находится помпа в деревянном ящике. По бокам ее — чугунные маховики. Их вращают рабочие-качалщики. Стальные поршни в цилиндре засасывают воздух и гонят его по шлангу под воду. На больших морских глубинах вместо помпы применяется моторный компрессор.

Водолазная рубаша делается из резиновой ткани, которая называется: тифтик. Водолаз влезает в рубашу через фланец — резиновый воротник; сначала просовывает ноги, потом товарищи растягивают тугой фланец во все стороны, и он влезает весь. Под рубашу обычно надевают шерстяное белье — свитер, рейтузы, чулки — и на голову — шерстяную шапочку-феску. Зимой водолазы работают в зимних рубашах с рукавицами. А летом — в летних. В них кисти рук остаются обнаженными.

Водолазный сигнал — так называется у водолазов веревка для переговоров. Один конец ее обвязывают вокруг талии водолаза и пропускают под передний груз, другой — находится на баркасе.

Водолазный шланг — длинная резиновая трубка, по которой поступает к водолазу воздух. Шланг привинчивают к рожку на шлеме.

Водолазный шлем изготавливается без единого шва, выковывается из толстого листа красной меди. В шлеме три круглых окошечка — иллюминатора с толстыми прозрачными стеклами. Сзади к шлему припаян рожок, к нему привинчивают воздушный шланг. В рожке имеется предохранительный клапан. Он пропускает из шланга воздух в шлем, но обратно из шлема не выпускает, если даже водолаз перерубит себе шланг.

Головной золотник — небольшой медный клапан на шлеме сбоку. Он служит для того, чтобы регулировать воздух в костюме. Открывается он изнутри. Водолаз головой нажимает на стерженек внутри шлема, золотник открывается и выпускает лишний воздух. Если бы не было золотника, воздуху некуда было бы выйти. Костюм тогда бы раздуло и водолаз выбросило наверх. Это особенно опасно при работе на больших глубинах, так как от резкой перемены давления могут порваться кровеносные сосуды.

Для работы на больших глубинах применяют теперь автоматические клапаны. На такой клапан нажимать не надо, он сам автоматически выпускает воздух. Автоматические клапаны предотвращают опасность выбрасывания водолаза с глубины.

Донки, грунтососы, рефулеры — насосные и водоотливные машины на корабле.

Драить — чистить, натирать до блеска.

Задраить — плотно завинтить, закрыть наглухо.

Зазор — просвет, щель между неплотно прилегающими друг к другу поверхностями.

Капсюль — взрыватель в виде небольшого медного колпачка. На дне колпачка находится зажигательный состав, который воспламеняется от удара.

Киль — самая нижняя часть корабля.

Кнехт — чугунная, стальная или медная тумба на палубе корабля.

Комингс — так называется на корабле порог.

Крамбол — крановое приспособление для вытягивания грузов из воды на палубу.

Кубрик — помещение для команды на корабле.

Кунгас — так называется на Дальнем Востоке маленькое деревянное рыбацье судно.

Майна — команда: «Опускать вниз!»

Минреп — стальной трос, соединяющий плавучую мину с минным якорем.

Рубка — надстройка на верхней палубе корабля.

Ряжи — большие прямоугольные ящики, срубленные из бревен и заполненные внутри камнями. Служат опорой, фундаментом для пристаней, набережных, причалов, мостов и плотин.

Травить — выпускать, спускать.

Тральщик — рыболовное судно. В военном флоте — судно для вылавливания мин.

Тралмейстер — старший специалист по рыбному промыслу на тральщике.

Трап — деревянная или железная лестница. На водолазном баркасе спускается с борта или кормы, чтобы водолазам было удобнее сходить в воду или выйти из воды.

Трепанг — крупный морской бородавчатый червь. Бывает белый и голубой. Ценится очень дорого, в особенности голубой; употребляется как лакомство и как лечебное средство. Ловлей трепангов заняты многие промысловые артели на Дальнем Востоке.

Трос — веревка. Тросы бывают пеньковые и стальные.

Трюм — помещение для грузов на корабле.

Форштевень — нос корабля, место соединения обоих бортов.

Швартовы — толстые пеньковые или проволочные канаты, которыми корабль привязывается к неподвижным предметам на берегу или к другому судну.

Шкиперская — склад, кладовая на палубе.

Штурмтрап — веревочная лестница с деревянными ступенями.

Штуцер, или ерш, — металлическая трубка с наклонной винтообразной резьбой.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Первый спуск	7
«Память Азова»	10
Удавка	12
«Садко»	16
Около «круглой смерти»	19
Под миноносцем	21
В Черменецком	26
«Шорох»	29
Бешеная акула	34
Старый паспорт	43
Водолаз Зыбков	58
Капитан Лаце	63
Когда вспыхнул свет	97
Загадочные звуки	106
Битва под водой	118
Находка	126
Акуля охота	137
Необыкновенное озеро	147
«Кофейник»	154
Подводная тайга	162
Словарь	171

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

*Укажите свой точный адрес и возраст.
Пишите по адресу: Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги Детгиза.*

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Золотовский Константин Дмитриевич

ПОДВОДНЫЕ МАСТЕРА

Ответственный редактор *Г. В. Антонова*, Художник-редактор *Ю. Н. Киселев*. Технический редактор *Л. Б. Леонтьева*. Корректоры *Н. В. Богачева* и *Л. К. Малявко*. Подписано к набору 25/II 1958 г. Подписано к печати 24/VI 1958 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 11+5 вклеек. Усл.-печ. л. 9,29. Уч.-изд. л. 9,25.

Тираж 100 000 экз.

Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, наб. Кутузова, 6. Заказ № 421.
Цена 3 р. 95 к.

Типография № 4 УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Социалистическая, 14.

3 р. 95 к.

